

ДЕТСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

С. ПРОКОФЬЕВА

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЖЕЛТОГО ЧЕМОДАНЧИКА**

Софья Леонидовна Прокофьева

Приключения желтого чемоданчика (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6299148

Приключения желтого чемоданчика: сказочные повести / Софья Прокофьева; худож. Г. Калиновский, Е. Гладикова.: АСТ, Астрель;

Москва, Санкт-Петербург; 2008

ISBN 978-5-17-005409-1, 978-5-271-07706-7

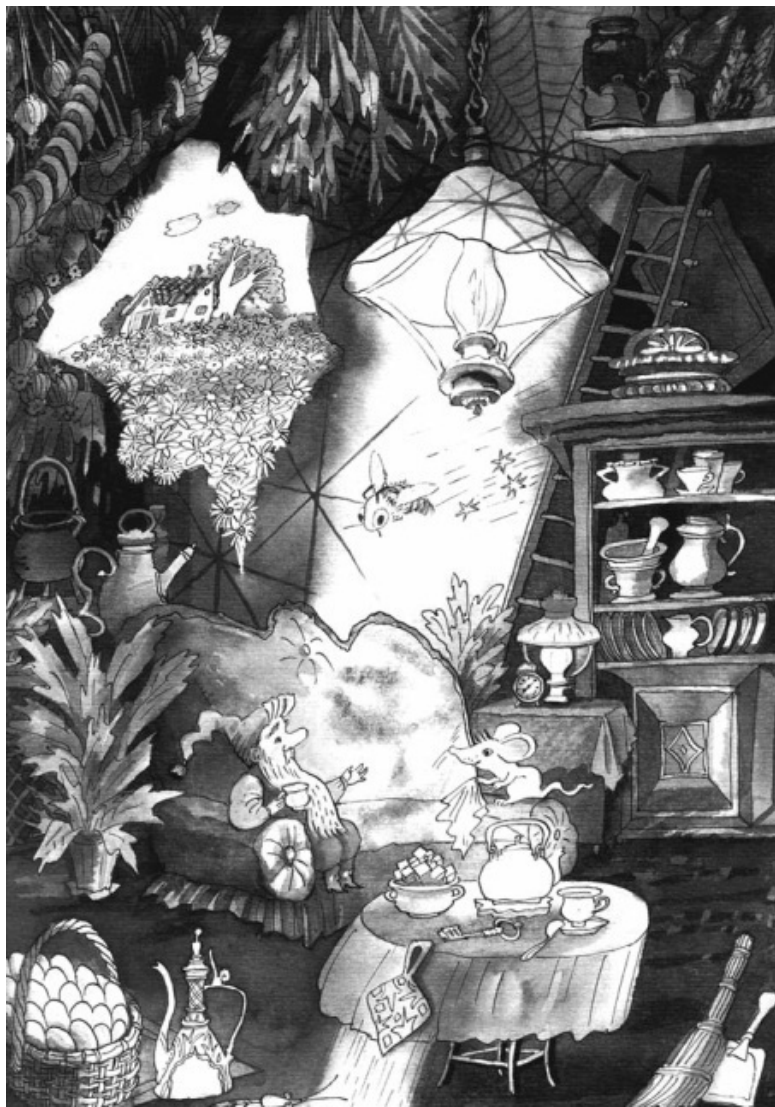
Аннотация

В сборник произведений Софьи Леонидовны Прокофьевой вошли сказочные повести: «Приключения желтого чемоданчика», «Лоскутик и Облако», «Астрель и Хранитель Леса», «Девочка по имени Глазастик» и «Пока бьют часы».

Содержание

Сказки Софьи Прокофьевой	10
Приключения желтого чемоданчика	16
Глава 1	16
Глава 2	23
Глава 3	29
Глава 4	35
Глава 5	41
Глава 6	45
Глава 7	51
Глава 8	57
Глава 9	60
Глава 10	65
Глава 11	71
Лоскутик и Облако	76
Глава 1	76
Глава 2	80
Глава 3	85
Глава 4	91
Глава 5	98
Глава 6	105
Глава 7	111
Глава 8	117
Глава 9	122

Глава 10	128
Глава 11	139
Глава 12	150
Глава 13	156
Глава 14	164
Глава 15	170
Глава 16	176
Глава 17	182
Глава 18	188
Глава 19	196
Глава 20	200
Конец ознакомительного фрагмента.	208

**Софья Леонидовна
Прокофьева
Приключения
желтого чемоданчика:
сказочные повести**

Предисловие Якова Акима

© С.Л. Прокофьева, текст, 2001

© Г.В. Калиновский, иллюстрации, 2001

© Е.Ф. Гладикова, иллюстрации, 2001

© ООО «Издательство Астрель», 2008

Сказки Софьи Прокофьевой

Софья Леонидовна Прокофьева родилась в Москве в 1928 году. Ее отец – художник, его брат – известный музыкант.

«Утром я просыпалась под звуки рояля. Чаще всего это были фуги и прелюдии Баха. Потрескивают дрова в старой голландской печи, в окно ярко светит красное зимнее солнце. И музыка...» – вспоминает о своем детстве Софья Прокофьева.

В доме была обширная библиотека. Так что девочке очень рано открылся широкий мир искусства, притягательный и завораживающий.

Потом война, эвакуация. И вот снова Москва. Теперь те же книги читаются уже по-иному. Заветная книга: «Камень» Мандельштама. Как-то без усилия, само собой все стихи заучиваются наизусть. Это словно бы дверь в неведомую страну поэзии. И эта дверь открывается...

В шестнадцать лет написаны первые стихи. И сразу зрелые, сложные, можно даже сказать – усложненные. «Античный цикл».

Но вот школа окончена. Конечно, единственный путь – это литература, путь, выбранный сердцем и предчувствием судьбы.

Но можно ли поступить в Литературный институт с такими стихами? Они не укладываются ни в какие официальные

рамки, собственно говоря, они противопоставлены всей казенной поэзии того времени.

Но остается другое. Живопись, графика. Софья Прокофьева рисует, пишет акварели. Отец, опытный художник, становится ее первым учителем.

В 1951 году она поступает в Московский художественный институт им. Сурикова. Здесь хотя бы не надо подвергать досмотру самое сокровенное, хрупкое.

Пять лет тяжелой учебы, постижение мастерства.

Но все-таки это лишь временное пристанище. Слишком сильно притяжение литературы.

И вот тогда приходит сказка, чтоб стать единственной возможностью выразить себя, свое мироощущение.

Почему сказка? Наверное, потому, что в силу своего жанра сказка всегда своевольна, фантастична, в ней больше воздуха, свободы, права на выдумку. Ее труднее загнать в узкие цензурные рамки.

В 1957 году в издательстве «Детская литература» выходит в свет первая сказка Софьи Прокофьевой «Кто лучше?».

Потом – несколько лет работы в издательстве «Малыш». Это была счастливая пора для многих молодых литераторов. В издательстве царила какая-то особая, теплая, творческая атмосфера. Нельзя не упомянуть добрым словом тогдашнего главного редактора «Малыша» Юрия Павловича Тимофеева. Он объединил вокруг себя целую плеяду молодых авторов. Достаточно назвать хоть некоторые имена: Геннадий

Цыферов, Генрих Сапгир, Ирина Токмакова, Эмма Мошковская, Георгий Балл – они заложили основу новой отечественной детской литературы.

Уже в этот период определяется стиль сказок Софьи Прокофьевой – образный и поэтичный. И в сочетании с этим – непременно увлекательный, захватывающий сюжет.

В 1965 году в издательстве «Детская литература» выходит в свет сказка «Приключения желтого чемоданчика». Живая, затейливая сказка привлекает внимание известного режиссера И. Фреза. Результат совместного труда: веселый, остроумный фильм, с прекрасными актерами в главных ролях. Среди прочих наград этот фильм получает серебряную медаль «Венецианского Биеннале».

Следующая сказка «Пока бьют часы» (1967) тоже ложится в основу одноименного кинофильма.

Думается, что годы, потраченные на постижение изобразительного искусства, не прошли даром. Все сказки Софьи Прокофьевой отмечены особой образностью, они как бы объемны. Зрительный ряд поражает своей яркостью, многокрасочностью.

Но семидесятые годы – время зоркого пригляда за литературой, в особенности для детей. Ни вправо, ни влево с узкой, проложенной цензурой тропинки.

В 1968 году выходит в свет сказка «Не буду просить прощения». Трепетная, немного грустная сказка о маленьком мальчике, который поссорился с мамой. А ведь это всем из-

вестно, не правда ли: если человек ссорится с мамой, в мир приходят Великие Холода!

Забегая вперед, скажем, эта небольшая сказка была экранизирована, по ее мотивам была написана пьеса, а впоследствии даже опера. В Японии эта сказка получила медаль как лучшая книга года, выбранная самими детьми. Но это потом.

А пока что выход книги в свет вызывает бурную негативную реакцию. В «Литературной газете» появляется резкая статья: «Злая сказка». Еще более агрессивной критике подвергается полная фантазии и выдумки сказка «Лоскутик и Облако». Отметим, что впоследствии эта сказка была переведена на одиннадцать языков, экранизирована.

Сказка «Лоскутик и Облако» сразу полюбилась маленькому читателю. Капризное, самолюбивое Облако, трогательная девочка-сиротка Лоскутик...

И вот три года остракизма: ни одно издательство и слышать не хочет о сказках неугодного автора.

Писатель пишет, как говорится, в стол, ожидая лучших времен. И тогда в сказках Софьи Прокофьевой появляется волшебник Алеша, обаятельный и рассеянный, и его вечный спутник – кот Васька, хвостун и задира, но всем сердцем преданный своему хозяину.

Так начинается серия «Повелитель волшебных ключей». Да, волшебнику Алеше достаточно нарисовать ключ на какой-нибудь двери, и он может войти в любую сказку. Он попадает в королевство грустных людей, где Королевские

Сборщики Улыбок отбирают у людей, может быть, самое заветное и драгоценное – улыбку! А без улыбки люди становятся совсем легкими и улетают. Улетают куда?..

Волшебник Алеша спешит на помощь тому, кто в беде, кто позвал его. Так он оказывается в сказке, где в заточении томится принцесса Астрель. Юная Астрель обладает поистине необыкновенным даром: в сумерках она становится невидимой. И вот, когда солнце уже зашло, а слуги еще не зажгли свечи, Астрель может убежать из дворца. Она спускается по хрупкой лесенке из дождевых капель...

Какие увлекательные приключения, какие неожиданные, свежие, выразительные образы! Девочка Уэнни с завязанной на шее серой ниткой, отражение, ускользнувшее из зеркала, крошка эльф, зажигающий в церкви свечи, да всех и не перечесть.

Постепенно сказки Софьи Прокофьевой становятся все более духовно насыщенные.

Ослепительно прекрасная принцесса Альфиора снимает с шеи золотой крестик и отдает его королеве Демонте, владеющей тайнами дьявольской магии. Да, теперь красота Альфиоры бессмертна, но какую страшную цену заплатила она за это!..

Недаром детям так полюбилась серия «Белоснежка». Пусть ее читателю всего шесть-семь лет, но он узнает, как благословение святого старца может снять злые чары с маленькой Элизы. Никогда больше Морскому царю не удаст-

ся снова превратить девочку в золотую рыбку, к ней навеки вернулся ее человеческой образ. Без волнения нельзя читать, как Белоснежка плывет на призрачном, невесомом волшебном корабле. На нем может плыть лишь тот, чья душа чиста и светла. Одна грешная темная мысль – и волшебный корабль в тот же миг исчезнет, растает, и человек пойдет ко дну.

Порой кажется, что фантазия автора поистине неисчерпаема.

Сказки Софьи Прокофьевой завоевали свое прочное место в детской литературе. Поэтичные, полные тайны и романтики, они живут своей собственной жизнью, ни с чем не соперничая. Порой они напоминают старинные легенды, но забавные персонажи, легкий умный юмор делают их всегда близкими и современными.

Порадуемся за юных читателей, которые прочтут эти сказки!

Яков Аким

Приключения желтого чемоданчика

Глава 1 Детский Доктор

Детского Доктора разбудило яркое солнце и ребячий смех.

Детский Доктор мог целыми днями слушать этот смех. Это были для него самые приятные звуки на свете. Ребята играли во дворе и смеялись. Время от времени снизу поднималась серебряная струя воды. Можно было подумать, что посреди двора лежит большой кит. Детский Доктор, конечно, понимал, что этого не может быть. Он знал, что это дворник дядя Антон поливает клумбу.

Детский Доктор чувствовал себя утомленным.

Последнее время у него было очень много работы. По ночам он писал книгу. Книга называлась «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки».

Днем он работал в детской поликлинике, а после работы собирал материал для своей книги. Он ходил по дворам и скверам, входил в темные подъезды и даже заглядывал под лестницы.

«Как хорошо, что сегодня мне не надо идти в поликлинику! – подумал Детский Доктор. – Я смогу сегодня отдохнуть и, может быть, даже закончу седьмую главу моей книги. У меня сегодня только два вызова. Правда, один случай очень тяжелый: эта грустная девочка Тома...»

В это время раздался громкий звонок.

Детский Доктор пошел в переднюю и открыл дверь.

За дверью стояла мама.

Конечно, это была не мама Детского Доктора. Это была мама какого-нибудь мальчика или девочки. Но то, что это была мама, было несомненно. Это было сразу видно по ее большим несчастным глазам.

Детский Доктор тихонько вздохнул и пригласил эту чью-то маму в кабинет.

Правда, это была очень хорошая мама. Детский Доктор это сразу определил.

Такая мама наверняка умела быть строгой.

Но с другой стороны, такая мама наверняка разрешала своему ребенку лазить по деревьям и бегать босиком по лужам.

«Интересно, как она относится к дракам? – подумал Детский Доктор. – Ее мнение было бы важно для моей книги «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки»...»

– Вы понимаете, Доктор... – волнуясь, начала мама. Ее глаза были совсем темными и несчастными. А ведь, навер-

ное, ее глаза умели ярко сиять. – Видите ли... Мне вас очень рекомендовали... У меня сын Петя... Ему девять лет. Он очень болен. Он... вы понимаете... он... трус...

Прозрачные слезы одна за другой закапали у мамы из глаз. Можно было подумать, что вдоль щек у нее висят две нитки блестящих бус. Видно было, что ей очень тяжело.

Детский Доктор смутился и стал смотреть в сторону.

– Вот рано утром... – продолжала мама. – Понимаете, как проснется... или, например, как придет из школы... а вечером...

– Так, так, – сказал Детский Доктор. – Минуточку, минуточку. Вы лучше отвечайте на мои вопросы... В школу ходит один?

– Провожая и встречаю.

– А в кино?

– Уже полтора года не был.

– Собак боится?

– Даже кошек... – тихо сказала мама и всхлипнула.

– Понятно, понятно! – сказал Детский Доктор. – Ну ничего. Современная медицина... Приходите ко мне завтра в поликлинику. Я вас запишу на двенадцать часов. Вам удобно в это время?

– В поликлинику? – растерялась мама. – Вы знаете – он не пойдет. Ну ни за что на свете. Не могу же я вести его силой? Как вы считаете?.. Я думала... вы к нам на дом... Мы здесь недалеко живем. На сто втором автобусе...

– Ну хорошо, хорошо... – со вздохом сказал Детский Доктор и с тоской посмотрел на свой письменный стол. – Мне все равно сейчас надо ехать на Лермонтовский проспект к этой грустной девочке Томе...

И Детский Доктор стал складывать лекарства в свой небольшой чемоданчик. Чемоданчик был среднего возраста, не новый и не старый, желтого цвета, с блестящими замками.

– Минуточку, минуточку, чтобы не забыть... Это порошок смеха для грустной девочки Тома. Очень сильнодействующее средство... Уж если он не поможет... Так... Быть-ка антиболтина. Так, так. Перед употреблением взбалтывать... Это для одного болтуна... А для вашего Пети...

– Простите, Доктор... – опять засмушалась мама. – Вы и так очень любезны... Но... Петя не принимает никаких лекарств. Боится. Он даже не пьет газировку, потому что она шипит. А суп я ему наливаю в мелкую тарелку. Он боится есть из глубокой тарелки.

– Естественно, естественно... – задумчиво пробормотал Детский Доктор.

– Вы находите это естественным? – От удивления мамины глаза стали в четыре раза больше.

– Это естественно для данного заболевания, – ответил Детский Доктор, насыпая что-то в бумажный кулек. – Таким детям я даю лекарство в виде конфет. Вы видите, самая обыкновенная конфета в розовой бумажке. Самые трусливые дети смело кладут ее в рот и...

Детский Доктор и мама вышли на улицу.

На улице было просто замечательно!

Солнце было горячее. Ветерок прохладный. Дети смеялись. Взрослые улыбались. Куда-то быстро ехали машины.

Детский Доктор и мама подошли к автобусной остановке.

За желтым забором уходила в небо высокая телевизионная вышка. Она была очень красивая и очень высокая. Наверное, всем мальчишкам в этом районе она снилась каждую ночь.

А на самом ее верху горел ослепительный огонек. Он был такой яркий, что лучше было целый час смотреть на солнце, чем одну минуту на этот огонек.

Вдруг этот огонек погас. И тогда стало видно, что там, на самом верху, копошится какой-то черный муравей. Потом этот черный муравей пополз вниз.

Он становился все больше и больше, и вдруг оказалось, что это вовсе не муравей, а рабочий в синем комбинезоне.

Потом в желтом заборе открылась какая-то дверца, и рабочий, нагнувшись, прошел через эту дверцу. В руке у него был желтый чемоданчик.

Рабочий был очень молодой и очень загорелый.

У него были ярко-голубые глаза.

«Может быть, они такие голубые, потому что он работает так высоко в небе?... – подумал Детский Доктор. – Нет, конечно, я рассуждаю слишком наивно...»

– Вы уж извините меня, старика! – сказал Детский Доктор

молодому рабочему. – Но я хочу вам сказать, что вы очень смелый человек!

– Ну что вы! – смутился молодой рабочий и стал еще моложе, и стал совсем похож на мальчишку. – Ну какая тут смелость!

– Работать на такой высоте! Разрешите пожать вашу руку! – разволновался Доктор и, поставив свой желтый чемоданчик на землю, протянул руку молодому рабочему.

Молодой рабочий тоже поставил свой чемоданчик на землю и пожал руку Детскому Доктору.

– Вы, конечно, в детстве любили драться? Я не ошибся?

Молодой рабочий покраснел и в смущении покосился на людей, стоявших в очереди.

– Да, бывало... Ну что вспоминать такие глупости...

– Это совсем не глупости! – воскликнул Детский Доктор. – С точки зрения науки... Но сейчас говорить об этом не время. Главное – это ваша удивительная смелость. Смелость – это...

– Наш автобус, – тихо сказала мама.

Но она сказала это таким голосом, что Детский Доктор сразу на нее посмотрел. Он увидел, что ее лицо побелело и стало каким-то каменным. Можно было подумать, что это не мама, а статуя мамы. А глаза, которые умели сиять, стали совсем мрачными.

Детский Доктор виновато втянул голову в плечи, подхватил желтый чемоданчик и полез в автобус.

«Ах я разбитый градусник! — думал он, стараясь не глядеть на маму. — Какая бестактность говорить в ее присутствии о смелости. Я врач и так грубо ткнул пальцем в рану. Да еще такая хорошая мама... Ах я дырявая грелка, ах я...»

Глава 2

Трусливый мальчишка

Мама открыла дверь и через темную переднюю провела Детского Доктора в ярко освещенную комнату.

Комнату заливало солнце.

Но как будто этого было мало. Под потолком горела большая люстра. На тумбочке стояла зажженная настольная лампа. А на столе лежал зажженный электрический фонарик.

– Петенька мой! – тихо и ласково сказала мама. – Это я пришла! Где ты?

Под кроватью кто-то зашевелился. Можно было подумать, что там лежит большая змея.

– Петенька! – опять тихо и ласково сказала мама. – Я здесь. Я не дам тебя никому в обиду. Вылезай, пожалуйста!

Из-под кровати показалась голова мальчишки.

Детский Доктор посмотрел на Петьку и улыбнулся.

Он терпеть не мог лечить мальчишек и девчонок, которые ему не нравились. А Петька ему сразу понравился.

То есть, конечно, не весь Петька, а только Петькина голова. Весь Петька был еще под кроватью.

Но у Петьки был хороший подбородок, симпатичные уши, торчавшие в разные стороны, а на носу были четыре замечательные веснушки.

– Вылезай, вылезай, – сказал Детский Доктор, радуясь, что

Петька ему понравился. – Под кроватью темно, вылезай на солнышко.

Петька на животе осторожно вылез из-под кровати. Теперь он был похож не на змею, а на большую ящерицу без хвоста.

– Ну вставай, вставай, чего на полу лежать-то! – сказал Детский Доктор. – По полу, знаешь, иногда мыши ходят.

– Встань, Петенька, не бойся! – тихо и терпеливо сказала мама.

Петька встал. Теперь он был похож не на ящерицу, а просто на хорошего мальчишку.

Детский Доктор обошел вокруг Петьки, глядя на него своими опытными глазами.

– А ну-ка, согни руку, я посмотрю, какие у тебя мускулы!

Петька посмотрел на маму жалкими глазами и согнул в локте дрожащую руку.

– Совсем не так плохо! Совсем не так плохо! – довольным голосом сказал Детский Доктор. – А ну-ка, теперь подпрыгни!

Но вместо того чтобы подпрыгнуть, Петька обеими руками вцепился в спинку стула. Петька так в него вцепился, что его пальцы побелели, как отмороженные.

– Ну подпрыгни, сыночек! – тихо сказала мама. – Ну, пожалуйста. Это надо для лечения...

Петька с упреком посмотрел на маму и подпрыгнул.

По правде говоря, когда он подпрыгнул, между его подош-

вами и полом с трудом можно было просунуть мизинец маленького ребенка.

– Отлично, отлично! – сказал Детский Доктор и сел за стол. – Случай, конечно, запущенный, но не тяжелый. Сто граммов конфет «Настоящая храбрость» – и он будет здоров. Вот увидите: он сейчас съест одну конфетку и пойдет гулять во двор.

И тут глаза мамы, которые умели сиять, наконец засияли. «Да, да, я не ошибся, – подумал Детский Доктор, – они могут сиять, ее глаза...»

– Неужели это правда? – сказала мама и засмеялась от счастья. – Ну тогда я пойду на работу, а то я уже совсем опаздываю. Мне и так придется бежать всю дорогу. Я только попрошу соседку, чтобы она посидела с Петенькой, и пойду.

– Никаких соседок! Никаких соседок! – строго сказал Детский Доктор. – Я категорически против соседок. Это может только повредить. Я сам прослежу, чтобы ваш сын как следует разжевал конфету «Настоящая храбрость» и проглотил ее. И все будет в порядке.

– Мамочка! – прошептал Петька.

– Не бойся, сыночек, надо слушаться Доктора.

– Не уходи! – всхлипнул Петька.

– Но ты же слышал, что сказал Доктор. Все будет хорошо!

И с этими словами эта хорошая мама крепко поцеловала сына, крепко пожала руку Детскому Доктору и ушла.

Она ушла очень счастливая, и глаза ее сияли.

А Детский Доктор взял желтый чемоданчик и поставил его на стол.

Потом он потянул замки большими пальцами в разные стороны. Замки громко щелкнули, и чемодан открылся.

И вдруг Детский Доктор громко вскрикнул и уставился в открытый чемоданчик с таким видом, как будто он уставился в открытую пасть крокодила.

Потом он схватился руками за волосы и замер с открытым ртом. Потом он закрыл рот, опустил руки, схватил чемоданчик и вывалил все его содержимое на стол.

На стол тяжело упала толстая серая книга и металлический щиток с темным стеклом посередине. На книге большими буквами было написано «Верхолаз-электросварщик».

– Чемодан... – прошептал Детский Доктор белыми дрожащими губами. – Это не мой чемодан...

Петька хрипло заревел от страха.

Детский Доктор посмотрел на Петьку отсутствующими глазами.

– Это чемодан того храброго молодого человека, – простонал он. – Ну конечно, я не взял свой чемодан, а взял не свой чемодан. То есть я хочу сказать, что он взял мой чемодан, а не взял свой чемодан. А в моем чемодане лежат конфеты «Настоящая храбрость»... О-о-о...

Детский Доктор снова застонал таким ужасным голосом, как будто у него заболели сразу все зубы.

– Эти конфеты может есть только трус. А этот храбрый

молодой человек и так слишком храбрый. Если он съест хоть одну конфету, он станет чересчур храбрым, и тогда... Нет, нет, его надо скорее найти!

Вот тут на книжке написано: Валентин Ведеркин. Я должен бежать! – закричал Детский Доктор, поворачиваясь к Петьке. – А ты подожди тут маму!

Но Петька всей тяжестью повис на рукаве Детского Доктора. Слезы заливали все его лицо и, как серьги, болтались на оттопыренных ушах. Рукав затрещал. Еще немного, и Детский Доктор отправился бы на поиски Валентина Ведеркина в пиджаке с одним рукавом.

– Я один не останусь! Я боюсь! – рыдал Петька.

– Тогда пойдем со мной!

– И с вами не пойду! Я боюсь!

– А чего ты больше боишься: оставаться здесь или идти со мной?

– Одинаково!

– Выбирай!

– Боюсь выбирать!

– Ну, решай, скорее!

– Боюсь решать!

– Ну, скорее!

– Боюсь скорее!

– Ну хочешь, я отведу тебя к соседке? Как ее зовут?

– Тетя Катя.

– Где она живет?

– Не знаю.

– Ну, в какой квартире?

– Не знаю.

– Ну, пойдем ее поищем!

– Боюсь искать!..

– Так мы с тобой до вечера проговорим! – закричал Доктор, бросаясь к двери. – А я больше не могу ждать!..

Глава 3

Валентин Ведеркин и его бабушка

Валентин Ведеркин стоял посреди комнаты и смотрел на потолок. Он был уже не в синем комбинезоне, а в красивом костюме.

Рядом с ним стояла его бабушка Анна Петровна и тоже смотрела на потолок.

Две пары голубых глаз смотрели на потолок.

На потолке было желтое пятно. Оно было совсем ни к чему на этом белом потолке в этой новой комнате.

– Течет, – вздохнула Анна Петровна. – Ночью дождик был, и опять протекло.

Анна Петровна была маленькая старушка с тихим, добрым лицом. У нее были добрые глаза, добрый рот и добрые брови. Даже нос и щеки у нее были добрые.

– Ты бы с управдомом поговорила, бабушка! – с досадой сказал Валентин Ведеркин.

Анна Петровна подняла на него кроткие голубые глаза.

– Я бы с ним поговорила, да вот он со мной говорить не хочет, – с огорчением сказала она. – Вон он, на лавочке сидит...

– Давай я с ним поговорю!

– Что ты, что ты, Валечка! Ты человек горячий! – испугалась Анна Петровна. – И голос у тебя такой, слишком гром-

кий. Еще соседа нашего побеспокоишь. Я вот чай пью, так сахар в чашке не размешиваю. Боюсь, ложечкой звякну – потревожу его. Может, он сейчас отдыхает. Может, ему сегодня лететь... Ты иди, иди, милый, а то в кино опоздаешь...

Анна Петровна проводила внука в переднюю и закрыла за ним дверь.

«Надо же, какой отчаянный! – подумала она, на цыпочках возвращаясь в комнату. – Даже управдома не боится».

Анна Петровна села на стул и стала смотреть на желтое пятно.

Она смотрела на него и смотрела, как будто это пятно могло прибавить ей силы для разговора с управдомом.

Наконец она подошла к окну.

Управдом сидел на скамейке, смотрел на клумбу и о чем-то думал. У него было красное лицо и красная шея. Посреди красного лица торчал не очень красивый нос, похожий на большую грушу.

Анна Петровна долго откашливалась и даже сама себе улыбалась от смущения, а потом робко крикнула:

– Пожалуйста, будьте так любезны... Я вас очень прошу...

Домоуправ поднял голову и что-то зарычал. Анна Петровна поскорее ушла с балкона, хотя балкон был на пятом этаже.

«Ну что ж, пятно – это только пятно... Не упадет же оно мне на голову, – подумала она. – Правда, вот осенью, когда пойдут дожди...»

Анна Петровна вздохнула и принялась за уборку. Она по-

весила в шкаф синий комбинезон. Потом она открыла желтый чемоданчик. Она всегда в нем тоже наводила порядок.

«Конфеты! – умилилась она, заглянув в небольшой бумажный кулек. – Ну совсем еще дитя, совсем дитя! Не может без сладенького. А конфеты какие-то интересные. Никогда таких и не видала... Надо попробовать...»

И тут эта милая, добрая старушка развернула конфетку и сунула ее в рот. Конфета была приятная, немного мятная, немного сладкая, а немного какая-то не поймешь какая. После нее во рту стало прохладно и даже весело.

«Очень хорошие конфеты! – решила Анна Петровна и съела еще одну. – Даже лучше «Мишки». И недорогие, наверное. Только вот надо мне будет с управдомом еще раз поговорить, и посерьезнее...»

Вторая конфета ей показалась вкуснее, чем первая, и она съела еще одну конфету.

– И правда, какое безобразие, – сама себе сказала Анна Петровна. – На скамейке сидеть у него всегда времени хватает, а вот о жильцах подумать – на это времени у него нет. Ну, я до этого управдома еще доберусь!

В коридоре слышались шаги.

Анна Петровна подскочила к двери, распахнула ее и втащила в комнату высокого летчика.

У летчика было очень смелое лицо. У него были смелые глаза, высокий, смелый лоб и твердые, смелые губы.

Наверное, он ни разу в жизни ничего не пугался. Но сей-

час он смотрел на Анну Петровну с изумлением и даже некоторым страхом.

– А ну-ка, голубчик, сейчас же садись пить чай! – закричала Анна Петровна и стукнула кулаком по столу. (Старенький стол испуганно покачнулся. За всю его долгую жизнь в этой семье по нему никто не стучал кулаком.) – Как это так получилось, что мы живем в одной квартире, а я тебя, голубчик, еще ни разу не напоила чаем?

– Спасибо, Анна Петровна, – растерянно сказал летчик. – Я только что...

– Тогда хоть конфеты эти возьми, горе мое! – продолжала кричать Анна Петровна. – Знаю я вас!.. Небось в воздухе захочется сладенького! Вот и скушаешь!..

И с этими словами Анна Петровна высыпала весь кулек конфет в карман летчику.

– Ну, а как твоя грустная дочка Тома? Еще ни разу не улыбнулась? Надо будет ей тоже купить конфет!

Смелое лицо летчика потемнело. Наверное, когда его самолет шел в сплошных грозовых тучах, у него было такое лицо.

– Спасибо вам, Анна Петровна, но здесь конфетами не поможешь, – тихо сказал летчик, и его смелые губы дрогнули. – Тома перестала улыбаться с тех пор, как заболела ее мама. Вы знаете, ее мама две недели была тяжело больна. Сейчас она здорова. Но Тома с тех пор никак не может улыбнуться. Она разучилась. Я обратился к самому лучшему Детско-

му Доктору в нашем районе... Может быть, он заставит ее улыбнуться...

– Ничего, не отчаивайся, голубчик! – закричала Анна Петровна. – В ее-то возрасте!.. Это вот если в моем возрасте разучиться улыбаться! Ну, выпей-ка чаю! Я его сейчас подогрею.

И она так сильно толкнула летчика на диван, что все пружины квакнули, как лягушки.

– К сожалению, я должен идти, – сказал летчик, поднимаясь и потирая ушибленный локоть. – У меня сегодня полет, а я еще до полета хотел зайти к своему старому приятелю. Он работает в цирке укротителем. Там у них, знаете, разные дрессированные медведи, собачки, клоуны. Может быть, они рассмешат мою грустную девочку... И спасибо вам за конфеты...

Едва только за смелым летчиком закрылась дверь, Анна Петровна бегом бросилась к окну.

Управдом по-прежнему сидел во дворе на скамейке, по-прежнему смотрел на клумбу и по-прежнему о чем-то думал.

– Эй, голубчик! – так громко крикнула Анна Петровна, что воробьи с писком посыпались во двор. – Что за безобразие? А ну-ка сейчас же полезай на крышу!

Управдом поднял красное лицо и ухмыльнулся:

– Некогда мне тут по разным крышам лазить. У вас течет – вы и полезайте!

– Ах так?! Ну хорошо, голубчик!.. – закричала Анна Пет-

ровна. Она еще больше высунулась из окна и обняла обеими руками голубую водосточную трубу, как будто это была ее самая лучшая подруга. Мелькнули в воздухе ее домашние тапочки с белым мехом.

Через минуту она с гордым видом стояла на пожарной лестнице.

Она посмотрела вниз и увидела задранное кверху лицо управдома. Оно было похоже на белое блюдечко, на котором лежала довольно большая груша. Управдом так побледнел, что даже шея у него стала совершенно белой.

Глава 4

На пожарной лестнице

Детский Доктор бежал по улице и тащил за собой дрожащего Петьку. Вернее, Петька летел по воздуху и только изредка отталкивался от земли носками своих ботинок.

Детский Доктор влетел в большую толпу, которая стояла прямо посреди улицы. Он чуть не сбил с ног высокую тетьку в ярко-красной шляпе и какого-то рыжего мальчишку. Рыжий мальчишка стоял, задрав голову кверху, и держал не поймешь что на веревочке. Это было что-то серое и настолько мохнатое, что не было видно ни глаз, ни ушей.

«Гав-гав-гав!» – не переставая лаяло это серое и мохнатое. Значит, скорее всего, это была собака.

А рыжий мальчишка не переставая говорил.

– А она ка-ак из окна высунется, – говорил рыжий мальчишка, – ка-ак закричит, ка-ак за трубу уцепится, вот так руками ее обхватит!..

С этими словами рыжий мальчишка крепко обхватил руками ногу какого-то высокого дяди.

– До чего довели пожилую женщину! До пожарной лестницы! – закричала высокая тетя в ярко-красной шляпе.

– Такая тихая старушка! Кошке на хвост наступит – извинится!

– Да уж, мухи не обидит!

– Какая муха? При чем тут муха? Муху-то не жалко обидеть! А вот человека обидели!

– Ай! Упадет! Упадет!

– Кто? Кто?

– Чуткости, чуткости не хватает! Если бы побольше чуткости, не полезла бы она на пожарную лестницу!

– Кто? Кто?

– Да Ведеркина из сороковой квартиры!

– Ведеркина?! – закричал Детский Доктор, хватая каких-то людей за локти.

Он поднял голову и застонал от ужаса.

На пожарной лестнице, почти под самой крышей, стояла маленькая старушка. Белые волосы выбились из-под платка с розовыми цветочками. Голубые глаза горели. А сатиновый передник развевался по ветру, как пиратский флаг.

Немного ниже ее, на пожарной лестнице, стоял человек с бледным лицом и протягивал к ней то одну, то другую руку.

Еще немного пониже стоял дворник в белом переднике.

А еще пониже стоял монтер с большим мотком проволоки через плечо.

– Слезьте, Анна Петровна, слезьте! – умоляюще кричал человек с бледным лицом. – Я вам слово даю: сейчас же сам полезу! Да держитесь вы крепче!

– Я-то держусь, а вот ты слово свое не удержишь! – спокойно сказала старушка и погрозила ему пальцем.

– Ай!.. – закричал человек с белым лицом.

– Ох!.. – простонал дворник, который стоял на несколько ступенек ниже.

А монтер, стоявший еще ниже, задрожал так сильно, как будто через него все время проходил электрический ток.

«Голубые глаза... – подумал Детский Доктор. – Конечно, это его бабушка...»

Петька обнял Детского Доктора обеими руками, постарался засунуть голову ему под халат.

– А она ка-ак за трубу схватится, ка-ак по лестнице полезет, а они ка-ак закричат!.. – ни на минуту не замолкал рыжий мальчишка. – А сама руками вот так перебирает, а ногами вот так переступает...

«Гав-гав-гав!» – лаяла безухая и безглазая собака.

Наверное, она тоже была болтуня, только она говорила на собачьем языке.

– Анна Петровна, слезайте! – закричал Детский Доктор. – Произошло недоразумение!.. Вы съели конфету... и при ее помощи...

– Карету?! – наклоняясь, закричала Анна Петровна. – «Скорой помощи»?! Молод ты еще, голубчик, так со мной разговаривать!

– Да нет! – Детский Доктор в отчаянии сложил ладони стаканчиком, прижал их ко рту и закричал изо всех сил: – Произошла ошибка!

– А я и не шибко! – с достоинством отвечала Анна Петровна. – Лезу себе не спеша на крышу, и все...

– У меня чемоданчик вашего внука! – уже в полном отчаянии крикнул Детский Доктор и поднял над головой желтый чемоданчик. Он поднял его с таким видом, как будто это был не чемоданчик, а спасательный круг.

– Валечкин чемоданчик! Как же это он у тебя очутился? – ахнула Анна Петровна и, быстро перебирая руками и ногами, стала спускаться вниз.

– Осторожнее! – закричала толпа.

– Ой! Она сейчас прямо на нас упадет! – прошептал Петька и согнулся, закрыв голову руками.

Но Анна Петровна, ловко ухватившись за трубу, уже нырнула в окно своей комнаты.

Детский Доктор побежал к подъезду. Петька бросился за ним.

На лестнице Петька отстал от Детского Доктора. Детский Доктор, как мальчишка, прыгал через две ступеньки. А Петька, как старый старичок, еле тащился вверх по лестнице, дрожащей рукой цепляясь за перила.

Когда Петька наконец вошел в комнату Анны Петровны, Детский Доктор уже сидел на стуле и со счастливой улыбкой вытирал со лба крупные капли пота.

А перед ним на столе стояли рядышком два одинаковых желтых чемоданчика.

– Дорогая Анна Петровна! Вот теперь, когда я вам все объяснил, вы понимаете, почему я так разволновался... – с облегчением говорил Детский Доктор и никак не мог пере-

стать улыбаться. – Значит, вы никогда не лазили по пожарным лестницам? Прежде вы за собой этого не замечали? Так сколько конфет вы съели?

– Три штуки, голубчик! – немного смущенно сказала Анна Петровна. – Так ведь я думала, что это Валечкины... А то бы я...

– Ничего, ничего. Их должно остаться еще больше десятка, – успокоил ее Детский Доктор.

Он открыл свой желтый чемоданчик, заглянул туда, а потом с удивлением посмотрел по сторонам.

– А где же они? Вы их, наверное, положили в какое-нибудь другое место?

Но тут с Анной Петровной случилось что-то странное. Она быстро заморгала своими голубыми глазами и закрыла лицо передником.

– Ой! – прошептала она.

Детский Доктор, глядя на нее, побледнел и привстал со стула.

Петька всхлипнул и спрятался за шкаф.

– Нет больше этих конфет, голубчик! – тихо сказала Анна Петровна. – Отдала я их!

– Кому?!

– Да нашему соседу... Летчику...

– Летчику?..

– Ну да... Испытатель он... Какие-то самолеты испытывает, что ли, – еще тише прошептала Анна Петровна из-под

сатинового передника.

– О-о-о... – простонал Детский Доктор и сел на пол рядом со стулом. – Какой ужас! Если он съест хоть одну конфетку... Ведь все летчики такие смелые. Они даже слишком смелые. Их, наоборот, учат осторожности... О-о-о...

Анна Петровна опустила передник и шагнула к Детскому Доктору.

– Так что же ты на пол уселся, голубчик? – закричала она. – Потом посидишь на полу, если хочешь. А сейчас бежать надо, бежать! Где-то тут с тобой мальчишка был? В глазах что-то вроде мальчишки мелькнуло. Где он, мальчишка?

Она схватила Петьку за вихор и мгновенно вытащила его из-за шкафа, как вытаскивают морковку из грядки. Петька громко и жалобно заревел.

– Пойдешь во двор! – закричала Анна Петровна и вытерла его мокрый нос своим сатиновым передником. – Там найдешь такую грустную девочку Тому. Она где-нибудь там гуляет. Ты ее сразу узнаешь. Все девчонки хохочут, а она даже не улыбнется. Найдешь ее и спросишь, где ее папа... А мы тут пока...

– Я один не пойду!

– Вот еще!

– Я боюсь!

– Вот еще! – закричала Анна Петровна и вытолкнула его на лестницу.

Глава 5

Грустная девчонка

Петька вышел во двор. Двор был чужой и страшный.

Около забора была навалена большая куча кирпичей и лежали толстые трубы. В такую трубу мог свободно залезть довольно большой зверь, а уж за кирпичами вообще мог спрятаться целый тигр или полслона.

«Мама, мамочка! – с тоской подумал Петька. – И зачем я только ушел из дому! Сидел бы дома под столом или лежал под кроватью... как бы хорошо было...»

Около сарая стояла группа мальчишек и девчонок. Они окружили рыжего мальчишку.

– А он ка-ак схватит чемоданчик! – быстро говорил рыжий мальчишка. – А она ка-ак закричит! А он ка-ак побегит! А она ка-ак в окно полезет! А я ка-ак...

«Гав-гав-гав!» – без передышки лаяла его безухая и безглазая собака.

Петька по очереди посмотрел на всех девчонок. Девчонки были розовые и веселые. Три девчонки улыбались, две смеялись, а одна девчонка, откинувшись назад, громко хохотала, и были видны ее белые зубы.

«Нет, здесь нет грустной девочки! – подумал Петька. – Может, она там, за сараем? Только как бы мимо этих мальчишек пройти...»

Петька, стараясь не смотреть на мальчишек, боком полез за сарайчик.

– Эй, ты! – сказал Петьке высокий противный мальчишка и ткнул в него пальцем.

На голове у противного мальчишки была маленькая панамка. Наверное, он отнял эту панаму у какого-нибудь малыша.

Петька с тоской посмотрел на противного мальчишку и попробовал поскорее пройти мимо него. Но мальчишка ухмыльнулся и выставил вперед свою длинную ногу.

Петька споткнулся и кувырком полетел на землю.

– Ха-ха-ха! – противно захохотал мальчишка. Петька стукнулся об землю коленками, локтями, животом, подбородком и немного носом. Но он даже не посмел зареветь. Ему казалось, что противный мальчишка сейчас бросится на него и разорвет его на кусочки.

Петька, дрожа всем телом, быстро уполз за сарайчик.

Здесь, в тени, росла трава и даже торчало два круглых одуванчика. Петька почувствовал животом, что земля здесь гораздо холоднее.

Он немножко успокоился и посмотрел вокруг. И тут он увидел грустную девочку. Он вообще никогда не видал таких девочек. Он даже не знал, что такие девочки вообще бывают на свете.

Она сидела на бревне, поджав под себя худые загорелые ноги, и прутиком рисовала на земле домики. Это были очень грустные домики. Окна у них были закрыты, а из труб не

шел дым. Около домиков не было ни заборов, ни деревьев с круглыми яблоками.

Петька уставился на ее грустное лицо.

А какие ресницы были у грустной девочки! Пожалуй, даже слишком длинные. Петька, например, ни за что на свете не хотел бы иметь такие ресницы. Когда она посмотрела вниз на какую-то букашку, ресницы до половины закрыли ее щеки.

У Петьки, наверное, был очень глупый вид. Он лежал на животе, и круглый одуванчик покачивался около его носа. Но грустная девочка посмотрела на него и не улыбнулась.

– Эй, ты! Тебя зовут Тома? Да? – хрипло спросил Петька.

– Тома! – грустно и серьезно сказала девочка. – А чего ты тут ползаешь?

– Это я... так, – шепотом сказал Петька и оглянулся на сарайчик. – А где твой папа?

– А зачем тебе мой папа? – грустно и удивленно спросила Тома.

– Понимаешь, у него такие конфеты... – быстро зашептал Петька, подползая к ней поближе. – А они не простые... Если он их съест – беда... Он ведь летчик... а они...

– Беда? С папой беда? – Тома вскочила на ноги. Ее глаза так широко открылись, что на лице почти не осталось места для рта и носа.

– Ты куда? Я здесь один не останусь! – закричал Петька. Петька тоже вскочил на ноги и схватил Тому за руку. Рука

у Тома была очень худенькой, ненамного толще, чем лыжная палка. Тома посмотрела на Петьку огромными испуганными глазами. Она смотрела на Петьку, но казалось, что она его не видит.

– Бежим за мной! Там Детский Доктор... Ну, скорее же!.. Я тебе все объясню...

Петька и Тома бегом бросились через двор.

Мальчишки и девчонки, стоявшие около сарая, вытаращили на них глаза и замерли с открытыми ртами. И только рыжий мальчишка продолжал что-то быстро говорить. И его безухая и безглазая собака тоже не переставая что-то говорила на своем собачьем языке.

Петька и Тома вбежали в квартиру.

Дверь в квартиру была открыта, но там никого не было. Ни Анны Петровны, ни Детского Доктора. Только на столе рядышком стояли два желтых чемоданчика.

Тома заморгала глазами. На Петьку повеяло ветерком. Как будто мимо него пролетела птица.

– А где же все? Что ж теперь делать? – отчаянным голосом сказала Тома. – Надо искать папу! Надо ехать на аэродром!

Петька изо всех сил вытянул шею и осторожно заглянул в желтый чемоданчик Детского Доктора.

– Ой, там еще бутылка какая-то!.. А вдруг в ней тоже что-нибудь опасное? И там еще что-то... Нельзя его здесь оставлять.

– Бери чемоданчик, и бежим! – закричала Тома.

Глава 6

Петька решает больше никогда не реветь

Петька и Тома выбежали на улицу.

В руках у Петьки был желтый чемоданчик Детского Доктора. В нем что-то булькало и перекатывалось с боку на бок.

Улица оглушила и ослепила Петьку.

Машины крутили колесами, фыркали и обдували его горячим воздухом. Солнце сверкало в их стеклах, как будто в каждой машине сидели десять мальчишек с зеркальцами в руках и пускали зайчики.

Петька на секунду зажмурился, и сейчас же ему на ногу наехало какое-то колесо.

– Ой! – закричал Петька.

Он открыл глаза и увидел детскую голубую коляску.

– Ну что же ты стоишь, мальчик? – сердито сказала толстая тетя, толкая его коляской.

Петька шагнул в сторону и налетел на какого-то дядю с портфелем.

– Куда же ты идешь, мальчик? – закричал дядя и ткнул его в бок портфелем.

Петька шаррахнулся от него и налетел на какую-то старушку без портфеля, но зато с большой сумкой в руках.

– Куда же ты бежишь, мальчик? – закричала старушка.

Петька с беспомощным видом закружился на месте.

– Иди сюда, я тут! – услышал он Томин голос.

Тома стояла под большой круглой липой.

Ее лицо в зеленой тени казалось совсем бледным, а глаза были очень темными и мрачными.

Петька шагнул к ней, но в это время позади него послышался ужасный рев. Конечно, так мог реветь только огромный, страшный зверь!

Петька, еле дыша от страха, оглянулся и увидел крошечного малыша.

Малыш стоял около дверей булочной и отчаянно ревел.

Никогда в жизни Петька не видал таких некрасивых малышей. Глаз у него почти не было, а рот был огромный, как дыра в водосточной трубе. Наверное, мама, когда кормила его супом, совала ему в рот большую разливательную ложку.

Слезы двумя ручьями текли по щекам малыша, огибая огромный рот.

– Бою-у-сь!.. – орал малыш. – Мама-а!

Тома присела около малыша на корточки.

– Ну не плачь! Ну не плачь! Ну чего ты боишься! – сказала Тома и погладила малыша по желтой челке.

– Боюсь!.. – еще громче заорал малыш.

– Ну чего ты боишься, глупенький? Ты же не в лесу! Вон дяди и тети идут и смеются. Говорят: «Ай как стыдно!»

– Боюсь!.. – кричал малыш, еще шире открывая рот и по-

ливая Томины руки слезами.

– Что же делать? – Тома в отчаянии снизу вверх посмотрела на Петьку. – Не могу же я с ним остаться!.. Ой, а вон наш троллейбус...

Дверь булочной хлопнула. Из булочной быстро вышла тетя с очень желтой челкой и очень голубыми глазами. В руках она держала два батона и булку.

– Мама! – сказал малыш и закрыл рот.

И тут Петька увидел, что это очень хорошенький малыш. Глаза у него были большие и очень голубые, а рот такой маленький, что туда с трудом влезла бы чайная ложка.

– Наш троллейбус! Ну садись же! – закричала Тома.

Она ухватила Петьку за руку своей маленькой рукой, еще мокрой от слез малыша. Петька, довольно громко стуча зубами, полез в троллейбус.

Петька никогда один не ездил в троллейбусах. Когда он был маленьким, он всегда ездил с мамой. А когда он вырос, все равно ездил с мамой, потому что боялся ездить один.

Он, дрожа всем телом, прислонился боком к какой-то строгой тете. У тети были строгие очки, строгие глаза под очками и строгий нос, похожий на птичий клюв.

Строгая тетя оттолкнула его от себя.

– Что с ребенком? – сказала она строгим голосом. – Он весь трясется... и потом в нем что-то стучит!

Петька быстро зажал рот рукою. Это стучали его зубы.

Его бедные зубы, которые болели после каждой ириски

или пирожного. Но Петька все равно ни за что не соглашался пойти к зубному врачу. Он так боялся бормашины, как будто она была хищным зверем и вместе с тиграми бегала по джунглям.

Строгая тетя наклонилась к Петьке и крепко ухватила его за плечо.

Петьке показалось, что она сейчас клюнет его своим строгим носом...

– Я бо... – прошептал Петька.

– Болен? Ребенок болен! – ахнула строгая тетя. – Больной ребенок едет в троллейбусе! Его надо немедленно отправить в больницу!

– Я не болен, я бо...

– Что «бо»?! – закричала строгая тетя.

– Я бо-юсь!

– Ребенок боится ехать в больницу! – снова закричала строгая тетя и еще крепче ухватила Петьку за плечо. – Надо скорее вызвать «скорую помощь»! Ему совсем плохо! Как он дрожит! Остановите троллейбус!

Петька покачнулся и закрыл глаза.

Он чувствовал сквозь рубашку твердые пальцы строгой тети. Как будто у нее была не обычная, человеческая рука, а железная.

Тома пролезла между строгой тетей и Петькой.

Она подняла голову и посмотрела на строгую тетю.

– Он не болен, – сказала Тома своим тихим и серьезным

голосом. — Он боится... боится опоздать. Мы очень торопимся. Правда?

У Петьки с трудом хватило силы кивнуть головой.

Строгая тетя с сожалением выпустила Петькино плечо. Видимо, она все-таки считала, что на всякий случай лучше остановить троллейбус и отправить в больницу этого дрожащего мальчика.

А Петька поскорее пробрался на свободное место, подальше от строгой тети и поближе к окошку.

Тома села рядом с ним.

И вдруг прямо в десяти шагах от себя за стеклом троллейбуса Петька увидел свой дом.

Розовый дом плавно уплывал назад.

А вместе с домом уплывал и голубой забор, и скамейка, и дворник в белом фартуке, и соседка тетя Катя.

Тетя Катя стояла рядом с дворником, и они улыбались друг другу. Петька вскочил на ноги.

— Ты куда? — удивленно спросила Тома.

— Я уже приехал... Все... Это мой дом...

— А разве ты... не со мной?

Петька посмотрел на Тому. Ее глаза были такими большими, что Петьке захотелось, чтобы они были хоть немножко поменьше. И не такие грустные. Бледные губы Тома дрогнули.

— Я с тобой, — буркнул Петька и снова сел на скамейку рядом с Томой.

С тоской посмотрел он на угол розового дома, на свой балкон, где мама повесила сушиться на веревке его трусы и старую ковбойку.

Троллейбус завернул за угол и быстро поехал по длинной улице, увозя Петьку все дальше и дальше.

Тома прижалась к окну лбом. Она тихонько стучала по стеклу кулаком и нетерпеливо шептала: «Ну скорее, скорее!» А Петька низко-низко опустил голову.

Что-то теплое и мокрое побежало у него по щекам.

Кап!.. – на светло-серых брюках появилось темно-серое круглое пятно.

И тут Петька почему-то вспомнил малыша, который стоял и плакал около булочной. Петька вспомнил его огромный рот и слезы, бегущие по щекам.

Петька сжал кулаки.

«Не зареву! Ни за что не зареву! Неужели у меня тоже такой вид, когда я реву? – подумал он и покосился на Тому. – Нет, больше никогда в жизни не буду реветь!»

Глава 7

Очень высокий и очень длинный забор

Петька и Тома бежали вдоль длинного забора. Петька старался бежать как можно ближе к Томе и даже несколько раз задел ее желтым чемоданчиком по ноге.

– А мой папа любит сладкое! – несчастным голосом прошептала Тома. – Он недавно с чаем целую банку варенья съел.

Ее ноги в коричневых тапочках замелькали еще быстрее.

– А ты знаешь, где аэродром-то? – на бегу крикнул Петька. – А может, мы не туда бежим?

– Ну да, не знаю! Он здесь, за этим забором. Там уже летное поле. Надо только до конца забора добежать.

– Да... а он вон какой длинный... Это пока мы добежим...

– Ой, правда! – Тома так резко остановилась, что Петька налетел на нее и ухватился за ее руку. – Давай через него перелезем!

– Да мы не пере...

– Ну как-нибудь!

Петька посмотрел на забор. Пока он бежал вдоль этого забора, забор казался ему очень длинным, но совсем не казался высоким. Но когда Петька решил через него перелезть,

ему показалось, что это самый высокий забор на свете. Он был до самого неба и даже еще немного выше.

– Этот забор знаешь какой длинный, – сказала Тома. – А так мы гораздо скорее... Как хорошо, что ты со мной пошел! Ты мне поможешь... Что бы я без тебя делала?

Тут Петька снова посмотрел на забор. И забор сразу показался ему намного ниже. Петька поставил желтый чемоданчик на землю, подпрыгнул и уцепился руками за верхнюю перекладину.

Петька никогда не лазил через заборы. Он никогда даже близко не подходил к заборам. Он всегда думал: «Зачем подходить к забору, когда еще неизвестно, что там за забором».

Ноги у него болтались в воздухе. Наконец ему удалось перекинуть одну ногу через верхнюю перекладину.

Петька сел верхом на забор. Сверху он увидел тонкий пробор на Томиной голове и узкие плечи.

– Давай руку, – сказал Петька, но не удержался на перекладине и, как мешок, свалился на землю по другую сторону забора.

Он сел, потирая ушибленный бок и локоть.

– Отдай! Не трогай! Это не твой! Ай! – вдруг жалобно закричала Тома.

Голос у нее был такой, как будто она вдруг очень сильно заболела.

– Ха-ха-ха! – захохотал кто-то отвратительным смехом.

Петька вскочил на забор. Он даже сам не понял, как это

у него получилось.

Тома стояла и тянула к себе желтый чемоданчик. А рядом с ней стоял противный мальчишка в маленькой белой панаме и тоже тянул к себе желтый чемоданчик. И при этом он громко хохотал, показывая ярко-желтые, нечищенные зубы.

– Это мой чемодан! – закричал Петька.

– Ты еще откуда взялся? – захохотал мальчишка. – Твой чемодан? А что в этом чемоданчике?

– В нем?.. В нем?.. – растерялся Петька. – А в нем бутылка...

Противный мальчишка рванул чемоданчик, и Тома села прямо в лопухи, которые росли около забора.

– А что в бутылке?

– Я... Я не знаю...

– Значит, не знаешь? – захохотал мальчишка. – Так я и знал. Значит, чемоданчик твой, бутылка твоя, а что в бутылке – не знаешь!

– Там... там...

– А что еще в чемоданчике?

– Не знаю...

– «Не знаю, не знаю»! – передразнил его мальчишка. – А я знаю! Откуда это у тебя будет такой чемоданчик? Ты, наверное, украл этот чемоданчик!..

– Я не крал! – закричал Петька и свалился с забора.

– А ну-ка, ребята, посмотрите, что в чемоданчике! – крикнул противный мальчишка.

И тут только Петька заметил, что позади противного мальчишки стоят еще четыре мальчишки и среди них рыжий мальчишка с мохнатой собакой на веревочке.

Рыжий мальчишка схватил чемоданчик.

— Да это не его чемоданчик! — быстро заговорил он. — Это того дяденьки чемоданчик! Он его ка-ак поднимет!.. А та тетенька ка-ак закричит!..

«Гав-гав-гав!» — залаяла безухая и безглазая собака. Наверное, она тоже рассказывала про дяденьку и про тетеньку, а может быть, и про что-нибудь совсем другое.

Рыжий мальчишка открыл желтый чемоданчик.

— Тут какая-то бутылка! — закричал он. — Я сейчас ка-ак...

Тома громко заплакала.

— Эх ты, балда, еще с ревой связался! Ха-ха-ха! — захохотал противный мальчишка. — Ведь она рева, рева!

Петька посмотрел на Тому. Она сидела на земле, большие лопухи доходили до ее подбородка. Из лопухов торчала только ее голова и две руки, закрывавшие лицо.

— Она не рева! — закричал Петька и, сжав кулаки, бросился на противного мальчишку.

А мальчишка был высокий. А мальчишка был страшный. А мальчишка, наверное, дрался каждый день. А у мальчишки были такие большие кулаки, как будто у него было по десять пальцев на каждой руке.

Но все равно Петька не мог стерпеть, чтобы кто-нибудь обзывал Тому ревой. Даже если бы она ревела с утра до ве-

чера всю жизнь.

Петька ударил противного мальчишку кулаком прямо в нос. Противный мальчишка лягнул его ногой. Тогда Петька ударил его кулаком прямо в подбородок. Противный мальчишка, как волк, лязгнул своими нечищеными зубами и свалился в лопухи.

Тем временем рыжий мальчишка, не переставая говорить, вытащил из бутылки пробку и поднес бутылку ко рту. Он сделал один большой глоток, потом второй и вдруг замер с открытым ртом.

Бутылка выпала из его растопыренных пальцев.

Белая жидкость потекла по лопуху, как по большой зеленой тарелке.

Безухая и безглазая собака, громко лая, начала лизать эту белую жидкость и вдруг замерла, широко открыв пасть и высунув розовый язык. Оказалось, что у этой собаки все-таки был еще и язык.

– Смотрите, тут какая-то коробочка! – закричал самый маленький мальчишка в коротких штанах и подкинул вверх белую квадратную коробочку.

Коробочка открылась.

Тонкая серебристая пыль окутала мальчишек.

– Ха-ха-ха! – звонко захохотал маленький мальчишка в коротких штанах.

– Ха-ха-ха! – захохотали другие мальчишки.

– Ой, я не могу! Держите меня, я сейчас упаду в лопухи!

– Какое смешное слово «лопухи»! Хи-хи-хи!

– Ха-ха-ха!!

Только рыжий мальчишка стоял, расставив руки, и молчал, наверное, впервые с тех пор, как родился.

Противный мальчишка вылез из лопухов. На носу у него была большущая шишка, и поэтому нос стал какой-то двухэтажный.

– Ха-ха-ха! – еще громче захохотали мальчишки, указывая на него пальцами.

– Ой, ребята!

– Ой, поглядите!

– А нос-то какой! Ну и носище!

Противный мальчишка закрыл панамой свой двухэтажный нос и заревел. Нос у него теперь стал такой большой, что маленькая панاما оказалась на него в самый раз.

Но Петька и Тома всего этого не видели. Они давно были по другую сторону забора и со всех ног мчались к аэродрому. В руке у Петьки был пустой желтый чемоданчик.

Глава 8

Опять очень высокий и длинный забор

Анна Петровна и Детский Доктор бежали вдоль длинного забора. Они пыхтели, как два паровоза устаревшей конструкции.

– Уф, Анна Петровна, – на бегу проговорил Детский Доктор, – мы совершили, уф, две непростительные ошибки. Во-первых, уф, мы должны были взять такси, а во-вторых, уф, мы не должны были заходить к этому укротителю, уф!

– Но я думала, ох, что Томин отец у него, ох! Я же не виновата, ох, что мы никого не застали!

– А я, уф, никого не виню, уф! – на бегу крикнул Детский Доктор.

– Нет, я чувствую, ох, по вашему тону, ох, что вы считаете меня виноватой, ох! – на бегу ответила Анна Петровна.

– Я ничего не считаю, уф! Главное, уф, нам скорее попасть на аэродром, уф. Неужели, уф, этот ужасный забор, уф, никогда не кончится, уф?

– Но, ох, через него, ох, можно, ох, пе... ох, ре... ох, лезть!.. – С этими словами Анна Петровна высоко подпрыгнула и попробовала ухватиться за верхнюю перекладину. Но она тут же упала в лопухи.

Она лежала в лопухах, тяжело дыша, и была похожа на паровоз, свалившийся под откос.

– Анна Петровна, уф, я как врач, уф, увы, в нашем возрасте, уф... Но, может быть, здесь есть какая-нибудь калитка или дырка?

– Не может быть, чтобы не было калитки! – закричала Анна Петровна, вылезая из лопухов. – В жизни не слыхала, чтобы был забор без калитки!

На то он и забор, чтобы в нем калитку делать! Только где она?

– А вот идет какой-то мальчик! Мы у него спросим!

Действительно, им навстречу шел рыжий мальчишка. Позади него уныло тащилась безухая и безглазая собака. Ее розовый язык волочился по пыльным лопухам.

– Ох, это такой болтун! – с досадой поморщилась Анна Петровна. – Целый час будет болтать, пока... Эй, говори немедленно, где здесь калитка?

Но рыжий мальчишка с тоской посмотрел на нее и ничего не ответил.

– Где, где калитка? – снова закричала Анна Петровна.

Но рыжий мальчишка несколько раз открыл рот, как рыба, вытщенная из воды, и опять ничего не ответил.

– Да что с тобой такое? – закричала Анна Петровна и, оттолкнув рыжего мальчишку, бросилась вперед, как паровоз, который снова поставили на рельсы.

– Ха-ха-ха!

– Ой, братцы! Хо-хо-хо!

– Ой, не могу! Хи-хи-хи!

Детский Доктор и Анна Петровна замерли, потрясенные. Они увидели трех мальчишек.

Мальчишки лежали на земле. Они корчились от смеха, из глаз их лились крупные слезы, ослабевшими руками держались они за животы и хохотали не переставая. Самый маленький мальчишка в коротких штанах лежал на земле, задрав кверху розовые коленки. Он был похож на жука, который лежит на спине и никак не может перевернуться.

– Где здесь калитка? – закричала Анна Петровна, останавливаясь над ним и сжимая кулаки.

– Калитка? – в полном изнеможении простонал маленький мальчишка. – Ха-ха-ха!

– Калитка? Ну и смешное слово! Хо-хо-хо!

– Ха-ха-ха! Я сейчас лопну!

– Хи-хи-хи! Калитка! Я не могу остановиться!

– Ой, держите меня, братцы! Ха-ха-ха!

– Да что они все, с ума посходили, что ли? – в отчаянии закричала Анна Петровна. – Да я их всех сейчас...

– У нас нет на это времени! – крикнул Доктор, бросаясь бежать. – Нам надо торопиться! Мы и так уже...

Детский Доктор не договорил и побежал еще быстрее.

Глава 9

На аэродроме

Петька и Тома бежали по квадратным плитам аэродрома. Со стороны можно было подумать, что два очень молодых пассажира опаздывают на самолет.

На бетонированных дорожках стояли огромные, тяжелые самолеты, раскинув свои красивые крылья, и механики в синих комбинезонах поили их бензином и кормили маслом.

– Скорее, скорее! – закричала Тома. – Может быть, мой папа еще не улетел!

Из-за круглого белого облака вылетел самолет.

Он казался совсем маленьким. Он блеснул своим серебряным животом и кувырком полетел вниз.

– Это папка! – закричала Тома и горестно всплеснула руками. – Я знаю, знаю...

Слезы бежали у нее по лицу, а ветер вытирал и сушил их.

А серебряный самолет, блестя, как рыбка, падал все ниже и ниже и только у самой земли вдруг взмыл носом кверху и стал кругами уходить за белое облако.

«Ну ясно, он все конфеты съел!.. – холодея от ужаса, подумал Петька. – Еще бы немножко – и об землю...»

– Ай!

Прямо на них по длинной дорожке бежал огромный самолет. Он бежал прямо на Тому и Петьку и становился все

больше и больше. И вдруг с грохотом и свистом он поднялся в воздух, на мгновение закрыв собой все небо.

Петька схватил Тому за руку и рванул книзу. Они упали на бетонные плиты.

Тяжелый, грузный самолет быстро уменьшался, становясь легким и серебристым.

– Вы что тут делаете? – закричал молодой летчик, подбегая к ним.

Он был очень бледный. Глаза у него были холодные и злые.

Он крепко схватил Тому за руку, а Петьку за ухо и поднял их с земли.

– Нашли место, где играть! Да вы могли!.. Да вас он мог!.. Да от вас могло!..

И злой летчик с таким шумом выдохнул воздух, как будто он не дышал уже целый час.

– Нам нужен самый главный начальник! – отчаянно заорал Петька, обеими руками цепляясь за летчика.

– Вечно вы, мальчишки, что-нибудь придумаете! – еще больше разозлился молодой летчик, отдирая от себя Петькины руки.

– Нет, нам очень нужен главный начальник! Самый главный! Тут одни такие конфеты... Ее папа съел конфеты!.. – попробовал объяснить Петька и замолчал. По лицу летчика он увидел, что тот еще больше рассердился.

– Конфеты?! Ах, конфеты?.. А может быть, он еще и мо-

роженое съел? А ну уходите отсюда сейчас же!

– Мой папа... – сказала Тома. Она все время стояла и смотрела на летчика исподлобья, а тут она подняла голову и посмотрела ему в глаза. И все, что Петька так безнадежно пытался объяснить ему словами, она каким-то образом объяснила ему глазами.

Лицо у летчика стало очень серьезным.

Он положил руку Томе на голову.

И Петька увидел, что рука у этого летчика очень добрая. Она ласково погладила Томины спутанные волосы.

– А ну, ребята, за мной! – сказал летчик и, повернувшись, быстро зашагал к невысокому зданию со стеклянной вышкой в конце летного поля.

В комнате, куда летчик привел Тому и Петьку, все стены были стеклянные. Можно было смотреть направо и налево и куда хочешь, и все было видно.

Никогда еще Петька не видел такой чудесной комнаты.

За столом сидел человек в летной форме.

У него были седые волосы и орлиный нос.

Этот человек был похож на смелого вождя какого-то индейского племени.

Если бы ему в волосы вставить длинные перья, надеть на шею бусы и раскрасить лицо... Нет, даже без этого он был похож на вождя индейского племени.

– Я – Тома Петрова! – закричала Тома, бросаясь к нему. – Мой папа...

И вот что произошло через полторы минуты.

Седой летчик, похожий на индейского вождя, нажал какую-то кнопку и придвинул к себе микрофон.

– Я – Река! Я – Река! – сказал седой летчик. Он немножко побледнел. А может быть, Петьке это просто показалось. – 403 – на прием! Вы меня слышите?

– Я – 403! Я – 403! Я вас слышу!

Голос был совершенно спокойный. Но Тома вздрогнула, потому что это был голос ее отца.

– 403, отвечайте. Вы ели сегодня конфеты?

– Что?!

– Отвечайте на вопросы. Вы ели сегодня конфеты... в розовых бумажках?

– В розовых бумажках?!

– Да, да! Вас угощала сегодня ваша соседка конфетами в розовых бумажках?

– Что?.. Ах да, вспомнил. Совершенно верно. Но...

– 403, вы ели эти конфеты?

– Нет.

– Уф!.. – сказал седой летчик. На мгновение он откинулся в кресле и закрыл глаза. Но это было только одно мгновение.

– Я вам категорически запрещаю есть эти конфеты.

– А у меня их и нет!

– Нет?!

– Нет.

– А... где же они?

– Я... Ах, да... Я заезжал по дороге к своему приятелю и оставил их у него на столе.

– А кто ваш приятель?

– Он укротитель зверей.

– Ой! Дядя Федя... – тихо сказала Тома и прижала руки к груди.

– А он смелый? – шепотом спросил Петька.

– У-у!.. Знаешь, какой он смелый... У него там львы... – тоже шепотом ответила Тома.

– Тогда бежим! – закричал Петька.

Вообще-то Петьке очень понравилось в кабинете самого главного летчика. Он бы даже охотно переехал жить в этот кабинет, если бы ему предложили.

Но сейчас надо было бежать.

Петька схватил Тому за руку и потащил ее из кабинета. Тома на бегу обернулась и крикнула: «Спасибо!» А Петька не оборачивался и только кричал: «Скорее!»

На лестнице их догнал молодой летчик.

– Пойдите, пойдите, ребята. Я поеду вместе с вами, – сказал он. – Идите вот сюда. Полковник дал свою машину.

И в этот момент, когда серая «Волга» заворачивала за угол, в конце аэродрома показались две странные фигуры.

Это был пожилой человек и старушка в домашних тапочках.

Глава 10

В цирке

Серая «Волга», скрипнув тормозами, резко остановилась. Петька, Тома и молодой летчик бросились вверх по плоским ступеням.

У Петьки закружилась голова от пестрых афиш. На афишах кто-то кувыркался, кто-то на ком-то стоял, кто-то открывал зубастую пасть.

Молодой летчик и Петька подбежали к окошечку, над которым выпуклыми буквами было написано «Администратор».

Два кулака сразу застучали в закрытое окошечко.

Петькин кулак был не очень большим и стучал не очень громко: тук-тук-тук!

А кулак молодого летчика был большой и тяжелый и стучал очень громко: трах-тах-тах!

Окошечко открылось.

Оно было ярко-желтым в темной стене.

Молодой летчик и Петька сунули туда головы и что-то закричали дикими голосами.

В окошечке показалась женская голова с большими удивленными глазами.

– Билетов нет. Уже второе отделение началось!.. – сказала женщина.

– А укротитель уже выступал?

– Наверное, как раз сейчас выступает!

– Скорее, скорее! – закричала Тома.

Ее голос в большом пустом помещении звучал как-то гулко и странно.

Толстая билетерша, стоявшая в стеклянных дверях, замерла, и рот ее тоже открылся, как окошечко.

Петька быстро проскочил мимо нее.

Он проскочил так быстро, как будто он был не мальчишка, а кусок ветра. Нет, он все-таки был мальчишкой, потому что сейчас же раздалось:

– Эй, мальчик, куда?..

И толстая тетя побежала за ним, громко шлепая подошвами.

Петька выбежал в круглый коридор. Тут всюду были зеркала и красивые картины.

В длинном зеркале Петька увидел толстую тетю и ее протянутую руку с растопыренными пальцами.

Петька быстро нырнул головой в какую-то бархатную занавеску. Но эта бархатная занавеска вдруг крепко схватила его за шиворот. То есть, конечно, это была не бархатная занавеска, а толстая тетя, которая его все-таки догнала.

Петька вырвался от нее и полетел куда-то кувырком, стучась лбом и коленками.

– Тише! Тише! Не мешайте!

– Чего вы тут?

– Как самое интересное, так...

Петька поднял голову и увидел круглую, ярко освещенную арену. Над ней на высоком темном потолке сияли и горели сотни ламп и прожекторов.

А внизу на сверкающем желтом песке стояли три ящика. А на каждом ящике сидело по настоящему живому льву.

На самом большом ящике сидел самый большой лев, открыв свою большую пасть. А какой-то человек в ярко-голубом фраке засовывал свою несчастную голову прямо в его открытую пасть. А лев, как нарочно, был очень большой, и пасть у него была просто огромной.

А человек в голубом фраке все глубже и глубже засовывал свою голову ему в пасть.

Петька увидел бледное ухо укротителя и кусок его шеи.

«Он! Дядя Федя!.. – как молния пронеслось в голове у Петьки. – Он все конфеты съел – и...»

– Держите его, остановите его... Он сейчас что сделает!.. – заорал Петька отчаянным голосом и бросился вперед, протягивая к укротителю руки.

Но толстая тетя поймала его в воздухе и опять крепко ухватила за шиворот.

Петька забился у нее в руках, что-то крича и брыкаясь, как лошадь. Но эта опытная тетя, которая, наверное, тоже когда-то работала укротителем, не выпустила его из рук.

В этот момент человек в голубом фраке вынул голову из пасти льва. Громко заиграла музыка, а все зрители захлопали

и закричали от восторга.

Укротитель стал улыбаться и кланяться, приглаживая волосы, которые немножко растрепались в пасти у льва.

Тут откуда-то появилась красивая тетя в необыкновенном платье. У Петькиной мамы не было ни одного такого платья. Оно все блестело и сверкало. И тетя в нем была похожа на русалку без хвоста.

Она хлопнула в ладоши, и откуда-то выбежало пять маленьких собачонок. Они были очень маленькие и кудрявые.

На них были банты нежных цветов.

И все они шли на задних лапках.

Тут укротитель в голубом фраке пощелкал тонким хлыстом, и два льва послушно слезли со своих ящиков.

Но самый большой лев, с самой большой пастью, только посмотрел на укротителя и зарычал неприятным голосом.

Может быть, он раскаивался, что не откусил голову укротителю, когда это было так просто сделать, а может быть, он вообще любил сидеть на больших ящиках.

Укротитель изо всех сил защелкал своим тонким хлыстом, но большой лев только оскалил свои длинные зубы и зарычал еще громче.

И тут случилось что-то совсем невероятное.

Пять крошечных собачонок бросились на огромного льва. Они были такие маленькие, что лев одним ударом своей большущей лапы мог убить сразу троих таких собачонок, а двумя ударами их всех и еще одну.

Но крошечные собачонки, громко пища своими кошачьими голосами, стали прыгать на огромного льва. Они кусали его, царапали, а одна собачка с розовым бантом повисла у него на хвосте.

Огромный лев спрыгнул с ящика и, трусливо поджав хвост вместе с висящей на нем собачонкой, бросился бежать вдоль арены. А собачонки визжали и бежали за ним, и вид у них был такой, как будто они сейчас разорвут его на крошечные кусочки.

Ох, что тут началось!

Зрители просто попадали со стульев от смеха.

– Ха-ха-ха!

– Нет, вы только поглядите на его морду!

– В жизни не видала таких собачонок! Ну какие же смелые! Просто ужас!

– Нет, вы посмотрите, посмотрите!

– Вот это дрессировка!

– Ха-ха! Никогда так не смеялся!

– Ой, за ухо его укусила! Ну и собачонка!

– Что это за порода такая? Храбрее овчарок!

Укротитель в голубом фраке уронил свой тонкий хлыст на песок и побледнел. Даже когда его голова была в пасти у льва, он и то был не такой бледный.

Он с растерянным видом посмотрел на блестящую тетю. Но та стояла, бессильно опустив руки, и, приоткрыв рот, глядела на своих собачонок.

И вдруг Петька услышал чей-то удивительный смех. Он был счастливый и нежный и какой-то неуверенный. Как будто человек, который смеялся, не умел смеяться.

Петька оглянулся и в двух шагах от себя увидел Тому. Тома смотрела на собачонок и смеялась.

Глава 11

Все объяснилось

Через полчаса все собрались в маленькой комнатке укротителя. В полуоткрытую дверь доносилось рычание, хрюканье и еще какие-то очень приятные звуки.

Народу собралось столько, что было просто негде повернуться.

В комнате были и Детский Доктор, и Анна Петровна, и молодой летчик, и Петина мама, и даже летчик средних лет – Томин папа.

Все стояли и гладили по голове сначала Тому, а потом Петьку, а потом опять Тому, а потом опять Петьку.

А на маленьком столике, где лежали запасной хлыст и красивый пистолет, весь в каких-то драгоценных камнях, лежала куча розовых бумажек. Это было все, что осталось от конфет «Настоящая храбрость».

– Я до сих пор не могу прийти в себя! – сказала блестящая тетя, моргая глазами. – Вы понимаете, я репетировала со своими собачками новый номер. Они работали очень хорошо, и я дала каждой из них по две конфетки. Я же не знала... я же не думала...

Блестящая тетя с некоторым страхом покосилась на розовые бумажки.

– Все получилось хорошо! Номер имел громадный

успех! – сказал дядя Федя, потирая свои большие руки.

Тут все рассмеялись, а громче всех рассмеялась Тома.

– Какая у вас милая, веселая девочка! – сказала Петина мама Томиному папе.

– А у вас такой чудесный смелый сын! – сказал Томин папа Петиной маме.

И тут глаза у мамы просто засияли, как две звезды, и Петя увидел, что хотя у мамы нет такого замечательного платья, но зато она еще красивее, чем блестящая тетя.

– Да, знаешь, папа, какой он храбрый! – сказала Тома. – Он знаешь как меня защищал! Он даже дрался с хулиганом Гришкой. А Гришка, знаешь, уже в пятом классе учится.

– Пороть их всех надо! – решительно сказала Анна Петровна и махнула рукой. – Тогда и драться не будут.

– Что вы! Что вы! – разволновался Детский Доктор. – Насчет порки, Анна Петровна, я совершенно с вами не согласен. Я уже второй год работаю над книгой «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки»... Я собрал огромный материал... Мальчишки обязательно должны драться. Но если подходить с точки зрения строгой науки, то вы увидите, что драки бывают хорошие и плохие. Вот если большой мальчишка бьет маленького... Это плохая драка. Такая драка очень вредна для характера и нервной системы ребенка. Подробно я остановился на этом вопросе в пятой главе. А вот во второй главе описываю пять видов хорошей драки: первый вид – защита малышей, второй – защита де-

вочек, третий – борьба с хулиганами более старшего возраста, четвертый...

– Да, я тоже в детстве любил драться! – улыбнулся Томин папа. – Тоже не давал в обиду девчонок и малышей!

– Это хорошая драка второго и первого вида, – просиял Детский Доктор. – И ваш смелый сын, Анна Петровна, с которым я обменялся чемоданчиком... Кстати, где мой чемоданчик?

– Вот он. У меня, – сказал Петька.

Детский Доктор открыл желтый чемоданчик.

– Но он же пуст! – удивился он. – А где же?..

И тут Тома и Петька, перебивая друг друга, рассказали Детскому Доктору, что случилось с антиболтином и порошком смеха.

– Так вот почему этот болтун нам ничего не ответил! – воскликнула Анна Петровна.

– Да, да! Я сразу заметил, что смех этих мальчиков искусственного происхождения!.. – сказал Доктор.

– А это не опасно? – заволновалась Анна Петровна. – Все-таки дети... Неужели они навсегда?..

– Нет, нет! – успокоил ее Детский Доктор. – Острое состояние скоро пройдет. Но, вероятно, болтун перестанет быть болтуном, а эти мальчишки еще месяца два будут смеяться по любому поводу.

– Можно вас на одну минуточку, доктор? – спросила Петина мама.

Прямо перед собой Детский Доктор увидел ее большие, немного встревоженные глаза.

– Вы понимаете, Доктор... Все-таки Петенька не съел ни одной вашей конфеты. А вдруг он опять?..

– Это исключено, – весело сказал Детский Доктор и хлопнул Петину маму по руке. – Вы можете совершенно не волноваться. Ваш сын Петя теперь никогда ничего не будет бояться. Когда сама жизнь делает человека смелым... это действует гораздо сильнее, чем любые лекарства. И вообще, если можно обойтись без помощи медицины... Вот и Тома тоже... Она снова научилась смеяться!

Тут все попрощались с укротителем и блестящей тетей и вышли на улицу.

На улице уже стемнело. На высоких столбах зажигались круглые желтые фонари. Прохладный ветер приятно гладил разгоряченные лица.

– И все-таки, голубчик, нечего вам радоваться! – сердито сказала Анна Петровна. – Вот смотрите, какую беду вы чуть не натворили с вашими конфетами... Все-таки надо поосторожней...

– Да, да! – задумчиво проговорил Детский Доктор. – Теперь я буду осторожнее. Я, знаете ли, даже не думал, что я создал такой опасный препарат. Мне просто не пришло в голову, что... Но теперь я знаю. В нашей стране, где люди такие смелые...

– Вы правы... – сказал Томин папа и замолчал.

Он услышал, как Тома, которая шла впереди рядом с Петькой, чему-то радостно засмеялась.

Лоскутик и Облако

Глава 1

О чем думала старая лошадь дядюшки Буля

Ни одной травинки...» – думала старая лошадь.

Она тащила за собой тележку. На тележке большая дубовая бочка с надписью: «Вода принадлежит королю». Под надписью королевский герб: золотое ведро и корона.

Рядом с тележкой шагал дядюшка Буль, продавец воды.

– Эй, кому воды? Ключевой, холодной! – прокричал дядюшка Буль.

«Какой у моего хозяина пронзительный голос, – подумала лошадь, – и кнут слишком длинный. Мог быть и покороче... Нет, хороший хозяин не мог бы продавать воду. Не мог бы, и все. Он бы отдавал даром».

Телега прогремела по мосту. Но реки не было. Под мостом торчали пыльные камни.

«Какой же это мост, если под ним нет воды? – думала лошадь. – Одно название. А ведь старый филин, Ночной Философ, который в темноте прилетает на крышу моей конюшни, рассказывал, что раньше здесь текла река и воды было

сколько угодно. Только, может быть, он уже спятил с ума от старости? Бедный Ночной Философ...»

Теперь телега катила по кривой улочке. По обе стороны стояли серые от пыли дома.

«Разве это канава? — думала лошадь. — Какая это канава, если в ней ни травинки? Ей даже стыдно называться канавой. А деревья без листьев? Разве это деревья?»

— Мама, глоточек! — захныкал тощий мальчишка.

— Дядюшка Буль! — окликнула продавца воды бледная женщина. — Налей кружку воды моему сынишке.

— Тпрру! — крикнул дядюшка Буль, натягивая вожжи. — А что дашь за это?

— Моток кружев, дядюшка Буль, — заторопилась женщина, — тонких, как паутинка! Ты же знаешь, какая я мастерица.

Мальчишка одним махом опорожнил кружку, мать держала раскрытую ладонь под его подбородком, чтобы не упало ни капли.

Из низкого, покосившегося домика выбежала худенькая девушка. Глаза у нее были голубые, как небесная лазурь.

«У этой жалкой нищенки слишком красивые глаза, — со злобой подумал продавец воды. — Слишком красивые... Они больше подошли бы знатной даме или даже принцессе».

— Дядюшка Буль! — взмолилась девушка. — Налей мне кувшин воды. Моя матушка тяжело болеет и все время просит пить.

— Кувшин воды? — подозрительно прищурился дядюшка

Буль. – Он немало стоит. Что ты мне дашь за него?

– Хочешь, возьми мои деревянные башмаки, – заторопилась девушка. – Или вот этот передник. Посмотри, какие я вышила на нем красивые узоры!

– Твои башмаки годятся лишь на то, чтоб их бросить в печь и сварить похлебку, – презрительно скривился дядюшка Буль. – А передник просто грязная тряпка, чтоб вытирать пыль.

– Тогда я отдам тебе свое заветное золотое колечко, – печально вздохнула голубоглазая девушка. – Мне подарил его мой жених, оружейных дел мастер. Больше у меня ничего нет.

Она сняла с тонкого пальчика кольцо и протянула его продавцу воды.

– Ладно уж, – проворчал дядюшка Буль, но глаза его при этом жадно блеснули. – Так и быть, налью тебе кувшин воды. Уж очень я добрый, и мне жаль твою старую, больную матушку.

Лошадь проехала мимо колодца, доверху заваленного большими булыжниками. Около колодца, привалясь к нему спиной, сидели два стражника: Рыжий Верзила и Рыжий Громила. От скуки плевали кто дальше.

«Какой же это колодец, если из него нельзя напиться? – подумала лошадь. – Одно название...»

– Как дела? – поинтересовался дядюшка Буль. – Никто не про...

– Чего «не про...»? – лениво переспросил Рыжий Верзила, приоткрыв глаз.

– Не пробовал ли кто-нибудь отвалить камни и набрать воды?

– Днем все тихо, – зевнул во всю пасть Рыжий Громила. – А по ночам около каждого колодца ставят пушку. Попробуй подступись!

– Эй, кому воды! Ключевой, холодной! – снова завопил на всю улицу дядюшка Буль.

Но на его крик никто не вышел из домов. Двери захлопывались, закрывались окна.

«Ни травинки, ни листочка. Бедная земля. Мертвый город. Траву увидишь разве только во сне да за решеткой королевского парка. Как плещется вода в бочке, с ума сойти!»

Вот о чем думала старая лошадь дядюшки Буля.

Глава 2

Лоскутик

– Эй, Мельхиор! – крикнул дядюшка Буль, когда тележка поравнялась с маленькой лавчонкой.

Над дверью лавчонки, на кособокой вывеске, было выведено: «Иголки, булавки, разные острые вещи и все, что пожелаете».

В дверях показался лавочник. Сразу было видно, что он торгует острыми, жесткими и колючими вещами. Взгляд у него был колючий. Ресницы как иголки. Брови и усы похожи на жесткие щетки.

– Говорят, подешевела водичка, – сказал лавочник и хихикнул.

– Пока нет, – грустно ответил дядюшка Буль.

– Так, значит, за одну серебряную монету два ведра? – еще веселей спросил Мельхиор.

– За две монеты одно ведро, – совсем загрустил дядюшка Буль.

Увидев, что обмануть дядюшку Буля все равно не удастся, Мельхиор перестал улыбаться и крикнул:

– Эй, Лоскутик, неси ведро!

Из темноты лавки с пустым ведром в руках выскочила девчонка. Обыкновенная девчонка. Нос лопаткой, да еще к тому же густо посыпан веснушками. Глаза зеленые. Тощие

рыжие ресницы торчат в разные стороны.

Только вот одета она была необычно. Все платье было сшито из разных лоскутков: больших, маленьких, шерстяных, синих, красных, в полоску.

– Глоточек... – прошептала Лоскутик, уставившись на ведро с водой.

– Еще чего! – прошипел лавочник.

В этот момент случилось кое-что странное. Старая лошадь дядюшки Буля, всегда такая унылая и сонная, вдруг резко вскинула голову и заржала.

Мало того, она поднялась на дыбы, насколько позволяли оглобли, и принялась быстро и радостно кивать головой, как будто с кем-то здоровалась. Но и этого мало. Она в изумлении таращила глаза, махала хвостом, трясла гривой и продолжала ржать, как легкомысленный жеребенок.

Дядюшка Буль даже пролил немного воды на землю. Это случилось с ним в первый раз с тех пор, как он стал королевским продавцом воды.

Мельхиор покачал головой, взял ведро и понес в дом. При этом он делал такие осторожные и бережные шаги, как циркач, который держит на носу шест, а на шесте поднос, уставленный хрустальными бокалами.

Лоскутик вздохнула и поплелась к себе на чердак. Это был самый обыкновенный чердак. Мебели там никакой не было – всего только куча соломы в углу.

Лоскутик подняла с полу соломинку и принялась ее же-

вать. И вдруг она что-то увидела на чердачном окне.

Трудно даже сказать, увидела она что-нибудь или нет.

Но если считать, что увидела, то на окне сидела лошадь дядюшки Буля, с трудом взгромоздившись на узкий подоконник.

С другой стороны, можно считать, что она вовсе ничего не увидела, потому что лошадь дядюшки Буля, сидевшая на подоконнике, была совсем прозрачной. Такой прозрачной, что ее почти что и не было.

– Воды... – жалобно простонала лошадь.

Лоскутик замерла. Она не могла пошевелить и пальцем.

– Я так и знала... – безнадежно проговорила лошадь и в отчаянии махнула хвостом. – Я знала, все равно воды не будет. Вместо воды будет открытый рот и глупый вид.

Лоскутик с изумлением увидела, что хвост у лошади исчез. Исчезли и задние ноги.

– Вы... кто? – пролепетала Лоскутик.

Лошадь мягко качнула гривой. Живот ее стал совсем прозрачным.

– Я так и знала... – сказала лошадь, с упреком глядя на Лоскутика. – Я знала: когда я буду погибать, мне будут задавать вопросы. Вместо воды одни вопросы...

Голос ее слабел. Лоскутик увидела, что ее передние ноги, длинная шея и грива исчезают прямо на глазах.

– Воды... – прошептали лошадиные губы и пропали.

Лоскутик скатилась вниз по лестнице. Из спальни хозяев

слышался дружный храп. Лавочник храпел, как медведь в берлоге, лавочница попискивала, как суслик из норки.

Чтобы быть честным до конца, надо сказать, что Лоскутик задумалась и больно укусила себя за палец, глядя на ведро с водой. Никогда прежде она не осмеливалась сделать и шага к нему без спросу.

Но уже через минуту Лоскутик, задыхаясь, как могла, быстро поднималась по лестнице, и вода выплескивалась из ведра, текла по ее голым ногам.

Нисколько не сомневаюсь, мой читатель, что, если бы ты очутился на месте девочки и это у тебя на подоконнике сидела бы грустная прозрачная лошадь и просила напиться, ты бы поступил точно так же.

Лоскутик толкнула дверь коленкой.

На подоконнике никого не было. Прозрачная лошадь исчезла. Никогда чердак не казался Лоскутику таким пустым. Она стиснула зубы, сжала кулаки, чтобы не зареветь. Все сразу стало серым, скучным. Лоскутик села на кучу соломы, но тут же вскочила.

Она увидела, что над подоконником плавает один-единственный прозрачный и очень печальный лошадиный глаз.

Видимо, глаз увидел ведро. Он раскрылся пошире, мигнул, в нем сверкнула радость. Покачиваясь, он подплыл к ведру и нырнул прямо в воду.

Ведро как будто ожило. Оттуда слышалось бульканье, бормотанье и очень довольное кряхтение.

Через минуту из ведра показалась белая, легкая, будто вылепленная из мыльной пены голова.

Лоскутик разглядела нос лопаткой, широко расставленные глаза, косички, торчащие в разные стороны.

Две белые руки уперлись в края ведра. Человечек крикнул, поднатужился и сел на край ведра. Он натянул белый рваный подол на коленки.

Он кого-то напоминал Лоскутику. Кого-то очень знакомого. Но кого? Лоскутик никак не могла сообразить.

Лоскутик заглянула в ведро.

«Пустое! – изумилась Лоскутик. – Ни капли не осталось. Даже дно сухое...»

– Когда-нибудь испарялась? – задумчиво спросил белый человечек.

– Н-нет... – шепнула Лоскутик.

И вдруг белый человечек дернул себя за ухо и плавно взлетел кверху.

Он для этого ничего не делал: не махал руками, даже не шевелил пальцами босых ног. Просто летел себе – и все.

Когда он пролетал над Лоскутиком, лицо ее осыпали мелкие капли воды.

– Поняла? – спросил он.

– Не очень, – сказала Лоскутик, которая на самом деле ничего не поняла.

– Облако я, – просто сказал человечек. – Обыкновенное облако.

Глава 3

Белый лев на подоконнике

Стемнело. Из-за черепичной крыши вылез месяц – острые рожки. Облако сидело на подоконнике, свесив ноги. Месяц сквозь него светил мутно. Таял, как кусок масла в манной каше.

– Ну, поколотят... – бодрилась Лоскутик, поглядывая на пустое ведро. – Тебе сколько лет? – спросила она у Облака.

– Не лет, а дождей, – поправило ее Облако. – Миллион семьсот тысяч шестьдесят три дождя.

– Дождя? – удивилась Лоскутик. – Что это... дождь?

– Не знаешь? – в свою очередь удивилось Облако. – Самое лучшее, а не знаешь. Это когда с неба течет вода.

– С неба?!

– Ну да.

– Просто так? Не за деньги? – недоверчиво спросила Лоскутик.

– Ага.

– Так не бывает.

– Еще как бывает! Когда мне исполнилось сто дождей, ого какой бабка устроила мне ливень! Проснулось, а под подушкой что, думаешь? Молния. Это мне бабка подарила. Каждое облако больше всего мечтает, чтоб ему молнию подарили. А моя бабка – старая Грозовая Туча.

– Грозовая Туча? Ливень? – Лоскутик уже устала удивляться.

– Грозовая Туча – это большое облако, с громом и молниями. Ого! Огреет – не обрадуешься. Весь день будешь летать с рыжими синяками. А ливень – это большущий дождь, и непременно чтоб пузыри по лужам.

– Пузыри по лужам... – зажмурилась Лоскутик.

– Прыгают... – Облако даже проглотило слюну.

– У нас так не бывает, – печально сказала Лоскутик.

– Раньше бывало. Какая у вас река была! Добрая, ласковая. Текла через весь город. А ручьи? Славные ребята. Только ничего по секрету им не скажешь. Все разболтают. А какое болото у вас было! Умное. Все о чем-то думало. Бывало, все вздыхает, вздыхает по ночам...

– А куда же все подевалось?

– Не знаю. И никто не знает. Даже моя бабка, Грозовая Туча, и та только руками разводит. Говорит: «Ничего не понимаю!» Представляешь: река вдруг пересохла ни с того ни с сего. Ручьи пропали. От болота не осталось и мокрого места. Теперь у вас что? Пустыня.

– А королевские сады?

– Так пока туда долетишь – испаришься. А думаешь, это приятно – испаряться? Нет, теперь в ваше королевство не заманишь ни одно порядочное облако.

– А ты?

– Я – другое дело. – Облако придвинулось к Лоскутику. –

В королевском саду живет мой друг – старая жаба Розитта. Ты бы видела, какая красавица! А уж умница!

– Твой друг... – тихо повторила Лоскутик.

– Думаешь, бабка мне разрешила сюда лететь? Как же! Разгремелась вовсю: «И не думай! Там небо как сковорода. Ты что – облако или отбивная?» А я взяло да улетело потихоньку. Мне так хотелось повидать жабу Розитту... – Глаза Облака почему-то наполнились слезами. – Я старалось не смотреть на мертвые деревья...

Облако закрыло лицо ладошками. Слезы выдавились между пальцев. Тук-тук-тук – забарабанили по подоконнику.

– Я напоило семьдесят пять бездомных собак. Двадцать восемь котов и кошек. – Облако плакало все сильнее. Со стоном раскачивалось. Даже с острых косичек закапали слезы. Оно все как-то сжалось, побледнело. – Напоило старую козу, четырех ворон и кар... кар... кар... картофельное поле... Я выплакало из себя всю воду. Во мне не осталось ни капли.

Только тут Лоскутик заметила, что дырявый, разохшийся пол чердака весь залит водой.

А между тем внизу, в спальне, Мельхиор проснулся и сел на постели, дико озираясь по сторонам.

– Эй, жена! – окликнул он лавочницу. – Да открой же ты глаза! Хочешь верь, а хочешь нет, да только на меня с потолка что-то капнуло!

– Спи и не болтай глупостей, – сонно отозвалась лавочни-

ца.

– Опять капнуло! Прямохонько на нос!

– Ты, наверно, спятил, муженек. Не может этого быть, – проворчала лавочница. И вдруг пронзительно взвизгнула: – Ой, на меня льется вода! Вся подушка мокрая!

– Смотри, жена, ведро с водой пропало! Кто-то украл нашу милую, бесценную водичку! – истошно завопил Мельхиор.

– Не иначе как Лоскутик! Эта маленькая дрянь! – подхватила лавочница.

– Воровка! Я ее проучу как следует!

Две пары ног бешено затопали вверх по лестнице. Бедные старые ступеньки, каждая на свой голос, заохали и застонали.

– Ее надо пс-с! Фс-с! Кс-с!.. – давилась от злобы лавочница.

– Я ее хр-р!.. Вж-ж!.. Пш-ш! – хрипел Мельхиор.

– Улетай! – отчаянно прошептала Лоскутик, птясь от двери. – Скорей улетай!

Дверь распахнулась. Лавочник и лавочница застряли в узких дверях.

Луна осветила их. Черные рты, руки с хищно растопыренными пальцами.

В конце концов лавочница потеснилась назад, и Мельхиор влетел на чердак. Он сделал несколько яростных шагов к Лоскутику и вдруг замер на месте.

– А-а! – в ужасе завопил он, приседая, сгибая колени.

Он глядел не на Лоскутика. Куда-то мимо нее.

Лоскутик невольно оглянулась. На подоконнике скромно и благовоспитанно, не обращая ни на кого внимания, сидел великолепный белый лев. Он наклонил голову и белым языком аккуратно вылизывал тяжелую лапу. Ночной ветерок осторожно играл его густой гривой. Лев лениво зевнул, месяц посеребрил кривые клыки. Небольшая молния вылетела из пасти и стрельнула в пустое ведро.

Худые коленки лавочницы застучали одна о другую, как деревянные ложки.

Лавочник и лавочница ринулись к двери.

Затрещала несчастная лестница, бухнула вниз дверь, заскрежетал засов, и все стихло.

Лев на окне глубоко вздохнул.

– Я так и знал, что все кончится очень плохо, – задумчиво сказал он, глядя в окно на месяц. – Но я этого не хотел. Это все потому, что люди устроены иначе, чем мы, облака. Вам почему-то обязательно надо, чтобы была крыша над головой. А если крыша дырявая и сквозь нее видны звезды, вы не успокоитесь, пока не заделаете все дыры до одной... – Лев грустно опустил голову. – А теперь у тебя нет крыши над головой. Твои хозяева сживут тебя со свету. Они начнут тебя поджаривать, устроят тебе хорошенькую пустыню... Ты можешь тихо спускаться по лестнице?

Лоскутик кивнула.

– Я вылечу в окно, – сказал лев, – и буду ждать тебя за углом.

Глава 4

Барбацуца

В этот вечер в королевской кухне царила небывалая, невообразимая суматоха. Без толку сновали поварята в белых колпаках больше их самих. От их колпаков по стенам металась тень, похожая на гигантские грибы. В углу всхлипывали и сморкались в кружева пять придворных дам.

Главный повар, человек по натуре очень нервный, капал из склянки в рюмочку успокоительные капли.

— Когда я так нервничаю, у меня получаются очень нервные супы и взволнованные компоты, — жаловался он сам себе.

Маленький поваренок толкнул его под локоть. Лекарство взлетело вверх из рюмки.

Главный повар хлопнул поваренка по его огромному колпаку. Звук получился как от разорвавшейся хлопущи. Оглушенный поваренок, моргая, сел на пол.

На кухню один за другим вбегали слуги с золотыми блюдами. Они сообщали ужасные новости.

— Его величество швырнули пирожки прямо в бульон!

— Ничего подобного! Он вылил бульон прямо в блюдо с пирожками!

В довершение всего на кухню ввалилась снежная баба, если только на свете может быть снежная баба, от которой

клубами валит горячий пар. Говоря попросту, это был слуга, весь с головы до ног облепленный манной кашей.

– Комочки... – сквозь манную кашу, забившую ему рот, еле выговорил слуга.

– Комочки?! – бледнея, повторил главный повар. – Как? Что? Не может быть!

– Я-то при чем? – всхлипнул слуга. С его растопыренных рук пластинами съезжала манная каша и с приятным звуком шлепалась на пол. – Я подал ее. Его величество изволили даже улыбнуться...

– Улыбнуться?! Тебе?!

– Не мне, а каше. Они изволили отправить в рот одну ложку и вдруг как завопят: «Комочки!..» Потом они начали икать, стонать, плевать, вопить и топать ногами. А потом... – Снежная баба развела руками, указывая на себя.

– Кто варил кашу?

Пять придворных дам засморкались еще жалобней.

– Где Барбацуца?

– За ней послали девяносто семь голубей, карету, пятерых стражников верхом и капитана.

Вбежал перепуганный слуга:

– Его величество требуют манную кашу. Сейчас же! Немедленно!

Вбежал еще один слуга:

– Его величество стучат ложкой по столу!

Главный повар оперся о плиту и тут же завертелся волч-

ком, хватаясь обожженными пальцами за мочку уха.

– Нельзя меня так нервировать! Мои соусы и подливки! Мои пирожные! Им передается мое настроение!

– Едут! Едут! – заверещал поваренок, подскакивая около окна.

По мосту, изогнутому, как спина испуганной кошки, катила карета.

– Ее любимую кастрюлю с помятым боком! Ее старую поварешку!

Через минуту дверь распахнулась, и в кухню со скоростью летящего снаряда ворвалась Варбацуца. Все как-то сразу стали ниже ростом, потому что у всех невольно подогнулись колени. Барбацуца была тощая, длинная старуха. Один глаз у нее был закрыт черной повязкой, что делало ее удивительно похожей на морского разбойника. В другом глазу полыхало поистине адское пламя, отчего она сразу становилась похожей на ведьму.

Остальное было не лучше. Длинный нос криво оседлали разбитые очки с закинутой за одно ухо петлей из бечевки. Из-под чепца торчали пучки волос, напоминающие перья седой вороны.

Одета старуха была в домашний халат, на ногах стоптанные шлепанцы.

– Лентяйки! Бездельницы! Белоручки!

Придворные дамы разом уткнулись носами в колени. Только медленно дрожали лопатки.

– Молоко! – рявкнула Барбацуца.

Она опрокинула кувшин с молоком над кастрюлей, щедро поливая молоком раскаленную плиту.

– Соль! Сахар! Крупу! – слышалось из клубов молочного пара.

Все это Барбацуца тут же не глядя бухнула в кастрюлю.

– Дровишек!

Загудело пламя.

Барбацуца взгромозилась на табуретку. В клубах белого пара мелькнули ее локти, зеленые, как недозрелые бананы. Барбацуца засучила рукава и старой поварешкой принялась размешивать кашу.

Пузыри вздувались и оглушительно лопались, как будто в кастрюле началась война. Летела к потолку копоть и черными бабочками валилась в кашу.

– Готово, – прошамкала Барбацуца.

Двое слуг с благоговением наклонили кастрюлю. На золотое блюдо потекла манная каша: белая, пышная, как взбитые сливки.

Маленький поваренок подцепил пальцем повисшую на кастрюле каплю, лизнул палец и зажмурился.

Слуга поднял блюдо над головой и вышел торжественным шагом.

– Дорогая Барбацуца! – растроганно сказал главный повар. – Вы знаете, манная каша – самое любимое блюдо нашего короля. А манная каша, которую варите вы, божественна,

бесподобна. Вероятно, вы знаете секрет, как ее варить.

– Надоело... – мрачно проворчала Барбацуца, глядя вниз и шевеля пальцами, вылезающими из драной туфли.

– Как надоело? – изумился и испугался главный повар.

– Я тоже человек... Всю жизнь – манная каша. Без выходящих. Надоело.

– Дорогая Барбацуца, я начинаю волноваться... – с дрожью в голосе сказал главный повар.

– А кто обещал мне помощниц?

– Но... – Главный повар беспомощно указал на придворных дам, уткнувшихся в носовые платки. Можно было подумать, что носовые платки просто приросли к их носам.

– Эти?! – взвизгнула Барбацуца. – Манную кашу надо хорошенько мешать, размешивать, перемешивать. Вот и весь секрет. А моя поварешка, видите ли, слишком тяжела для их нежных ручек. Нет, клянусь последней коровой на этом свете, последней каплей молока, я возьму себе в помощницы первую попавшуюся нищенку, побирушку, оборвашку! Только не этих лентяек! Уф! Да тут задохнуться можно!..

Барбацуца по пояс высунулась из окна.

Над королевским садом в пустом небе висел месяц, острый и желтый.

Прямо под окном, на дорожке, посыпанной мелким песком, сидела большая жаба. Она была похожа на старый, потертый кожаный кошелек. Кожа складками сползала на короткие лапы. В лунном свете, как изумруды, сверкали ее бо-

родавки.

Вокруг нее чинно сидели шесть лягушат. Их молодые, туго натянутые шкурки блестели.

Старая жаба строго и задумчиво посмотрела на Барбацуцу глазом выпуклым, как стекло фонаря. В горле у нее забулькало.

«Или я выжила из ума и из меня пора засушить сухарей, – подумала Барбацуца, – или эта жаба все понимает. Давно не видела такой умной физиономии...»

Жаба что-то скрипнула и уползла в шелковую от росы траву. Лягушата – за ней.

Когда золоченая карета довезла Барбацуцу до ее крепкого деревянного дома с голубятней на крыше, городские часы отбили полночь.

Барбацуца увидела около крыльца какую-то скорчившуюся фигурку. Она разглядела тощую девчонку в тряпье. В широко открытых глазах девчонки повис месяц.

А Лоскутик, потому что это была именно она, увидела страшную одноглазую старуху. На голове у старухи дыбом торчал чепец, твердый, как коробка из-под торта.

– Вам не нужна служанка? – чуть слышно прошептала Лоскутик.

– Ты бы лучше спросила, не нужна ли мне воровка! – закричала Барбацуца таким страшным голосом, что в окнах соседних домов зашатались огоньки свечей.

Барбацуца вытащила Лоскутика из-под крыльца.

– Я не воровка! – вскрикнула Лоскутик, стараясь вырваться из цепких рук Барбацуцы.

– Ах, не воровка! – захохотала Барбацуца. – Шатаешься по ночам около чужого дома – раз! – Барбацуца загнула кривой, тощий палец. – Глаза горят – два! – Барбацуца загнула второй палец. – Живот так и распевает песни от голода – три! Хочешь удрать – четыре! Чего же еще? Ясно, воровка!

Барбацуца, держа девочку за руку, втащила ее в дом, швырнула на лавку. С грохотом придвинула тяжелый стол, так что он врезался Лоскутику в живот и припер к стене.

Затем Барбацуца выхватила из печки целиком зажаренного гуся и шлепнула его на блюдо, стоящее перед девочкой:
– Ешь!

Налила кружку воды, с маху поставила на стол, расплескав половину:

– Пей!

За окном раздался еле слышный вздох облегчения.

Барбацуца подскочила к окну.

Она увидела что-то белое и туманное, прилипшее к стеклу.

– Это еще кто тут? – рывкнула Барбацуца. – А палки не хочешь?

Но белое и туманное поморгало выпуклыми глазищами, тихо отлетело от окна и исчезло в темноте.

Глава 5

Жаба Розитта

Тебе, мой дорогой читатель, наверно, совершенно непонятно, как это Лоскутик в такой поздний час очутилась под крыльцом Барбацуцы. И откуда она могла узнать, что Барбацуце нужна служанка?

Но наберись терпения, мой читатель! Мы с тобой немного забежали вперед, и поэтому теперь нам надо вернуться немного назад.

Если ты помнишь, насмерть перепуганные лавочник и лавочница убежали с чердака. После этого Облако спросило девочку, может ли она тихо спуститься по лестнице. А само вылетело в окно.

Так вот что было дальше.

Лоскутик на цыпочках неслышно спустилась вниз.

Впрочем, она могла бы топать, как слон, и танцевать дикий танец на каждой ступеньке. Лавочник и лавочница, заперев дверь на все замки и засовы, залезли под кровать и так тряслись от страха, что подушки и одеяла решили, что началось землетрясение.

Итак, Лоскутик благополучно вышла из дома. За углом она увидела белого льва. Лунный луч проходил через Облако, и в животе у него плясали мелкие капли воды.

— А вещи, пожитки? — спросило Облако.

– Нету. – Лоскутик с виноватым видом развела руками.

– Хорошо, – одобрительно сказала Облако. – И у меня никаких вещей. Не понимаю я людей! Отправляются в путь – тащат на себе какие-то узлы, сундуки. Плетутся, уткнувшись носом в землю, ничего не видят кругом... Путешествовать надо налегке. – Облако мягко подпрыгнуло. – Ты знаешь, как пройти к королевским садам?

– Кто же этого не знает?

Они пошли по дороге.

Белый лев шел медленно. Пожалуй, четырех лап для него было слишком много. Непослушные белые лапы то и дело обматывались одна вокруг другой, иногда даже завязывались узлом.

– Я, пожалуй, полечу. Ходок я не из лучших.

Облако упруго, как на пружинах, подпрыгнуло и поплыло рядом с девочкой.

– Я бы сейчас выпило полфонтанчика, – мечтательно вздохнуло Облако. – А почему тебя зовут Лоскутик? Глупое имя.

– За мое платье, – тихо сказала Лоскутик, не глядя на Облако. – Я собираю лоскутья и подшиваю их к подолу и к рукавам. Я же не виновата, что мои руки и ноги почему-то все время растут.

– А о чем думают твои папа и мама, которых всегда полно у вас, у людей?

– Они давно умерли. Я их даже не помню.

– Но маленькие люди не живут одни. С кем ты жила?

– Ни «с кем», а «у кого», – сказала Лоскутик. – Я жила у чужих людей. Когда я была совсем маленькая и умела только ползать по полу, меня взяла к себе торговка пуховыми перинами. Она набивала пухом перины и подушки. Пух летел во все стороны, а я ползала по полу и собирала его. Когда я подросла и уже научилась ходить, меня взял к себе богатый мельник. Я вытирала пыль с утра до ночи. Когда я еще подросла, я попала к торговке жареной печенкой. Целые дни я терла песком жирные сковородки. Но торговка выгнала меня. Она сказала, что я стащила кусок печенки. На самом деле печенку украл ее сынишка – обманщик и обжора. Тогда меня взял к себе жадный трактирщик. Я прислуживала его гостям и носила тяжелые кружки с вином. Но однажды я уронила кружку и разбила. И тогда трактирщик...

– О!.. О!.. – услышала Лоскутик позади себя.

Она оглянулась.

Облако сидело в пыли, прямо на дороге, маленькое, сморщенное, и обливалось слезами.

– Я так и знало, что все кончится плохо, – тряслось оно в лунном свете. – Зачем, зачем ты мне все это рассказала? Чтобы я выплакало из себя последнюю воду? Да?

Лоскутик осторожно, обеими руками приподняла Облако. Оно было легче перышка. Еще дергая носом и горько всхлипывая, Облако обмоталось вокруг ее шеи. У Лоскутика по спине, между лопатками, потекли струйки воды.

Теперь Лоскутик шла медленно, часто спотыкаясь. Она плохо видела. Облако наползало ей на глаза.

Что-то стучало возле ее уха.

«Его сердце...» – подумала Лоскутик.

Они прошли через площадь Одинокой Коровы. Было тихо. Только в лавке Великого Часовщика в такт мелодично тикали все часы, большие и маленькие, – чтобы убаюкать старого мастера.

Чем ближе они подходили к королевскому парку, тем выше становились дома по обе стороны улицы. Дома были с балконами, башенками и флюгерами. В некоторых окнах даже виднелись горшки с цветами. Это были дома богачей. В этом городе определяли богатство: сколько горшков с цветами стояло на окнах.

В этом городе говорили:

«Вы слышали, моя дочь выходит замуж за очень богатого человека... Вот счастье привалило! Вы только подумайте, у него семь горшков с цветами!»

«Главный тюремщик все богатеет, у него одиннадцать горшков с розами!»

«Этот чудак, старый мастер зонтиков, вконец разорился. Вчера у него завяла последняя маргаритка. Бедняга, ему не на что было купить воды, чтобы ее полить...»

Наконец улица кончилась. Лоскутик вышла на Дворцовую площадь.

– Ох, пыли наглotalось... – простонало Облако. – Не могу

больше. В горле так и жжет. Ну, скоро королевские сады?

– Мы уже пришли. Вот они, – тихо сказала Лоскутик. – Смотри. Там все другое. Как в сказке.

За тяжелой чугунной оградой стеной стояли деревья, се-ребряные с одного бока. Из травы поднимались цветы. Как живые, в лунном свете шевелились фонтаны.

Облако, скользнув по шее девочки, перевалило через ограду и, пригнув струи воды, нырнуло в ближайший фонтан. Послышалось бульканье, как будто на дно фонтана опустили огромную пустую бутылку. Потом Облако, большое, пышное, выкатилось из воды и развалилось на росистой траве, с наслаждением поворачиваясь с боку на бок.

– Иди сюда, Лоскутик! – позвало оно разнеженным голо-сом.

– Ты же знаешь! – Лоскутик попятилась от ограды. – Бульдоги! Сад сторожат бульдоги!

– Подумаешь, буль-буль-бульдоги! – беспечно пробормотало Облако.

Через газон, задними лапами откидывая росу, мчались десять раскормленных квадратных бульдогов.

Облако дернуло себя за ухо и взлетело на ветку. Село прямо на птицу. Птица залилась еще слаще, раздувая горло, хотя и очутилась прямо в животе Облака. Облако вытащило откуда-то носовой платок, встряхнуло за один угол и отпустило. Белый носовой платок, покачиваясь туда-сюда, поплыл в темноту.

Бульдоги между тем сунули слюнявые морды между прутьев решетки и жадно зарычали, разглядывая девочку.

– Мяу-у! – раздался сахарный, тонкий голосок.

От этого «мяу» бульдоги разом вздрогнули, выдернули морды, застрявшие между прутьями, и резко отскочили назад. Лоскутик увидела десять хвостов-обрубков, дрожащих мельчайшей злобной дрожью.

На круглом газоне стояла пушистая белоснежная кошка, изогнув упругую спину. Одну лапу, как и подобает уважающей себя кошке, брезгливо подняла, стряхивая каплю росы.

Облако, сидевшее на ветке, одобрительно посмотрело на кошку.

– Мяу-у-у! – еще слаще пропела кошка и исчезла в тени.

Бульдоги, хрюкнув от такого невиданного оскорбления, бросились за ней.

– Это мой носовой платок! – вздохнуло Облако. – Такой талантливый! Ну, теперь иди сюда.

Лоскутик с опаской протиснулась между прутьями ограды.

– Не бойся, не бойся... – Облако повело ее в глубь сада.

На каменной скамье около широкой вазы, полной темной воды, сидела большущая жаба. От старости она тяжело дышала, выпучив глаза, глядящие в разные стороны.

– Жаба Розитта! – вскричало Облако и навалилось на жабу.

Жаба Розитта растроганно моргала. Облако обнимало жа-

бу, целовало между глаз. Потом уселось рядом. Жаба Розитта закашляла, закрипела, как старое дерево:

– Кхи... Кри... Ква... Крр... Кви... Фрр... Хрр... Кхх... Ква...

– Вот оно что! Ну и дела! – тихо ахнуло Облако, слушая жабу Розитту. – Ну и король! Что надумал! Присвоить себе воду – самое лучшее, самое красивое...

Лоскутик с удивлением смотрела на Облако. Оно раздалось вширь, стало круглым. Рот растянулся до ушей. Глаза выпучились и разъехались в разные стороны. Облако стало похоже на жабу Розитту. В траве тайно переквакивались лягушата. Прыгали прямо через лапы Облака. В каменной вазе в воде висели головастики. Таращили черные глазки с булабочную головку.

Жаба Розитта строго постучала по вазе – головастики тут же гвоздиками попадали вниз.

– Я так и знало, что все кончится очень плохо... – грустно сказала Облако. – Все-таки у человека была крыша над головой. Хоть какая-то, а была. Что теперь делать? Посоветуй, жаба Розитта.

Жаба Розитта внимательно оглядела девочку выпуклым глазом, мигнула. Лоскутик от смущения опустила голову.

Жаба Розитта что-то сипло забормотала, закашляла.

– Пожалуй, это мысль, – задумчиво сказала Облако и повернулось к Лоскутику: – Тут одна повариха ищет себе служанку. Нужно только, чтобы ты первая попалась ей на глаза.

Глава 6

День рождения

Лоскутик сидела, прислонившись спиной к шести пышным подушкам. Колени ее были укрыты тремя пуховыми одеялами. На животе стояло блюдо со сладкими пирожками. А рядом, на скамеечке, торт, в котором, потрескивая, горели десять свечек.

Лоскутику было жарко и душно. Она без всякого удовольствия надкусила восьмой пирожок и стала облизывать липкие пальцы.

Уже две недели она жила у Барбацуцы. Каждое утро Барбацуца ощупывала Лоскутика: тискала руки и ноги, мяла бока, тыкала пальцем в живот.

– Почему не толстеешь? – рычала Барбацуца. – Где румяные щеки, пухлые ручки, растопыренные пальчики и хоть тоненький слой жира? Мне нужна служанка, а не щепка. Ты утопишь в кастрюле мою поварешку. Разве я могу доверить мою поварешку веретену, зубочистке, вязальной спице?

Лоскутик старалась есть побольше, но только худела с каждым днем.

Дело в том, что за все это время Облако ни разу к ней не прилетало.

«Неужели оно забыло про меня, улетело навсегда и я его больше никогда не увижу? Теперь у него есть жаба Розитта.

Наверно, я ему больше не нужна».

От этих мыслей она и худела.

– Любопытно было бы узнать: сколько лет такому заморышу? – спросила однажды утром Барбацуца, заставив Лоскутика съесть целую сковородку котлет.

– Не знаю, – испуганно мигнула Лоскутик.

– Как это «не знаю»? Когда твой день рождения?

– Не знаю... Кажется, его у меня нет.

– Как это «нет»? – пришла в ярость Барбацуца. – Если у тебя нет дня рождения, выходит, ты не родилась. Тогда тебя вообще нет. Думаешь, я соглашусь платить жалованье служанке, которой нет? Ловко устроилась, ничего не скажешь. Нет, моя милая, меня не проведешь. Хочешь ты или нет, у тебя будет день рождения. Сегодня же! Сейчас же!

Барбацуца, тяжело дыша, замолчала, задумалась.

– Как лучше всего такой лентяйке отпраздновать день рождения? Ясно! Ничего не делать, валяться в постели и лопать сладости!

Вот так Лоскутик и очутилась в постели под тремя одеялами, с блюдом сладких пирожков на животе.

А Барбацуца, ругаясь на чем свет стоит, полезла обратно на голубятню задать голубям корму.

Лоскутик с тоской надкусила одиннадцатый пирожок и вдруг поперхнулась и закашлялась.

В окно влетело Облако. Лоскутик даже не сразу его узнала. На этот раз Облако было похоже на большего белого

филина с двумя широкими крыльями. Несколько белых перьев, кружась, упали на пол, пока Облако протискивалось в слишком узкое для него окошко. Облако уселось на спинку кровати, задумчиво наклонило голову набок, помигало круглыми глазами.

Лоскутик кашляла и смеялась от радости – все вместе.

– Надо бы постучать тебя по спине – так, кажется, делаете вы, люди, в таких случаях, – озабоченно сказала Облако. – Но если я постучу, ты даже не почувствуешь.

– Ой, это ты! Здравствуй, – еле отдышавшись, сказала Лоскутик. – Как я рада!

Облако подлетело к девочке. Все десять свечей по-мышиному пискнули и погасли.

– Какая гадость! – сердито воскликнуло Облако, мягко взмахивая крыльями и прыгая на одной лапе. – Я чуть не закипело.

– Больно? Очень больно? – испугалась Лоскутик.

– Ничего. Одна лапа будет покороче, и все, – махнуло крылом Облако.

– Ты летало к филину, – догадалась Лоскутик.

– Откуда знаешь?

– По тебе видно.

– Правда. – Облако оглядело себя, вздохнуло. – Болтало с ним до утра. Не могу долго быть одним и тем же. Мне все время хочется меняться, превращаться. Удивляюсь на людей: как это им не надоедает всегда быть одинаковыми! Ску-

котища. Я бы на твоём месте каждый день в кого-нибудь превращалось.

Но Лоскутик только молча вздохнула.

Облако взобралось девочке на одеяло.

– Почему так долго не прилетало? – жалобно спросила Лоскутик.

– Дело было, – солидно сказала Облако. Оно наползло на Лоскутика, зашептало ей в ухо, мелко брызгая холодными каплями: – Жаба Розитта открыла мне ого какую тайну! Когда она это рассказала, я сделало себе сто ушей и слушало сразу всеми. Вот что: каждую ночь, когда дворцовые часы пробьют три раза, ручьи в королевском парке начинают бурлить, пруды выходят из берегов, фонтаны бьют до самого неба. Но почему это? Откуда эта вода? Никто, никто не знает. Я расспросило летучих мышей. Жаба Розитта лазила под землю к кротам. Во всем парке не сыщешь ни одного дождевого червя, с которым бы я это не обсудило. Но никто ничего не знает. Даже Ночной Философ...

Послышалось шарканье ног по ступенькам лестницы и злобное бормотанье. Облако неловко полезло под кровать. В комнату ворвалась Барбацуца.

– Почему все не съела? Свечки почему потушила? Одеяло почему мокрое?

Лоскутик увидела на полу два белых перышка и кончик крыла, торчащий из-под кровати, да вся так и вспотела от страха.

Барбацуца посмотрела на нее и удовлетворенно хмыкнула. Дернула за косу и пошла из комнаты. С порога обернулась и запустила прямо в девочку серебряной монетой.

– Завтра купишь себе новое платье. Мне надоели твои лохмотья.

– У, кипяток, утюг горячий, сковородка! – пробормотало Облако, когда Барбацуца хлопнула дверью.

Облако вылезло из-под постели. Теперь оно было вытянуто в длину, болталось в воздухе, как полотенце. На голове – чепец, нелепо торчащий дыбом, на носу – мутные белые очки.

– А собственно говоря, что ты лежишь в постели? – осведомилось Облако.

– Оказывается, у меня сегодня день рождения, – объяснила Лоскутик.

– День рождения... Это хорошо, – задумчиво сказала Облако. – Хотя все еще может кончиться очень плохо. Но опять-таки это не значит, что надо лежать в постели. Терпеть не могу жаркие подушки и одеяла. Ну-ка давай вставай!

– Убьет, – печально сказала Лоскутик.

– Гм... Может, она уйдет куда-нибудь?

– Уйдет... Как же... Она уходит, только когда за ней посылают голубей. Голуби сидят во дворце в клетках. Когда король хочет манной каши, их выпускают и они летят к Барбацуце на голубятню. Вот она и уходит.

– Голуби? – печально повторило Облако. – Так ты гово-

ришь – голуби?

К изумлению девочки, Облако не спеша стянуло со своей головы чепец и хладнокровно разорвало его пополам. Из половинок чепца получилось два вполне приличных белых голубя.

Один сел на железную спинку кровати и стал чистить перышки. Другой даже попробовал клевать крошки торта.

Облако развязало тесемки передника, разорвало его на куски. Из передника вышло еще семь отличных голубей. Большой белый голубь, выгнув грудь, воркуя, стал ходить за белой голубкой.

Облако скинуло с ног тапки – с пола взлетели еще два голубя.

– Не скажешь, что это курицы, верно? – спросило Облако.

– Не скажешь! – с восторгом согласилась Лоскутик.

– Кыш! Кыш! – замахало длинными руками Облако.

Голуби, беззвучно махая крыльями, вылетели в окно и закружились над крышей.

– Проклятье! – взревела Барбацуца. – Опять! Опять подавай ему манную кашу! Ведь только утром сварила целый котел. И даже карету за мной не прислали! Ну, погоди, главный повар, я пропишу тебе капельки!

– Ушла! – через минуту возвестило Облако. – Вылезай из постели, хватит. Теперь будем праздновать день рождения по-облачному.

Глава 7

Двенадцать белых покупателей в лавке Мельхиора

– Да, а где же монета? – вспомнила Лоскутик. – Кажется, она закатилась под кровать. Я слышала, как она звякнула.

Лоскутик слезила под кровать, разыскала монету. Подкинула ее на ладони:

– Подумать только! За одну кругляшку можно купить целое платье.

– Купить... – Облако с обидой посмотрело на нее, печально покачало головой. – Ни одно облако еще никогда ничего не покупало. Все люди вечно что-то продают, покупают. А мы – никогда. Знаешь, как обидно! Так хочется хоть разок быть покупателем. А ведь мне тоже надо кое-что купить. Очень-очень надо.

– Нет, я куплю платье, – испугалась Лоскутик.

– Жадничаешь? – Облако нахмурилось и немного приподнялось над полом. В животе у него сердито заворчал гром. – С жадинами не дружу!

– Что ты, бери, я так, – поспешно сказала Лоскутик.

Облако мягко, большими скачками запрыгало по комнате, дрожа, как желе. Захлопало в ладоши. Очки сползли на самый кончик носа.

– Я куплю краски. Коробку красок. Я первое облако-покупатель!

– Может быть, ты в кого-нибудь другого превратишься? – жалобно попросила Лоскутик. – Хотя я знаю, что ты – это не Барбацуца, все равно мне как-то не по себе...

– Превратиться? С превеликим удовольствием, – охотно согласилось Облако.

Оно дернуло себя за ухо и взлетело к потолку. Разделилось на части. С потолка мягко спустились одиннадцать белых кудрявых пуделей и одна дворняжка. У дворняжки были только три ноги, на четвертую ногу Облака просто не хватило.

– В путь! – весело твякнула дворняжка. Наверно, она была из них самая главная. – Мы пойдем в лавку к Мельхиору. Я что-то по нему соскучилась.

– Ни за что! – замахала руками Лоскутик.

– С трусами не дружу! – обиженно твякнула дворняжка, и все двенадцать собак, семеня лапами, взлетели в воздух. – И вообще, что я ни скажу, ты все «нет» да «нет»!

Лоскутик не посмела больше спорить. Они вышли на улицу.

Одиннадцать пуделей и дворняжка резво бежали по улице, деловито обнюхивая тумбы и заборы. Лоскутик с убитым видом плелась за ними. Прохожие останавливались, оборачивались, долго смотрели им вслед.

Чем ближе подходили они к лавке Мельхиора, тем хуже

становилось девочке. Сначала у нее разболелась голова, потом начало стрелять в ухе. Она семь раз чихнула, а нижняя челюсть начала отплясывать такой танец, что Лоскутику пришлось ухватиться за щеку рукой.

— Зубы болят? — с сочувствием спросила дворняжка. — Однажды у меня тоже вот так разболелись зубы. Ноют и ноют. Просто лететь не могу. Что делать? Но я не растерялась. Тут же превратилась в лодку с парусом. А как известно, у лодки с парусом нет зубов. А раз нет зубов, то и болеть нечему. Жаль, что ты никак не можешь превратиться в лодку с парусом...

Но Лоскутик не слушала болтовню дворняжки. В конце улицы показалась лавка Мельхиора. Тут одна нога у Лоскутика почему-то перестала сгибаться, и Лоскутик принялась отчаянно хромать. Потом у нее так скрючило руку, что она просто не могла ее поднять, чтобы толкнуть дверь в лавку.

Но делать было нечего. Двенадцать собак стояли рядышком и влажно дышали на ее голые ноги. Колокольчик над дверью беспечно и радостно пропел короткую песенку, ведь ему было все равно, кто открывает дверь.

Лоскутик еще надеялась, что в лавке никого не будет. Но ей не повезло. На ее несчастье, Мельхиор и его жена были в лавке. Они так и остолбенели, когда Лоскутик вошла в дверь. Они были удивительно похожи на кота и кошку, которые застыли на месте, увидев, что наивный мышонок сам идет к ним в лапы.

— Пожалуйста, коробочку кра... — начала Лоскутик и даже

не смогла договорить.

Лоскутик выронила серебряную монету. Монета покати-лась по прилавку, делая круг. Лавочница быстро накрыла ее ладонью, как бабочку или кузнечика.

В ту же секунду Мельхиор крепко схватил девочку за ру-ку. Лоскутик завертелась, стараясь вырваться. Если бы она могла оставить Мельхиору руку, как ящерица оставляет свой хвост, она бы это непременно сделала, даже если бы у нее не было никакой надежды отрастить новую.

Она дергалась изо всех сил, но Мельхиор держал ее креп-ко.

– Пустите! – закричала Лоскутик.

– Какая наглость... – прошипела лавочница.

– Жена, принеси плетку. Она висит за дверью, – ухмыль-нулся Мельхиор.

Но лавочница не успела сделать и двух шагов. В эту ми-нуту в лавку не спеша, одна за другой, вошли двенадцать бе-лых собак.

В темной лавке как-то сразу посветлело от их белоснеж-ной шерсти.

– Здравствуйте! – небрежно кивнула хозяевам дворняжка, даже не взглянув на Лоскутика.

Собаки принялись внимательно разглядывать товары, вы-ставленные на полках.

– Не купить ли нам дюжину чашек? – спросил белый пу-дель с пушистой кисточкой на хвосте.

– Или ножницы подстригать шерсть?

– Может быть, сотню булавок?

– Ах да! Не забыть бы щетки и расчески! В прошлый раз мы забыли их купить.

Нет, собакам положительно нравилось разыгрывать из себя солидных покупателей.

– Впрочем, все чашки в этой лавчонке битые, – высоко подпрыгнув, презрительно твякнула дворняжка.

– А ножницы тупые! – подхватил пудель с кисточкой на хвосте, взлетая к самой верхней полке.

– Булавки гнутые!

– Что за дрянная лавчонка! Все расчески без зубьев!

Двенадцать собак подошли поближе и оскалили белые зубы. Зубы были такие белые, как будто все собаки аккуратно чистили их зубным порошком утром и на ночь, не пропуская ни одного дня.

– А, вспомнила, – твякнула дворняжка, – нам нужны краски!

– Краски! – зарычали разом все собаки, поставив двадцать четыре белые лапы на прилавок.

Лавочница тут же упала в обморок. Лавочник отпустил руку Лоскутика и, весь дрожа, покорно полез на полку, осыпая упавшую жену чашками, блюдами, булавками, расческами и ножницами.

Он положил на прилавок коробку с красками. Было ясно, что сейчас он безропотно отдаст все товары, до последней

иголки.

Надо признать, что Лоскутик не стала особенно задерживаться в лавке. Голова, руки и ноги у нее почему-то перестали болеть, чихать она тоже перестала, и, схватив краски, Лоскутик вихрем вылетела на улицу.

Глава 8

День рождения по-облачному

– Теперь куда? – спросила Лоскутик.

– Увидишь, – твякнула дворняжка.

Собаки побежали по улице мимо кособоких домишек, державшихся только потому, что они никак не могли решить, на какую сторону им завалиться.

Впереди всех бежала трехногая дворняжка. Иногда она подпрыгивала и ласково лизала руку девочки. Язык у собачонки был удивительно влажный и прохладный.

Лоскутик шла не оглядываясь. Она не видела, что позади них, перебегая от дома к дому, крадутся Мельхиор и его жена.

– Эй, муженек, – прошептала лавочница, – откуда эта маленькая дрянь раздобыла столько белоснежных собак?

– Ума не приложу, – откликнулся Мельхиор, осторожно выглядывая из-за угла дома.

– К тому же эти собаки умеют летать, – добавила лавочница, прячась за забором.

– Постой-ка, жена... – Мельхиор ухватил лавочницу за руку. – Полагаю, об этом надо доложить главному советнику Слышу, а то и самому королю. Нас за это похвалят, а глядишь, и наградят...

Наконец собаки привели Лоскутика на сухое картофель-

ное поле.

– Познакомься, – с достоинством сказала дворняжка. – Это мой друг. Бывшее картофельное поле.

Но Лоскутик с оторопелым видом только молча смотрела на сухие грядки.

– Ну кланяйся же, – сердито шепнула ей дворняжка. – Скажи что-нибудь... Скажи, что рада познакомиться...

– Здравствуйте! – Лоскутик растерянно поклонилась картофельным грядкам. – Я очень рада...

Все собаки подбежали к дворняжке и, путая лапы и головы, стали сливаться вместе во что-то одно белое и непонятное, из чего постепенно вылепилась голова с двумя косицами и широким носом, толстый живот со связкой ключей на поясе, напоминающий живот Мельхиора, и кривые ноги с торчащими коленками – точь-в-точь ноги лавочницы.

– Ну, теперь огорчи меня чем-нибудь, – вздохнуло Облако, – мне сейчас надо как следует огорчиться.

– Огорчиться?! – удивилась Лоскутик.

– Ой, какая ты скучная! – нетерпеливо воскликнуло Облако. – Ну конечно, огорчиться, а то как же? Тогда я заплачу – и пойдет дождь.

– Но я не хочу тебя огорчать! – взмолилась Лоскутик. – И мне не нужно этого... ну, твоего дождя. Я не знаю, какой он.

– Кончай болтать! – нетерпеливо гроыхнуло Облако. – Давай огорчай!

– Но я не знаю как, – растерялась Лоскутик.

– А все равно. Ну хотя бы скажи: «Я тебя не люблю!»

– Я тебя не люблю... – послушно повторила Лоскутик.

– Что?! – Брови Облака поднялись и сошлись на лбу уголкем. Облако моргнуло, слезы так и потекли из глаз. – Я так и знало, что все кончится плохо. Но я надеялось... Думало, мы на всю жизнь...

Облако взмыло кверху. Лоскутик попробовала удержать его за ноги, но ухватила только мокрую пустоту.

– Постой! – крикнула Лоскутик. – Ты же само сказала, чтобы я это сказала!

– А ты бы не говорила! – гулко всхлипнуло Облако, поднимаясь еще выше.

– Имей совесть! Я же не знала, что ты огорчишься!

– Нет, знала. Я же тебе сказала... о... огорчай... – Голос у Облака стал похож на эхо, ветер нес его куда-то мимо Лоскутика.

– Так я же понарошку сказала! Не по-правдашнему!

Но Облако не отвечало. Оно вытягивалось, таяло.

Оно больше не было похоже ни на Лоскутика, ни на Мельхиора, так – на кучу белых перьев, выпущенных из перины и не успевших разлететься в разные стороны.

Чтобы не видеть этого, Лоскутик закрыла лицо руками. Она упала на сухую грядку и заплакала, кашляя от пыли.

– Что ты! Что ты! – послышался виноватый голос.

Лоскутика с головой накрыло что-то туманное, мокрое и тоже всхлипывающее.

– Фу! От сердца отлегло. А то, как ты сказала «не люблю», я чуть не испарилось. Есть на свете слова, которые нельзя говорить даже понарошку. Наверно, это и есть как раз такие слова.

Облако высморкалось в свой талантливый носовой платок, глубоко вздохнуло и перестало всхлипывать.

– Как же мне теперь огорчиться?

Облако задумчиво огляделось кругом, подперло щеку ладошкой и вдруг радостно заголосило:

– Бедные вы грядки картофельные! Сухие, разнесчастные! Ничего на вас не вырастет! Не будете никогда красивыми, зелеными!..

Оно наклонило голову, как бы прислушиваясь к себе: в нем что-то поплескивало, булькало, переливалось.

– Все в порядке. Огорчилось, – деловито сказала Облако и, дернув себя за ухо, поднялось кверху.

Кап! Кап!.. На нос девочке шлепнулась тяжелая капля. Вторая упала на лоб.

– Что это? – неуверенно спросила Лоскутик.

Кап! Кап! Кап!..

В воздухе повисли серебряные нити. Капли застучали по плечам, по лицу. Платье девочки намокло. Лоскутик протянула руки, сложила ладошки ковшиком. Набрала воды.

– Спасибо тебе, Облако! – закричала Лоскутик, подняв кверху лицо. Вода полилась ей в рот. Лоскутик засмеялась от счастья.

Запахло мокрой землей. Между грядок заблестели лужи. По лужам запрыгали первые пузыри.

– Вода с неба!

– Не за деньги!

– Сюда!

– Скорей!

Через забор перемахнуло с десятков мальчишек. Они с визгом заскакали по лужам, ртами ловя струи воды.

Кто-то схватил Лоскутика за руку. Она поглядела. Это был мальчишка, каких и не бывает на свете: весь черный – лицо, волосы, штаны, куртка. На голове у него сидел голубь, тоже весь черный. Мальчишка прыгал, но голубь не слетал с головы и только бил крыльями и перебирал лапками, чтобы удержаться.

Мальчишка потянул Лоскутика за руку. И Лоскутик, сама не зная как, завопила громче всех и тоже запрыгала по лужам.

– Это дождь! Не бойся! – крикнула она. – А на лужах такие круглые – это пузыри!

Лужи были разноцветные – красные, синие, фиолетовые: кто-то из мальчишек нечаянно раздавил ногой коробку красок, купленную в лавке Мельхиора. И по лужам прыгали разноцветные пузыри.

– Вот это день рождения по-нашему! – слышалось откуда-то сверху. – Мы зовем его дождь-рождение!

Глава 9

Белое кружевное платье

– Кто разрешил? Кто позволил? – послышался злобный голос.

Сквозь капли дождя Лоскутик разглядела капитана королевской стражи и двух солдат с пиками. Они бежали по мокрому полю, с трудом выдирая из грязи тяжелые сапоги.

– Кто разрешил дождь? Это государственное преступление! Прекратить! Немедленно прекратить! – задыхаясь, орал капитан королевской стражи.

– А может, это тебя прекратить? – загремело сверху.

И тотчас тяжелые капли забарабанили по голове и плечам капитана королевской стражи. Он хотел что-то крикнуть, но струи дождя заткнули ему рот, залили глаза. Капитан втянул голову в плечи, согнулся, закрывая лицо руками.

Мокрые мальчишки с хохотом разбежались кто куда. Лоскутик перескочила через забор.

– Лети сюда! Скорей! – крикнула она Облаку.

Облако перевалило через забор, полетело рядом.

– Держите вот это! Белое! Круглое! – закричал, отфыркиваясь, капитан королевской стражи.

Лоскутик и Облако свернули в переулок.

Облако стало совсем маленьким. Оно хрипло дышало. Летело рывками, опускаясь все ниже и ниже, почти волочилось

по земле.

Сзади их нагонял топот подкованных сапог.

– Превращайся скорее! – крикнула Лоскутик Облаку. – Ну хоть в кого-нибудь!

– Так не могу, – простонало Облако, – мне надо подумать, сосредоточиться.

Топот приближался.

Лоскутик обернулась. Облако отстало шагов на десять. Лоскутик бросилась к нему, подняла с земли. Подбежала к забору, села на землю, дрожащими руками принялась мять Облако. Вылепила маленькую головку с гребешком, пару прижатых к телу крыльев. Хвост вылепить не успела.

Из-за угла вынырнули капитан стражников и солдаты. Лоскутик быстро накрыла Облако фартуком.

– Эй, оборвашка, что ты там прячешь под фартуком? – крикнул капитан королевской стражи.

Один из солдат кончиком пики приподнял край фартука.

– Это... это курица моей бабушки... – пролепетала Лоскутик.

– Хм... – пробормотал солдат, – странная курица...

– Если такова курица, то какова же сама бабушка? – покачал головой второй солдат.

– Хватит болтать! – прикрикнул на них капитан. – Ответь, нищенка, не видела ли ты тут чего?

– А чего? – спросила Лоскутик, глупо моргая глазами.

– Ну, такого... – попробовал объяснить капитан, делая ру-

ками в воздухе какие-то непонятные круги. – Вот такого, понимаешь?

– Какого «такого»? – Лоскутик заморгала еще чаще.

– Ну, этакого... – вконец взбесился капитан.

– Какого «этакого»? – Лоскутик посмотрела на капитана, открыв рот.

– Э, да что с ней связываться! – махнул рукой капитан. – Глупа как пробка, ничего не понимает.

Капитан и солдаты протопали мимо.

Лоскутик перевела дух. Посмотрела на Облако. Облако лежало грустное, присмирившее.

– Ты кто? – недоверчиво спросило Облако, глядя на девочку туманным взглядом.

– Как это кто? – удивилась Лоскутик.

– А, помню, ты была такая зеленая, развесистая и росла на опушке... – пробормотало Облако.

– Да ты что? – уже с испугом сказала Лоскутик.

– Ага, ты ловила комаров на болоте...

– Да нет же!

– А... Ты говорила «тик-так!» и показывала время на городской башне.

– Какое «время»? Что с тобой?

– Я тебя не знаю, – печально сказал Облако. – Я все забыло. Ну, я полетело! Пока.

– Постой! Я дала тебе напиток... – робко напомнила Лоскутик.

– Что-то такое было, – задумчиво протянуло Облако. – Напиться... напиться... Видишь ли, у меня в голове вода, а я ее всю вылило. Я выплакало всю свою память. Все, что помнило. Ну, прощай!

– Да подожди! – с отчаянием воскликнула Лоскутик. – Еще у меня сегодня день рождения. А ты говорило: дождь-рождение.

– Да, да, припоминаю, что-то такое было... – Облако немного посветлело.

– А потом ты превратилось в двенадцать собак.

– Да, да, это я помню...

– И мы пошли...

– Стой! Молчи! Вспомнило! Мы пошли в лавку к Мельхиору...

– Да!

– Ты – Лоскутик!

– А, вот ты где! Попалась, голубушка!

По улице шла Барбацуца. Из ее единственного глаза от ярости просто сыпались искры. Она только что побывала во дворце и узнала, что король вовсе и не хочет манной каши, а главный повар и не думал посылать за ней голубей.

Облако тут же свернулось клубком, шмыгнуло Лоскутику под локоть и там затаилось.

Барбацуца приближалась медленно, не спеша, и это было страшнее всего. Тень упала на девочку. Лоскутик прижалась спиной к забору.

– Где была? Признавайся, – спросила Барбацуца тихо и сипло.

– Платье покупала! – подсказало Облако, слабо шевельнувшись под мышкой.

– Платье покупала... – помертвев, повторила Лоскутик.

– Врешь! Если ты покупала платье, то у тебя должно быть платье! Где оно? Покажи!

Барбацуца занесла над головой Лоскутика сжатые кулаки. Лоскутик невольно вытянула вперед руки, чтобы защитить голову от удара, и вдруг на ее руках, легко развернувшись, повисло белоснежное кружевное платье.

Ветер раздул кружевной подол, зашевелил бантами и оборками. Кружево было такое тонкое, что, казалось, вот-вот растает на глазах. Даю голову на отсечение, что ни одна принцесса на свете не отказалась бы от такого платья!

– Ты купила себе это платье? Нищенка! Кружевное? За-марашка! С бантами? Побирушка! Белое? Самое непрактичное! – Барбацуца от возмущения с трудом находила слова. Она уже протянула руки, чтобы схватить платье, но кто-то опередил ее.

Ее опередила маленькая, жалкая дворняжка. Что это была за ничтожная тварь! Во-первых, у нее было всего лишь три ноги, да и то больше похожие на кривые паучьи лапки. Хвоста и ушей не было и в помине. Она была так худа, что все ребра, проткнув кожу, вылезли наружу. Но все это не мешало собачонке быть очень проворной.

Она высоко подпрыгнула и ловко цапнула за подол прекрасное кружевное платье. Затем, часто перебирая своими тремя лапками, бросилась наутек.

Кружевное платье волочилось по пыльной дороге.

– Ах, проклятая! – крикнула Барбацуца и бросилась за мерзкой собачонкой.

Казалось, она вот-вот ухватит платье за рукав. Но собачонка отчаянно тявкнула, поддала ходу, перемахнула через канаву, пролезла в щель под забором и скрылась.

Глава 10

Удивительное происшествие на закате

«Ни за что не проснусь, – подумал художник Вермильон и тут же понял, что больше он не заснет. – Ну, хорошо, пусть я не засну. Но уж глаза открыть меня никто не заставит».

Он знал, что он увидит. Битые стекла на полу, сломанные рамы, разодранные в клочья портреты.

Прежде художник Вермильон жил припеваючи. Придворные щеголи и богачи с утра до вечера толклись в его мастерской и охотно заказывали ему свои портреты.

Но шли годы, и художнику открывались глубокие тайны мастерства. Он научился смотреть на мир особым взглядом. Видеть красоту самых простых вещей: камня и грубого глиняного кувшина. Сам того не желая, он стал рисовать людей такими, какие они были на самом деле, и совсем не такими, какими они хотели казаться.

Самое удивительное, что художник даже не думал об этом. Это получалось у него как бы само собой. Но трусы на его портретах были трусами, как бы они ни пыжились, стараясь изобразить себя смельчаками. Льстецы – льстецами. А обманщик, даже если ему удалось убедить всех, что честнее его не сыщешь человека во всем королевстве, все равно на

портрете выглядел обманщиком.

Надо ли говорить, в какую ярость приходили все эти люди, увидав свои портреты?

И все-таки художник Вермильон еще как-то сводил концы с концами. Но вот наступил этот несчастный день, и все рухнуло. Теперь художник был окончательно разорен, а мастерская его разгромлена.

«Как же это случилось?» – спросите вы меня.

Весь этот день неудачи преследовали художника. С утра к нему заявился главный королевский пирожник и заказал свой портрет. На вид пирожник был очень добрый и симпатичный. У него были толстые, мягкие щеки и сладкая улыбка. Но так как на самом деле он был человеком жадным и жестоким, то и на портрете он получился именно таким.

– Это клевета, а не портрет! – разозлился главный пирожник.

Он подтащил художника к большому зеркалу, висевшему на стене.

– Ах ты, негодяй! Посмотри, какие у меня добродушные щеки, честный нос и славные, располагающие к себе уши! Посмотри, какой я славный парень! Этаким миляга и симпатяга! А ты меня каким изобразил? Это клевета, а не портрет!

Главный пирожник ушел, хлопнув дверью, не заплатив художнику ни гроша. А Вермильон, чувствуя себя очень усталым, решил немного прогуляться. Он перешел мост Бывшей Реки и вышел на площадь Забытых Фонтанов.

Солнце, похожее на докрасна раскаленную сковороду, уходило за сверкающие кровли дворца. Художник глянул на него один раз и опустил голову.

«Как это печально и пусто – солнце на голом небе, – подумал он. – Закат делают прекрасным облака. Как жаль, что люди в нашем городе никогда не видели красивого заката. Наверно, поэтому они такие скучные и злые...»

Художник глянул на небо еще раз и тихо ахнул. Все изменилось. Над городом плыло облако. Казалось, небо запело. Облако было все кружевное и нежное. Лучи солнца охватили его снизу, наполнили золотом.

«Оно похоже на лебедя или на корабль под парусами, – подумал художник. – Нет, больше всего оно похоже на кружевное платье. Да, да! На платье из тончайшего кружева. А вот из-за него выплыло еще одно облако. Это похоже на какого-то зверька. Пожалуй, больше всего на трехногую собачонку».

Художник оглянулся. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь еще увидел это чудо. Но, как назло, на площади не было ни души.

В этот час все богатые люди ложились спать. «Больше спишь – меньше пьешь!» – была их любимая поговорка.

Вдруг все жители окрестных домов разом вздрогнули, скатились с постелей, вскочили со стульев. В каждом доме что-нибудь упало или покатилося по полу.

Главный повар уронил склянку с успокоительными кап-

лями на и без того совершенно спокойный коврик около своей кровати.

«Бом – вставайте! Бум – очнитесь! Бам – проснитесь!» – гудел большой колокол на колокольне.

«Бегом! Бегом! Бегом!» – вторили маленькие колокола.

Не трудно догадаться, что виновником всей этой суматохи был художник Вермильон. Он забрался на колокольню и поднял этот немислимый трезвон.

На площади быстро собралась толпа. Все улицы, идущие к площади, были усеяны ночными колпаками и домашними туфлями. Люди спрашивали друг друга:

– Что случилось?

– Пожар?

– Землетрясение?

– Эй, почему ты звонишь во все колокола? – крикнул художнику начальник королевской стражи, который второпях выбежал из дома с подушкой в руках и теперь прижимал ее к животу.

– Посмотрите, какой закат! – закричал с колокольни художник. – Облако! Облако! Посмотрите, какое облако! Да глядите же! Оно тает! Оно уплывает!

Начальник королевской стражи попросил главного тюремщика немного подержать его подушку, взобрался на колокольню и за шиворот стащил художника.

– Уж я-то знаю, что сделать с этим сумасшедшим! – прошипел главный тюремщик и звякнул большой связкой клю-

чей.

— И я знаю! — воскликнул торговец крысиным ядом, встряхивая мешок со своим товаром.

— И я знаю! — прохрипел продавец пеньковых веревок, проводя рукой вокруг своей длинной, жилистой шеи.

А художник стоял молча, совершенно оглохший от звона колоколов, и тихо улыбался.

— Я уже давно понял, какой это негодяй! Ведь он нарочно изобразил меня трусом! — со злобой сказал начальник королевской стражи.

— А меня — обманщиком! — с оскорбленным видом добавил продавец лекарства от плохого настроения.

— А глядя на мой портрет, можно подумать, что я круглый невежда! — воскликнул воспитатель богатых детей, который на самом деле думал, что дважды два будет пять.

Все они толпой отправились к дому художника. Лестница была крутая и узкая. Произошла давка. С головы начальника стражи свалился шлем и с грохотом покатился по ступенькам.

— Осторожно, мой живот! Не давите на мой чудесный толстый живот! — стонал королевский пирожник.

Наконец все они ворвались в мастерскую художника Вермильона. Они срывали портреты со стен. Рвали в клочья картины и рисунки, топтали их ногами.

Мало того, они сломали мольберт художника, раскидали его краски и кисти, выбили в окна все стекла.

– Уф, кажется, дело сделано на славу, – отдуваясь сказал начальник королевской стражи. – Больше нечего крушить и громить!

– Мы неплохо потрудились, – согласился с ним продавец пеньковых веревок.

– Приятно сознавать, что сделал доброе дело, – вытирая пот, добавил королевский пирожник. – Надо было как следует проучить этого негодяя!..

«Нет, нет, ни за что не открою глаза», – снова подумал художник Вермильон.

Он крепко зажмурился, но почему-то перед его глазами появился кувшин. Глиняный запотевший кувшин, полный воды. От него так и тянуло холодком.

Художник застонал и замотал головой. Но проклятый кувшин и не думал исчезать. Он наклонился. Струя воды упала и разбилась о дно стакана.

Художник вцепился зубами в подушку.

Буль-буль-буль!.. – дразнил его кувшин.

«Все ясно, – сам себе сказал художник, – я просто очень хочу пить. Вот и все. Но когда мне теперь удастся напиться, совершенно неизвестно. Ведь в кармане у меня нет и ломаного гроша».

Он открыл глаза, приподнялся на локте и просто оцепенел от изумления.

Действительно, было чему изумиться. Весь пол в мастерской был залит водой. В воде, тихо покачиваясь, плавали

клички рисунков. На одном клочке была половина носа торговца оружием, на другом – хитрый глаз продавца придворных калош, на третьем – ухо главного тюремщика.

Вода была повсюду, где только она могла быть: в чашках, в блюдах, в ложках, в ведре, в тазу и даже в наперстке, который забыла у него в мастерской его невеста, бедная портниха.

Но самое удивительное было не это.

В глубоком кресле, небрежно закинув одну ногу на другую, сидел он сам, художник Вермильон, собственной персоной. Правда, он был совершенно белый, да к тому же еще немного прозрачный. Но все же это был он, несомненно он! Художник узнал свои волосы, свое лицо, свою широкую блузу и даже свой задумчивый взгляд. Ошибиться было невозможно – это был он!

– Как вы понимаете, я пришел к вам не просто так, а по важному делу, – устало сказал белый человек в кресле.

– Все ясно, – сам себе, но довольно громко и внятно сказал художник Вермильон, – не нужно впадать в панику, не нужно лишних волнений. Все просто, как дважды два: я сошел с ума.

– Какая тоска, – вздохнул белый человек, поднимая глаза к потолку, – каждый раз начинать все сначала. Объяснять, рассказывать, растолковывать. Не сомневаюсь: сейчас он меня спросит, кто я.

– Кто вы? – прошептал художник.

– Облако я. Ну просто Облако, – скучным голосом сказал белый человек.

– Дело окончательно проясняется, – снова сам себе сказал художник. – Отдых, витамины, никаких волнений, свежий воздух, и мне станет легче.

– Я так и знал! – уже с раздражением проговорил белый человек, ерзая в кресле. – Насколько проще с детьми. Всему верят. Понимают с полуслова. Вот что! Потрудитесь-ка спуститься вниз. Там у дверей кое-кто стоит. В общем, обыкновенная девчонка. Когда-то я ей все это уже объяснял, теперь пусть она объяснит вам. К тому же вы ей скорей поверите, чем мне.

Художник опрометью бросился вниз.

Поднимался он удивительно долго. Слышался то его голос, то голос Лоскутика. Потом раздался шум падения и стук, как будто кто-то щелкал на огромных счетах, – это художник споткнулся посреди лестницы и полетел вниз. Потом он снова начал свое восхождение вверх с первой ступеньки. Когда он вошел в мастерскую, вид у него был самый невероятный. На лбу вздулась шишка, волосы всклокочены, но он улыбался счастливейшей улыбкой.

Он не спускал глаз с Облака и чуть не растянулся на полу, зацепившись за ножку стула. За ним робко вошла Лоскутик.

– Это такая честь для меня, – тихо сказал художник.

– Ну, это еще ничего, – пробормотало Облако. – Художники... для них еще возможно невозможное...

– Дорогое Облако, – сказал художник, – все, что у меня есть, все принадлежит вам!

– О нет, – остановило его Облако, – это уже слишком. Вы мне просто должны помочь в одном небольшом дельце. Прежде всего, не можете ли вы мне сказать, как одеваются богатые путешественники?

– Путешественники?.. К тому же богатые... – задумался художник. – Ну, тогда, конечно, башмаки с пряжками, камзол из тонкого сукна, шляпа с перьями, потом непременно плащ... Да, да, именно так.

Облако слегка подпрыгнуло, и в тот же миг у него на ногах появились башмаки с огромными пряжками.

– Шляпа с перьями... – вздохнуло Облако и водрузило себе на голову неизвестно откуда взявшуюся широкополую шляпу с роскошными страусовыми перьями.

Полы кафтана у него оттопырились. На жилете одна за другой вскочили десять блестящих пуговиц.

Лоскутик смотрела на все это довольно хладнокровно – она еще и не такое видела, – а художник чуть не задохнулся от изумления. Он только взмахивал руками и хватал воздух широко открытым ртом.

– Не добавить ли солидности? – задумчиво спросило Облако и вытянуло у себя из-под носа довольно длинные усы. – Может быть, еще немного усталости? Нет, нет, я устаю только от сидения на одном месте. – Облако поглядело на себя в зеркало. – Пожалуй, возраст совсем не тот, – сказала оно. –

Путешественник, который объездил все страны, не должен быть особенно юным.

Лицо Облака тут же прорезали глубокие морщины, нос выгнулся крючком.

– Потрясающе... – только и мог выговорить художник.

– Да, неплохо, – согласилось Облако. – Но видите ли, тут есть одна небольшая, но существенная подробность. Ни один путешественник на свете не бывает совершенно белым.

– Так я могу вас раскра!.. – с азартом воскликнул художник, но не договорил, испугавшись, что Облако может обидеться.

– Именно об этом я и хотел вас попросить! – улыбнулся белый путешественник. – Дело в том, что у нас были краски, но они погибли.

Через несколько минут в мастерской закипела работа. Никогда художник Вермильон не трудился с таким вдохновением. Он стонал, что-то бормотал сквозь зубы, умолял Облако не шевелиться и хоть минутку постоять спокойно.

Тронув Облако кисточкой, он отскакивал назад и, наклонив голову, издали придирчиво глядел на свою работу. Своими лучшими акварельными красками он осторожно раскрасил щеки Облака, сделав их удивительно розовыми. Затем, встав на колени, он покрыл башмаки Облака зеленой краской.

Высунув кончик языка, он нарисовал на его чулках тонкие черные полосы. Всю синюю краску, которая только у

него была, он потратил на камзол Облака, а всю красную – на подкладку плаща.

Он выскреб все остатки золотой краски и покрасил ею пуговицы на жилете и пряжки на башмаках.

– Никогда не видел никого, кто больше был бы похож на знатного и богатого путешественника! – сказал Вермильон, любуясь своей работой.

Облако с довольным видом поправило пышный шарф на шее. На его пальцах одно за другим появились кольца с крупными бриллиантами, сверкающими, как капли чистой воды.

– Самое главное для меня в данном случае – все время держать себя в руках, – весело сказала Облако. – Вы понимаете, вода во мне не переставая циркулирует. И если я разволнуюсь, могут случиться большие неприятности. Но вы не беспокойтесь, я ни на минуту об этом не забуду. Я все время буду внимательно за собой следить. Не понимаю, почему это некоторые считают меня беспечным и легкомысленным? Ведь я совсем не такое! Нет, вы увидите, все будет просто прекрасно!

Глава 11

Кресло, улетевшее в окно

О дворце короля Фонтаниуса I ходили самые невероятные слухи. Что ж, пожалуй, это был действительно необыкновенный дворец.

Я нисколько не ошибусь, если скажу тебе, мой читатель, что это был самый мокрый дворец на свете. Самый влажный, самый отсыревший, даже, смею утверждать, самый заплесневевший. Слуги каждое утро соскребали мох с широких лестниц и плесень с мраморного пола, колонн и даже дверных ручек.

Король, конечно, был богаче всех людей в королевстве. Говорили, что его слуги каждое утро выливают на пол тысячу ведер воды. Что ж, приходится этому верить! Ведь все полы во дворце были залиты водой. Да, да, водой! Настоящей водой!

Поэтому, пожалуйста, не удивляйся, мой читатель, что все придворные во дворце постоянно ходили в калошах. Разумеется, это были совершенно особые калоши. Они радовали глаз своим нежным цветом: розовым, голубым, фиолетовым. К тому же подошвы у них были тонкие, как лепестки розы. Один раз потанцуешь на балу – и на пятке дыра.

Это было, конечно, очень на руку продавцу придворных калош. Он сколотил на калошах целое состояние. У него на

окнах стояло двенадцать горшков с цветами, что, как ты понимаешь, говорит о немалом богатстве.

Придворные вечно ходили с мокрыми ногами, страдали хроническим насморком, в каждом углу кто-то звонко чихал или сдавленно кашлял. И только главный королевский советник по имени Слыш не обращал ни на кого внимания, ходил в глубоких черных калошах на толстой подошве.

Слыш всегда говорил шепотом, но зато слышал все, что говорилось в любой комнате дворца. Он слышал даже, о чем шепчутся повара на кухне.

Придворных приводил в ужас один вид его черных калош, но король Фонтаниус I очень любил своего главного советника.

Больше всего воды было на полу в тронном зале. Вода омывала ножки массивного королевского трона. Сдвинуть его с места не могли бы и двадцать силачей. На спинке трона сверкал королевский герб – золотое ведро с надписью: «Вода принадлежит королю».

Перед тронном стояла огромная мраморная чаша. И представьте себе только: она была до краев наполнена чистой прозрачной водой. В этой чаше важно плавали золотые рыбы с красными выпученными глазами и хвостами, похожими на балетные юбочки.

Придворные часами толпились около чаши, с изумлением рассматривая их. Ведь рыбы в этом королевстве были самой большой редкостью.

Король Фонтаниус I имел вид поистине королевский. Он давно уже перестал расти вверх, но продолжал расти в ширину. Живот у него сползал на колени, а щеки и подбородок съезжали на грудь.

— Увы! Наш король слишком много пьет! — озабоченно качали головами придворные врачи, угощая друг друга новейшими таблетками от простуды.

— Стоит мне только подумать, что мои подданные хотят пить, как от жалости меня начинает мучить жажда! — вздыхал король. — Я пью так много потому, что я слишком добрый.

Советники короля, министры и придворные страдали той же болезнью.

Ежедневно они опустошали такое количество кубков и бокалов воды, что с трудом переставляли ноги.

Только главный советник Слыш, тот самый, который ходил в черных калошах, пил воду наперстками и был худ как щепка.

В этот вечер во дворце все были как-то особенно взволнованы. Придворные, забыв о мокрых ногах, собирались кучками и перешептывались.

— Вы не знаете, когда он явится во дворец?

— Ровно в десять.

— Я слышал, он приехал на трех верблюдах.

— Подумаешь, слышал! Я их видел, вот как вас вижу. Три белых как снег верблюда.

– Но почему на верблюдах?

– Очень разумно. Чему вы удивляетесь? Ведь верблюды могут не пить по несколько недель.

– Но почему на белых?

– Слуги у него с ног до головы закутаны в белые покрывала.

– А он богат, этот путешественник?

– Говорят, несметные богатства!

– Он остановился в самой дорогой гостинице!

– Я сам видел: огромные белые сундуки.

– Но почему все белое?

– А почему бы не быть всему белому?

В разгар этих споров дворцовые часы, подумав, пробили девять раз. Это были самые умные и самые грустные часы на свете. Их сделал Великий Часовщик. Он работал над ними много лет.

Когда король увидел эти часы, они ему так понравились, что он тут же попросил Великого Часовщика подарить ему эту безделицу. Эти часы никогда не отставали и никогда не спешили. Но всякий раз, перед тем как начать бить, они на мгновение задумывались.

Чтобы предохранить их от сырости, часы накрыли большим стеклянным колпаком.

С первым ударом часов все придворные повернули головы к высоким дверям. А с девятым ударом двери распахнулись, и в зал вошел знатный путешественник.

Он так низко поклонился королю, что перья его шляпы проехали по мокрому полу. Синий кафтан, сшитый из невиданно тонкого сукна, сидел на нем просто великолепно. Сверкали бриллианты на пальцах.

Все невольно залюбовались его нежно-розовыми щеками. Впрочем, это никого особенно не удивило. Конечно, у кого же, как не у путешественников, должны быть розовые щеки? Ведь путешественники больше всех остальных людей бывают на свежем воздухе.

– В каких странах вы побывали? – поинтересовался король.

– О, в самых разных! – Голос путешественника был очень приятный. – Можно сказать, я облетел весь мир. Но нигде я не видел ничего подобного! Эти мокрые полы, ступени... Лужи повсюду! Нет, это бесподобно! Я восхищен!

Было видно, что путешественник говорит все это совершенно искренне, от чистого сердца.

Король торжественно надел золотые калоши и сам провел гостя по всему дворцу. Главный советник Слыш шел за ними и сверлил спину путешественника острым и подозрительным взглядом.

Путешественник оказался человеком на редкость любознательным. Беззвучно скользя по мокрому полу в своих зеленых башмаках, он заглядывал во все углы, за занавески, рассматривал каждый вбитый в стену гвоздь, узоры на стенах и дверные ручки.

Он стонал и вскрикивал от восхищения, но постепенно вид у него становился какой-то беспокойный и даже растерянный. Наконец он почти с отчаянием стал заглядывать под стулья и кресла. Казалось, он что-то ищет. Некоторые придворные даже подумали, не потерял ли знатный путешественник одно из своих колец с крупным бриллиантом.

Наконец все вернулись в главный зал. Король снова уселся на трон и хлопнул в ладоши. Вошли слуги с золотыми подносами. На подносах стояли бокалы с водой.

– Вода с сиропом! Не желаете ли?

– Вода с лимоном!

– Вода с солью, новый оригинальный напиток!

– Вода со льдом!

Льдинки поскрипывали в бокалах. Придворные осушали один бокал за другим и время от времени выходили в сад полюбоваться луной. Слуги с подносами, низко кланяясь, обступили знатного путешественника.

Но он только скучным взглядом посмотрел на бокалы. Плавным шагом он подошел к мраморной чаше, наклонился и припал ртом прямо к воде. Щеки его раздулись и несколько побледнели.

В зале стало удивительно тихо. Знатный путешественник с шумом втягивал в себя воду и изредка переводил дух. Воды в мраморной чаше заметно поубавилось.

Пожилой слуга наклонил поднос. Бокалы один за другим упали на пол и разлетелись с оглушительным звоном. Знат-

ный путешественник с видимым сожалением оторвался от воды, закрыл рот и оглянулся.

Можно было подумать, что, пока он пил, все придворные и сам король превратились в статуи. Продавец придворных калош замер на одной ноге. Главный алхимик развернул носовой платок, но так и забыл высморкаться.

– Хм... – досадливо сказал знатный путешественник и погладил свои усы, с которых побежала вода. – Кажется, я немного увлекся, а?

Неизвестно, чем бы все это кончилось, но в этот момент в дверях появился начальник королевской стражи.

Он отчаянно дрожал. Его ноги разъезжались на скользком полу, и он делал невероятные усилия, чтобы как-нибудь собрать их вместе. Вид у него был самый жалкий.

Он дергал носом точь-в-точь как заяц. Можно было даже подумать, что у него под высокой шапкой с кокардой спрятаны заячьи уши.

– Виноват, ваше величество! Не углядел... Еще один откопали... – сказал он несчастным голосом.

Придворные вмиг ожили:

– Не может быть!

– Неблагодарные!

– Ведь только вчера ночью откопали колодец в конце Кривой улицы!

– А стражников связали!

– А сегодня опять!

– Скоро они откапывают все колодцы!

– Это заговор!

– Это бунт!

На губах у короля появился большой переливающийся мыльный пузырь. Дело в том, что король, будучи еще младенцем, однажды назло своим двадцати пяти нянькам проглотил кусок мыла. Все двадцать пять нянек были брошены в тюрьму. Но это не помогло.

С тех пор стоило королю хоть немного разволноваться, на губах у него появлялись великолепнейшие мыльные пузыри. Мыло, проглоченное его величеством, было самого лучшего качества, поэтому пузыри выдувались большие, сияющие и удивительно круглые. Они отражали мраморные колонны, огни свечей и перекошенные лица придворных. Но короля это приводило в еще большую ярость.

– Засыпать колодец! Завалить камнями! Залить смолой! Нет, расплавленным свинцом!

По залу важно проплыли мыльные пузыри. Придворные шарахались от них в стороны.

Знатный путешественник издал страдальческий стон. Но никто не обратил на него внимания.

– Где этот колодец? – прошипел главный советник Слыш.

– У северных ворот, – лязгнув зубами, ответил начальник стражи.

– Это где три серых камня? – с неожиданным беспокойством спросил путешественник, делая шаг вперед.

Начальник стражи удивленно посмотрел на него и кивнул.
– Где еще такой высокий дуб с большим дуплом?

Начальник стражи снова кивнул и попятился. Тут со знатным путешественником случилось что-то странное. С растерянным видом, ломая мягкие, гибкие руки, он бросился к королю:

– О!.. Ваше величество, не делайте этого! Умоляю вас, не заваливайте его камнями!.. – Он торопливо повернулся к Слышу: – Этот колодец – мой друг! Я в нем столько раз ночевал! В нем было так прохладно...

Слезы витыми струйками, как из носика кофейника, брызнули из глаз знатного путешественника. Он начал удивительно меняться. Щеки его из нежно-розовых стали вдруг густо-зелеными, в то время как башмаки, которые прежде были зеленые, как трава, почему-то порозовели, как розы. Нос знатного путешественника стал густо-синим. Первым опомнился Слыш.

– Схватить голубчика! – прошептал он. – Это опаснейший преступник... Держите его!

Слыш прыгнул прямо на знатного путешественника, но тот мягко отскочил в сторону. Они помчались по залу. Резкие, угловатые прыжки главного советника напоминали полет летучей мыши, в то время как все движения путешественника были на редкость мягкими и плавными.

После каждого прыжка он менялся. Нос у него вдруг стал золотым и просто сиял, разбрасывая лучи в разные стороны.

Но зато после следующего прыжка лоб его стал полосатым, белым в черную полоску, как у зебры.

В какой-то момент Слыш чуть было не ухватил знатного путешественника за полы развевающегося камзола, но в тот же миг с его правой ноги предательски свалилась калоша. Пока Слыш ловил ее ногой, путешественник очутился по другую сторону мраморной вазы. Там его сейчас же со всех сторон окружили стражники.

Нетерпеливо притопывая пяткой, вбивая башмак в непослушную калошу, Слыш бросился к путешественнику:

– Наручники! Кандалы! Цепи! В тюрьму его!..

Но знатный путешественник взглянул на него даже с каким-то сожалением.

– Я знал, что все кончится именно так, – почему-то грустно сказал он. После этого он дернул себя за ухо, легко подскочил и, совершив невероятный прыжок через голову начальника королевской стражи, нырнул прямо в мраморную чашу.

Мелькнули страусовые перья на его шляпе, которые к тому времени стали красно-сине-зелеными, и знатный путешественник скрылся под водой.

– Поймать его! Выловить голубчика! – прошипел Слыш.

Стражники бросились к мраморной чаше, расплескивая воду, принялись шарить руками по дну.

– Поймал! – закричал один из стражников, но на самом деле он схватил под водой руку Слыша.

Поднялся невообразимый шум. Вода расплескалась из вазы. Возмущенные рыбы высоко подпрыгивали. Брызги летели в лицо и глаза стражникам. Те, ничего не видя, хватали под водой друг друга за руки, ловили за хвосты рыб и всякий раз думали, что поймали знатного путешественника.

Наконец в мраморной чаше воды почти не осталось. Все в недоумении уставились на десяток рыб. Знатного путешественника в мраморной чаше не оказалось. Он исчез. Исчез бесследно. Пропал неизвестно куда вместе со своими розовыми башмаками и золотым носом.

– Ничего не понимаю! – прошептал главный советник Слыш, проведя рукой по взмокшему лбу.

Он упал в кресло, неизвестно каким образом очутившееся позади него. С виду кресло было как кресло и ничем не отличалось от остальных кресел, стоявших в зале вдоль стен: такие же гнутые золоченые ножки, такая же спинка, такая же шелковая обивка.

Но почему-то главный советник Слыш пролетел сквозь сиденье и грузно грохнулся об пол. При этом звук был такой, как будто все кости в нем стукнулись друг об друга.

В полной растерянности, со скрипом разогнув спину, он поднялся с пола.

И тут случилось самое невероятное.

Кресло не спеша взлетело в воздух. Сделав небольшой круг над главным советником, оно помахало на прощание гнутыми ножками и вылетело в открытое окно.

Глава 12

Черный голубь

– Эй, лентяйка, не видишь, что ли, голуби из дворца прилетели! Накорми их да голубятню почисти. А я отправляюсь варить манную кашу! – крикнула Лоскутику со двора Барбацуца.

У крыльца черные лошади гнули шеи, отливающие лиловым серебром, копытами рыли ямки в сухой пыли.

Кучер, сидя на козлах, опасливо поглядывал на Барбацуцу. Он держал за щекой орех и боялся его разгрызть. Барбацуца, ворча, залезла в карету. С такой злобой захлопнула дверцу, что кучер подскочил на козлах. Крак! – орех раскололся. Карета укатила.

Лоскутик полезла на голубятню. Среди белых голубей Барбацуцы она вдруг увидела одного голубя, совсем черного. Такого черного, как если в безлунную ночь заглянуть себе в кулак. Она поймала голубя, провела рукой по его спинке, по крыльям. Ладонь стала черной.

– Это не твой голубь! Отдай! – услышала она.

Внизу во дворе стоял черный мальчик. Весь черный, только кончик носа белый.

– Он сам прилетел, – обиделась Лоскутик. – На, очень он мне нужен. Забирай его, пожалуйста.

Мальчишка удивительно ловко вскарабкался на голубят-

ню. Никогда Лоскутик не видела таких худых мальчишек. Можно было подумать, что он весь под своей черной изношенной одеждой сплетен из тонких гибких прутьев.

Голубь тотчас перепорхнул к мальчишке. Уселся у него на голове. Но мальчишка стоял и смотрел на девочку.

– Как тебя зовут? – спросила наконец Лоскутик, решив, что дальше молчать невежливо.

– Меня зовут Сажа, – охотно ответил мальчишка. – Я трубочист. Я чищу дымоходы во всем городе. Каждый день семьдесят труб. Там в трубах так темно и дымно. Иногда мне кажется, что на всей земле навсегда наступила черная ночь. Тогда я начинаю разговаривать с моим голубем. Он всегда сидит на крыше, когда я чищу дымоход. И мне становится немного веселей сидеть в длинной черной трубе и скрести сажу и копать.

– Я тебя видела, – сказала Лоскутик.

– И я тебя. Это когда с неба текла вода. Что это было?

– А вот что! Смотри!

Лоскутик указала пальцем на выглянувшее из-за угла Облако. Облако было круглое, рот растянут до ушей. Короткие, кривые лапы прижаты к животу.

– Кто это? – тихо спросил Сажа и чуть не свалился с голубятни.

– Только не спрашивай его об этом. Он не любит! – поспешно прошептала Лоскутик. – Облако это. Ну просто Облако. Я тебе потом объясню.

– Облако!.. – Сажа в восторге заулыбался, отчего со щек у него отвалились и посыпались кусочки копоти, а с ресниц полетела черная пыль.

Облако огляделось по сторонам и взлетело на голубятню.

– Познакомьтесь. Это Облако, а это – Сажа, – весело сказала Лоскутик.

Но Облако только что-то невероятно квакнуло. Его жабы глаза разъехали в разные стороны. Оно потемнело. В животе у него сердито повернулся гром. Ни на кого не глядя, оно уселось на крышу и с угрюмым видом стало щекотать молнией голубей.

В этот вечер Лоскутик, как всегда, устраивала Облаку постель у себя под кроватью. Она взбивала подушки, а Облако, мрачно насупившись, сидело на шкафу и рисовало мокрым пальцем узоры на пыльных обоях.

– Не хочу, чтобы ты с ним дружила, и все, – вдруг сказал Облако, не глядя на девочку.

– Вот те раз! – огорчилась Лоскутик. – Это почему? Я совсем одна. Ты целые дни пропадаешь у жабы Розитты. Тебе и не до меня вовсе.

– Не забывай, у меня с жабой Розиттой важные дела, – строго сказал Облако.

– Ну да. Вон какое ты стало худое, темное. Пьешь, наверное, не вовремя, кое-как. Совсем одичало. Прилетишь – и сразу спать. Со мной даже не поговоришь ни о чем.

– А о чем ты будешь говорить с этим грязнулей?

– Он не грязнуля вовсе. Где он, по-твоему, возьмет воду, чтобы помыться?

– Небось говорил тебе, что ты красивая? – ревниво спросило Облако, продолжая водить пальцем по стене.

– Ничего он не говорил.

– А ты и не верь. Ты некрасивая, – сказала Облако и добавило подозрительно: – А не говорил он: «Вот вырасту и женюсь на тебе»?

– Ну что ты! Мы же только познакомились.

Облако больше ничего не сказала и с мрачным видом полезло под кровать. Оно долго не могло уснуть, ворочалось с боку на бок, укладывало молнию поудобней.

Лоскутик слышала, как оно вздыхало под кроватью, что-то бормотало обиженно.

Когда Лоскутик на другой день утром проснулась, Облака под кроватью уже не было. Как только Барбацуца отбыла во дворец, не поймешь откуда, как чертик из-под земли, выскочил Сажа.

Лоскутик махнула ему рукой. Он быстро забрался на голубятню.

– Я чистил сегодня длинную-предлинную кривую черную трубу, – торопясь заговорил Сажа, – и придумал страну.

– Страну? – удивилась Лоскутик.

– В трубе было совсем темно, вот я ее и придумал, чтоб мне было немного светлее, – сказал Сажа. – Не будешь смеяться?

– Не буду, – покачала головой Лоскутик.

– Пускай такой страны быть не может, но я ее все равно придумал. Слушай. В моей стране столько травы, что по ней могут ходить босиком все дети, даже самые бедные. Там много деревьев. И на всех, на всех зеленые листья. И еще по ним можно бесплатно лазить. Сколько хочешь.

– Хорошо... – Лоскутик даже закрыла глаза. Так ей было лучше видно эту страну.

– Там столько воды, что она окружает эту страну со всех сторон.

– Давай назовем воду морем. Это красиво – море.

– Давай. А в небе там много облаков. На каждого человека по облаку. Знаешь, я дарю тебе эту страну. Пускай она теперь будет твоя. Хочешь?

Лоскутик открыла глаза, вздохнула:

– Очень.

– «Очень, очень»!.. – послышался язвительный голос, и откуда-то из-под голубятни вылетело лохматое, растрепанное Облако. – Значит, так!.. Значит, мало тебе меня? Подавай целую страну с облаками?

– Ты подслушивало? – укоризненно воскликнула Лоскутик.

– Ну и что тут плохого? Мы, облака, всегда подслушиваем. Мы не виноваты, что люди болтают под нами всякие глупости.

– Все равно ты должно было сказать, что ты тут и все слы-

шипшь.

– Ага, выходит, у тебя уже завелись тайны от меня? – Облако с ненавистью посмотрело на Сажу. – Я так и знало, что все кончится очень плохо. Недаром моя бабка мне говорила: «Не дружи с людьми, не дружи! Не доведет тебя это до добра!»

В Облаке что-то заклокотало, как вода в кипящем чайнике. Оно с такой силой дернуло себя за ухо, что ухо оторвалось и полетело с ним рядом. Облако взлетело над голубятней.

– Прощай! – крикнуло Облако. – Теперь я больше никому не верю!

– Вернись! Вернись! – изо всех сил закричала Лоскутик.

Но Облако вытянулось в длину и превратилось в огромную змею. Оскорбленно шипя и извиваясь, оно улетело.

Глава 13

Кто же это был, в конце концов?

Как ты помнишь, мой читатель, знатный путешественник исчез самым таинственным образом.

Десять минут все, кто это видел, стояли в полнейшей растерянности, а еще через пять минут из дворцовых ворот вылетел отряд конных стражников. Поднимая немыслимую пыль, они промчались по улицам. Пыль повисла над городом, как серый мешок.

Стражники окружили гостиницу, в которой остановился знатный путешественник, но никакого путешественника там не оказалось.

Неизвестно куда пропали слуги в белых покрывалах, исчезли белые сундуки, а от трех верблюдов, привязанных к столбу во дворе гостиницы, остались только три небольшие лужицы.

Правда, старая, подслеповатая служанка клялась, что собственными глазами видела, как верблюды живьем взлетели на небо, а белые сундуки один за другим вывалились из открытого окна, поднялись вверх и пропали. Но никто, конечно, ей не поверил.

Король созвал тайный совет. Во дворец съехались все королевские ученые, советники и придворные. Здесь были знаменитые алхимики в остроконечных шапках, уже много лет

трудившиеся над тем, как превратить серебряные ложки и оловянные тарелки в золото. От них пахло серой, и они глядели друг на друга подозрительно и со скрытой злобой.

Здесь был даже главный астроном короля, который научно доказал, что месяц и луна – это одно и то же.

Из угла в угол, заложив руки за спину, быстро ходил маленький, пухлый человечек. У него были всклокоченные волосы и безумные глаза. Это был очень знаменитый ученый – специалист по форме блинов. Всю жизнь он посвятил одной мечте: испечь квадратный блин на круглой сковороде. Он испек несметное количество блинов, горы блинов и блинчиков, но среди них не было ни одного квадратного.

Да, что и говорить, здесь собрался весь цвет ученого мира!

– Ну-с, что вы думаете по этому поводу? – мрачно спросил король. – Кто же все-таки он был, этот путешественник?

Но даже сам главный советник Слыш, который знал, что творится в любом закоулке дворца, не мог ответить на вопрос короля.

– Ваше величество, – доложил слуга в золотой ливрее, с мокрыми до колен ногами. – Три человека просят разрешения срочно поговорить с вашим величеством. Они утверждают, что могут сообщить вашему величеству очень важные новости.

Король кивнул.

– Пропустить, – сказал Слыш.

Первым вошел в зал лавочник Мельхиор. Увидев острые

сабли, и пики, и еще множество острых и колючих предметов, лавочник просто затрясся от алчности и страха.

– Очень надежный и преданный слуга вашего величества, – шепнул на ухо королю советник Слыш. – Я о нем слыш-шал только самое хорошее...

– Ваше величество... – начал лавочник. Он извивался всем телом и не мог ничего с собой поделать. – Двенадцать белых собак!..

– Что?! – изумился король.

– Вернее, одиннадцать пуделей, одна дворняжка и лев на подоконнике! – выпалил лавочник, чувствуя, что он говорит что-то не то.

– Какая дворняжка на подоконнике? – нахмурился король. – Почему ко мне пускают сумасшедших?

– Нет-нет, ваше величество, умоляю вас, разрешите ему продолжать, – насторожившись, сказал Слыш.

– Собаки летали по всей лавке и купили краски... А лев был на чердаке и улетел в окно!.. – понимая, что он окончательно запутался и получается какая-то полнейшая ерунда, уже несчастным голосом закончил Мельхиор.

– Улетел в окно... – прошептал Слыш. – Кресло тоже улетело, и именно в окно! Тут есть несомненная связь. Эй, напоить его и отпустить!

Лавочник начал извиваться, как змея, которую держат за хвост. Он не мог сделать ни шагу. Слуги под руки вывели его из зала.

Вошел капитан королевских стражников.

– А у тебя что? – спросил Слыш.

– Вода с неба, ваше величество! – рывкнул капитан.

– Какая еще вода с неба? – Король с беспокойством оглянулся на Слыша.

– Сам видел! Она хлещет, а они пляшут! – выпалил капитан, вытягиваясь так, что стал похож на крокодила, вставшего на хвост.

– Кто хлещет? Кто пляшет? – прошипел Слыш.

– Вода хлещет, ребятишки пляшут. Прямо по лужам, ваше величество! Босиком!

Лицо короля побагровело. Большой мыльный пузырь вздулся у него на губах, задрожал, мягко отделился от губ и поплыл по залу.

Капитан королевских стражников застыл неподвижно, свел глаза вместе, глядя на плывущий прямо на него мыльный пузырь. Он твердо встретил опасность, приняв пузырь на кончик носа, да так и замер, боясь пошевелиться.

– Вы слышите? – вздувался и пенился король. – Нищие ребятишки босиком пляшут по лужам! В моем королевстве – по лужам! В моем королевстве – босиком! Какова наглость! Босиком! По лужам!..

Тем временем на месте капитана королевских стражников возник круглый, как бочка, дядюшка Буль. Он делал невероятные усилия, стараясь поклониться королю, но все было безуспешно, поскольку бочка никак не может согнуться по-

полам. Поэтому он попросту плюхнулся на пол и, не вставая, проговорил жалобным голосом:

– Больше не пьют!

– Кто не пьет? – Король выпустил еще один пузырь – прекрасный, сияющий, бледно-лиловый.

– Вдова с Нищей улицы – раз, слепой музыкант в Сером тупике – два, старый шарманщик, у которого сдохла обещанка, – три... – перечислял дядюшка Буль.

– К черту старого шарманщика! – Король выпустил целую стайку маленьких голубых пузырей.

– Они больше не покупают у меня воду – значит, они больше не пьют, – развел руками дядюшка Буль.

– «Значит... значит»!.. – передразнил его Слыш. – Значит, просто-напросто они достают воду где-то еще.

Дядюшка Буль выкатился из зала.

– Его величество желает знать ваше мнение, господа ученые! – прошептал Слыш.

Воцарилось неловкое молчание.

– Я думаю, что разгадку надо искать в усиленном влиянии луны, которую я недавно открыл, – проскрипел королевский астроном, низко кланяясь королю. Он считал, что, если он ничего не скажет, это может произвести на всех неблагоприятное впечатление.

Слыш только молча посмотрел на него, и королевский астроном тотчас же скрылся за чьей-то спиной.

– Я полагаю, – воскликнул специалист по форме блинов,

еще больше взъерошив свои волосы, — я полагаю, что эти летающие звери есть результат брожения дрожжей, в излишнем количестве проникших в атмосферу!

— Ваше величество, необходимо срочно поймать одну из этих летающих собак, — с важностью заявил алхимик в высокой остроконечной шапке со звездами. — Тогда я разложу эту летающую собаку на составные части при помощи окиси серебра и скажу вам, что это такое.

— Невежда! — воскликнул другой алхимик в шапке еще более высокой. — Это неслыханно — разлагать летающих собак с помощью окиси серебра! Это же просто безграмотно! Летающих собак разлагают на составные части только с помощью щелочи. Это же знает любой недоучка.

— Нет, при помощи кислоты! — возопил алхимик в шапке пониже.

— Щелочи!

— Кислоты!

Алхимики начали наскакивать друг на друга, как два пехотина.

— Недавно произошла одна презабавная история, — прошептал Слыш.

В зале стало удивительно тихо. Алхимики замерли, сверля друг друга глазами.

— Наверно, вы все о ней слыш-шали. Какой-то полоумный художник, по имени Вермильон, забрался на колокольню и звонил во все колокола. Мало того. Он вопил диким голосом

и призывал всех полюбоваться... чем вы полагаете?

– Облаком! – как один выдохнули все прославленные ученые и придворные.

– Так не думаете ли вы, что разгадка именно в этом? Не думаете ли вы, что в наше королевство залетело...

– Облако! – в один голос крикнули все.

– Да, – прошептал Слыш. Он всегда говорил очень тихо, но все всегда слышали каждое его слово.

Король выпустил небывало большой пузырь. Пузырь, упруго дрожа, поплыл, неся на себе бледные лица придворных.

– Какое несчастье!

– Облако!

– В нашем королевстве!

– Облако!

– Какая беда!

– Все было так хорошо, и вдруг...

– Облако!

– Это катастрофа!

Вбежал начальник королевской стражи, тот самый, до удивительности похожий на зайца.

Он заговорил, дрожа и заикаясь:

– Ваше величество! На площади Одинокой Коровы... Красный человек... Весь красный... Плачет... Брызжет вином во все стороны... Окружили... Хотели схватить... Но красный... взлетел кверху и повис на флюгере... Ваше вели-

чество, вниз головой... Висит и плачет...

– Он – это оно! – со свистом прошептал Слыш. Он резко повернулся к королю. Казалось, все кости в нем скрипнули, задев друг друга.

– Что? – переспросил король. – Ничего не понимаю!

– Это Облако! – совсем тихо сказал Слыш.

Глава 14

Удивительное происшествие в трактире «Хорошо прожаренный лебедь»

Площадь Одинокой Коровы, несмотря на свое грустное название, была самой шумной и оживленной площадью в городе. Здесь стучали молотками сапожники, загоняя гвозди в каблуки, шипели утюги портных, гром и лязг летел из кузниц.

Тише всех работал Великий Часовщик. Он неслышно мастерил крошечные пружинки и колесики, и только один раз в час из всех стенных часов выглядывали кукушки, куковали и кланялись старому мастеру.

Среди придворных короля Фонтаниуса I было много славных мастеров. Для того чтобы купить кувшин воды и каравай хлеба для своей семьи, им приходилось немало потрудиться.

Король за гроши покупал у них кинжалы с узорами на рукоятках, тончайшие кружева и вышивки, часы, которые никогда не спешили и не отставали, удивительные вазы с рисунками, просвечивающими насквозь.

Король выгодно выменивал на эти прекрасные изделия у других королей зерно и овощи – все, что не могла дать его измученная, несчастная земля. Затем втридорога продавал

это своим мастерам. Так что в карманы короля ручейками текло золото. А в кузницах до поздней ночи сверкали раскаленные угли, в мастерских не останавливаясь жужжали ткацкие станки.

Великий Часовщик вынимал из глаза выпуклое стекло и ложился спать прямо тут же, на полу, на жестком тюфяке.

И, как ты уже знаешь, мой читатель, все часы, большие и маленькие, сговорившись между собой, начинали музыкально тикать в такт, чтобы усыпить его.

Посреди площади в пыли возились полуголые ребятишки. Они рисовали пальцами друг у друга на пыльных животах разные забавные картинки.

Тут же на площади был трактир «Хорошо прожаренный лебедь». Самые богатые люди в городе заходили в темный, прохладный подвальчик осушить кружку отличного вина.

Хозяин трактира, человек жадный и расчетливый, очень гордился своей необычайной лысиной. Он извлекал из нее немалую выгоду. Каждое утро первым делом он до блеска натирал ее суконкой так, что она начинала сиять, как зеркало. Лысина отражала огоньки свечей, и поэтому в темном подвале становилось светлее. Благодаря этому трактирщик изводил вполовину меньше свечей.

Возле трактира вечно околачивался Один-Единственный Нищий. Остальных нищих король давно уже засадил в тюрьму.

– Королевство без нищих – это черт знает что, а не коро-

левство, — любил говорить король Фонтаниус I. — Что это за король, который не смог довести до полной нищеты ни одного из своих подданных? Нет, у меня тоже должен быть свой собственный нищий! Но только один-единственный!

Так как в этом королевстве могли прожить только замечательные мастера, то и Один-Единственный Нищий стал в конце концов замечательным мастером своего дела. Он так великолепно научился кланчить, выпрашивать, ныть, просить, вымаливать, жалобно урчать животом и залезать в душу, что только очень богатые люди могли прогнать его от своего порога. От одного его вида начинало щекотать в носу. Бедняки со слезами на глазах делились с ним последним глотком воды.

В этот день Единственному Нищему не повезло. Он думал хоть чем-нибудь поживиться в «Хорошо прожаренном лебеде». Но там сидели только одни богачи и скупердяи: дядюшка Буль, главный тюремщик, его закадычный дружок начальник королевской стражи и продавец придворных калош.

Единственный Нищий протягивал к ним дрожащую руку, тряс лохмотьями, хромал и пронзительно скрипел деревяшкой, которую он привязывал к своей совершенно здоровой ноге. Но за все свои труды он заработал только пинок от начальника королевской стражи.

Увы, ему нужно было совсем не это. Ему был необходим кусок хлеба и хотя бы один глоток воды — Единственный Нищий не ел и не пил уже целые сутки.

Все поплыло у бедняги перед глазами, и поэтому он несколько не удивился, увидев белого человека, с необыкновенно печальным видом сидящего верхом на бочке с вином в самой глубине темного подвала.

Трактирщик, у которого на лысине слева и справа, прямо над ушами, отражались две горящие свечи, наполнил четыре кружки красным вином. Он поставил их рядом на прилавок.

Единственный Нищий увидел, как белый человек наклонился и с тяжелым, сокрушенным вздохом припал к кружке с красным вином. Потом ко второй, к третьей, к четвертой...

Белый человечек заметно порозовел.

Заметив, что кружки таинственным образом опустели, трактирщик так быстро завертел головой, что огоньки свечей так и заплясали на его лысине. Но главное, от растерянности он забыл заткнуть бочку.

Розовый человек, который еще недавно был совсем белым, свесился с бочки, повис вниз головой и припал ртом прямо к бьющей фонтаном красной струе.

– Вот это да!.. – пробормотал изумленный Единственный Нищий и хлопнул себя по коленям.

Он не выдержал и захохотал. Наверное, в первый раз в жизни. Все уставились на него, и поэтому никто не видел, как розовый человек пил вино, раздуваясь и постепенно становясь темно-малиновым.

– Интересно, над кем это ты смеешься? – закричал очень самолюбивый продавец придворных калош и запустил в

Единственного Нищего большой обглоданной костью.

– Может быть, ты посмел смеяться надо мной? – с возмущением воскликнул начальник королевской стражи и кинул в него подушкой, на которой сидел.

– Конечно, ты смеялся не надо мной, но вот тебе на всякий случай! – сказал главный тюремщик, доставая из-под стола скамеечку, на которую он ставил ноги.

Он швырнул ее прямо в голову Единственному Нищему. Но Единственный Нищий ловко увернулся. Он был к тому же еще большим мастером увиливать и увертываться.

– О люди! Люди! – послышался печальный, укоризненный голос. – Швыряться скамейками! Ни одно облако никогда не швырнуло бы скамейку в голову облаку! Никогда! Никогда! Слышите вы?

Все обернулись на этот странный голос да так и замерли от изумления. Верхом на бочке, уныло сторбившись, сидел темно-красный человек. Он не спеша поднял руку, дернул себя за ухо и взлетел в воздух.

Он медленно проплыл над трактирщиком, над головами сидящих за столом посетителей. У него было очень грустное лицо. Из глаз капали слезы. Он окропил темными каплями белоснежный воротник главного тюремщика, который считался большим щеголем в городе.

Громко вскрикнул продавец придворных калош: тонкая струйка вина угодила ему прямо в глаз.

Начальник королевской стражи вытянулся, как будто про-

глотил собственную саблю. Нос его посинел, потому что маленькая молния стрельнула в его серебряный шлем.

Красный человек опустился на пол. Шатаясь из стороны в сторону и цепляясь ногами за табуретки, он направился к двери.

Тут все изумились еще больше. Дело в том, что красный человек как две капли воды был похож на Единственного Нищего. Стояли дыбом его нечесанные волосы. Сквозняк шевелил великолепные лохмотья.

Красный человек встал на пороге. Тут все сидящие в подвале увидели, что он прозрачен и светится красным, как бочка с вином, если сквозь него посмотреть на огонь.

– Идем отсюда, здесь нас все равно не поймут, – грустно сказал красный человек Единственному Нищему и пошатываясь вышел из трактира.

Глава 15

Что надо сделать, чтобы уговорить Облако сесть в карету

— Быть не может... — прошептал капитан королевской стражи, к тому времени он немного пришел в себя после удара молнии, нос его принял натуральный оттенок. — Его величество разрешило иметь в королевстве только Одного-Единственного Нищего. А теперь их стало двое. Что я скажу его величеству?

Между тем появление красного человека на площади Одинокой Коровы вызвало необыкновенный шум и суматоху. Жена богатого дубильщика кож чуть не налетела на него. Она уронила корзину с яблоками, которую только что выменяла на великолепно выдубленную кожу осли. Яблоки запрыгали по мостовой. Но ребятишки даже не бросились поднимать эти странные, невиданные плоды.

Все смотрели на красного человека. Люди выглядывали из окон и тут же выбегали на площадь. Даже Великий Часовщик добрал до порога и встал, ухватившись за косяк.

Красный человек, спотыкаясь, брел через площадь, размахивая руками и что-то невнятно напевая. Что-то вроде этого:

Мы все такие грустные,
Как листики капустные...
Ведь любят даже индюка,
Собаку, курицу, быка.
Но почему ж не любят Облака?

К всеобщему изумлению, красный человек посмотрел вокруг пустым взглядом, дернул себя за ухо и взлетел кверху. Он уселся прямо на вывеску сапожника.

Вывеска была в виде сапога с серебряной шпорой-звездочкой. Примостившись на этом сапоге, красный человек пригорюнился, подперев щеку ладонью, всхлипнул и сказал, не обращаясь ни к кому:

– Как я был счастлив, найдя друга здесь, на земле. Но она променяла меня на первого попавшегося трубочиста... Да, да, на чумазого, только что вылезшего из трубы мальчишку...

Грудь его начала тяжело вздыматься. Красный человек бурно зарыдал. По деревянному сапогу потекли красные струйки. В это время из трактира «Хорошо прожаренный лебедь», загребая воздух руками, выскочил хозяин. С криком «Держи вора!» он бросился к лавке сапожника. Подставив дрожащую ладонь под сапог, поймал несколько капель, лизнул языком да так весь и затрясся.

– Проклятый пьянчужка! Мое самое лучшее вино! Он выпил целую бочку!

Трактирщик прыгал под сапогом. Тяжелые капли разби-

вались вдребезги о его прославленную лысину.

– Вот они, люди! – пробормотало Облако, печально качая головой. – Ему жаль бочку красной воды. Любой ручей дал бы мне сто бочек и не поднял бы никакого крика.

– Ты выпил мое вино! – вопил трактирщик.

– Ну, забирай его обратно!

Красный человек перекрутил свои лохмотья и окатил трактирщика широкой красной струей.

– Нет, ты заплати мне!

Трактирщик подпрыгивал изо всех сил и кончиком пальца задевал сапог. Сапог раскачивался, вместе с ним качался и красный человек.

– Вот они, люди! Деньги у них на уме, а не дружба, – всхлипнул красный человек. – Не мешайте мне отдаться моей печали...

Красный человек взлетел еще выше и повис на флюгере вниз головой. Он висел, зацепившись за флюгер ногами. Руками он закрыл лицо и горько плакал. Слезы бежали по лбу, стекали по волосам и стучали по черепице.

В это время послышалось щелканье кнута, торопливое цоканье и ржанье. На площадь Одинокой Коровы выехала тяжелая карета, запряженная четверкой отличных лошадей.

Дверца распахнулась – показалась нога в черной блестящей калоше. Из кареты проворно выскочил главный советник Слыш. Увидев народ, он злобно оскалил зубы, но тут же, не теряя ни минуты, направился к лавке сапожника.

Старый флюгер на крыше сапожника под легким ветерком, поскрипывая, поворачивался. Поворачивался и висящий на нем вниз головой красный плачущий человечек.

– Достопочтимое Облако, вы ли это? – прошептал Слыш странно дрогнувшим голосом.

– А кто же еще?.. Только добавь: несчастное и обманутое... – жалобно ответил человечек на флюгере, сморкаясь в красный носовой платок.

– О, как бесконечно, безмерно счастлив я вас видеть! – Слыш так осторожно взмахнул руками, как будто боялся кого-нибудь испугнуть. – Не желаете ли поехать со мной во дворец?

К Слышу подскочил трактирщик. Трогая пальцами его руку, заговорил торопливо:

– Этот негодяй выпил целую бочку моего вина! Прикажите стащить его вниз! Прикажите бросить его в тюрьму!

Слыш нажал ладонью на его лысину.

– Чтоб больше я не слыш-шал ни слова... – прошипел он.

Трактирщик осел вниз, как гвоздь, по шляпке которого стукнули молотком.

– Мне жаль вас. Вы пили эту дрянную кислятину. Я предложу вам лучшие виноградные вина, – любезно прошептал Слыш, низко кланяясь Облаку.

– Не... не надо мне... – всхлипнуло Облако и, уловив сочувствие в голосе Слыша, зарыдало еще горше: – Ничего я теперь не хочу, ничего...

– Может быть, вы желаете принять ванну? – терпеливо предложил Слыш.

– Не надо мне ванны... Нет, я так и знало, что все кончится очень плохо...

– Поплескаться в фонтане? – Слыш тихо скрипнул зубами.

– Не до плесканья мне... – безнадежно махнуло рукой Облако.

В глазах Слыша сверкнула ярость, пальцы скрючились, как будто хватали кого-то невидимого за горло, но голос стал только еще слаще.

– Может, вы хотите сыграть со мной в карты?.. Ах, простите, – спохватился Слыш, – я совсем упустил из виду, что облака не умеют играть в карты!

– Что?! – Облако перевернулось, шлепнулось на крышу, съехало до самого ее края. Уселось, спустив вниз ноги: одна нога в стоптанном красном башмаке, другая – босая. – Это я-то не умею? Да мы, облака, только и делаем, что играем на небе в карты, в шашки, в жмурки, в прятки, в третий лишний и в крестики и нолики!

– Не может быть! – прошептал Слыш, делая вид, что он вне себя от восхищения.

– А ты что думал? Да моя старая бабка Грозовая Туча, моя старая, милая бабушка, которую я не послушался и за это так жестоко наказан, – да она никогда не начнет грозу, пока не разложит пасьянса.

– Не может быть! – снова прошептал Слыш.

– Еще как может... – всхлипнуло Облако.

– Так докажите мне это, дорогое Облако! – Слыш распахнул дверцу кареты.

Облако неловко сползло с крыши. Раскинув руки, оно, качаясь из стороны в сторону, пролетело над площадью и головой вперед нырнуло в карету.

– Гони! – прошептал Слыш кучеру.

Он прыгнул следом за Облаком и захлопнул дверцу.

Глава 16

Слыш узнает кое-что очень важное

Как только карета тронулась, пьяное Облако упало на грудь Слыша и разрыдалось.

Слыш сидел, остекленелым взглядом глядя поверх всклоченной головы Облака. Его камзол, рубашка – все пропиталось вином. Но он продолжал сидеть неподвижно и терпеливо, боясь пошевелиться и спугнуть Облако.

– Давно ли вы залетели в наше королевство? – осторожно осведомился Слыш, скосив глаза на нечесаную голову Облака.

– Два месяца назад. Я и остался тут из-за нее... Из-за этой девчонки... А она... – всхлипнуло Облако.

– А как ее зовут? – прошептал Слыш, наклоняя ухо к Облаку.

– Нет, только ты, мой друг, ты один меня понимаешь! – зарыдало Облако, обвиняя шею Слыша своими руками.

– Ах, дорогое Облако! Вы должны были сразу прилететь ко мне! – с мягким укором прошептал Слыш. – Я бы вас прекрасно устроил, со всеми удобствами... – Лицо Слыша стало зловещим, но Облако не заметило этого. – Вы летали тут одно, такое нежное и беззащитное. Вас могли ранить!

– Это она нанесла мне смертельную рану! Она и этот мальчишка!.. – воскликнуло Облако, и слезы полились из его глаз

еще обильней.

Руками оно по-прежнему обнимало Слыша за шею. Носовой платок сам выполз из его дырявого кармана, подлетел и вытер слезы, бегущие по щекам.

– Вас могли убить! – Слыш озабоченно покачал головой.

– Меня нельзя убить. Она показалась мне такой одинокой...

– Неужели с вами ничего нельзя сделать? – тихо спросил Слыш, с трудом скрывая свое волнение.

– Можно, только этого никто не знает. Меня можно за... И я тоже был одинок. Никто на небе не понимал меня.

– Вы не договорили. Что «за...»? – Голос Слыша заметно дрогнул: – За-задушить?

– Меня нельзя задушить. Меня можно только за... Ты не знаешь, какие все облака равнодушные. Летят себе, куда ветер дует.

– Может быть, вас можно за-забросить камнями? За-заковать в цепи? За-засадить за решетку? За-заре-зять?

– Я был так счастлив у нее под кроватью. – Облако прикрыло глаза ладонью, предалось воспоминаниям. – На ночь она говорила мне «спокойной ночи»... Никто никогда не говорил мне «спокойной ночи»...

– За-засыпать песком? За-закопать в землю? Я об этом спрашиваю, потому что я ужасно за вас беспокоюсь!

– Она мне говорила: «Ты плохо выглядишь. Ты осунулось. Пей побольше!» О!.. – Облако застонало.

Все подушки в карете пропитались вином. От винных паров у Слыша кружилась голова. Даже кучер начал покачиваться на козлах, а лошади стали сбиваться с шага.

– Может быть, за-засолить в бочке с огурцами? За-зарядить вами пушку и выстрелить? – уже с отчаянием перечислял Слыш. – Как я за-за-за вас беспокоюсь! Как волнуюсь!

Если бы Облако подняло голову, оно увидело бы, каким нетерпением и ненавистью сверкают узкие глаза Слыша.

– Ох, как ты мне надоел! – наконец не выдержало Облако. – Ну так слушай: меня можно заморозить! Понял? Заморозить! Тогда мне конец. Я не смогу летать. Стану обыкновенной ледышкой, и все. Но никто этого не знает. Так перестань беспокоиться и дай мне в тишине оплакать мою разбитую жизнь...

– Заморозить... – прошептал Слыш. Он откинулся на сырые, тяжелые подушки. На мгновение закрыл глаза. – Значит, так...

Карета ехала по улицам странными зигзагами. Ее то заносило на тумбу, то она обдирала кору сухой липы.

Кучер на козлах что-то пел, хотя у него не было ни голоса, ни музыкального слуха. Лошади восторженно ржали.

– Дорогое Облако, – сказал Слыш, стараясь поудобнее устроиться среди мокрых подушек. – Я помогу вам отомстить. Откройте мне имена мальчишки и девчонки. Они у меня просто кувырком полетят в тюрьму, а если вы пожелаете, то и дальше – прямехонько на виселицу.

– Что?! Что ты сказал?! – Облако отстранилось от груди Слыша, посмотрело ему в лицо. – Пусть я простое пьяное Облако, но... девчонку и мальчишку на виселицу? Только за то, что они подружились?.. – Облако сжало ладонью лоб, затрясло нечесаной головой: – Негодяй! Как ты смел мне сказать такое? – Облако поднялось вверх, насколько позволяла теснота кареты. – Нет, я дальше с тобой не поеду! Останови карету, выпусти меня!

– Ну уж нет, – с ехидством прошептал Слыш, – попалась птичка!

– Куда ты везешь меня? – Облако в страхе ударилось об стекло.

По стеклу потекли винные струйки.

– В такую хорошенькую ледяную квартирку, – злорадно прошептал Слыш, наслаждаясь ужасом Облака. – Уложу тебя на ледяную кровать. Что поделаешь, придется тебе немножко постучать зубами от холода.

– Но за что? Что я сделало плохого?

Облако билось о стекла, о стенки кареты.

– Ты сделало кое-что хорошее и за это заплатишься. У нас в королевстве этого не любят. А что касается твоих друзей, то я до них тоже доберусь, не беспокойся!

– Нет, нет, не трогайте их! – Облако умоляюще сложило руки. – Они ни в чем не виноваты.

– Ты можешь просить меня сколько угодно, – отвратительно усмехнулся Слыш, – для меня твои слова не больше чем

жужжание пчелы над ухом...

Тут карету потряс такой удар грома, что стекла задрезжали, а лошади, сделав длинный скачок, понеслись стрелой. В то же мгновение Облако разделилось на тысячу маленьких кусочков.

Карета наполнилась громким жужжанием – Облако превратилось в тысячу пчел. Главный советник Слыш в ужасе замахал руками. Но, как известно, это самый наихудший способ спасения от пчел. Пчелы набросились на него со всех сторон. Пять пчел ужалили его в нос, семь – в лоб и несчетное количество – в щеки и шею. Эти пчелы жалили пребольно.

К тому же, надо добавить, это были не совсем обыкновенные пчелиные укусы. От этих укусов Слыша начало просто подкидывать на подушках. Слыш весь с ног до головы затрясся мельчайшей дрожью.

Дело в том, что у каждой пчелы вместо жала была крошечная молния – Облако разделило свою молнию на тысячу частей.

Пчелы, зловеще жужжа, кружились вокруг Слыша и с особым удовольствием жалили его знаменитые уши. Слыш метался, вскрикивая, подскакивал, хватался руками то за нос, то за ухо...

Наконец, не выдержав, он распахнул дверцу кареты. Пчелиный рой не спеша, с торжественным гудением вылетел наружу.

Слыш от ярости так заскрежетал зубами, что кучер натянул вожжи и обернулся, решив, что произошла какая-то крупная поломка: по крайней мере отскочило колесо или сломалась ось.

Между тем пчелиный рой преспокойно летел над крышами.

– Поворачивай! За ним! Вдогонку! – прошептал Слыш.

Но улица была слишком узкой, и карета, став поперек, застряла – ни назад ни вперед. Слыш в бешенстве кусал себе ногти, пальцы, руки, глядя вслед Облаку.

Теперь это уже не был пчелиный рой – пчелы слились во что-то одно длинное и очень знакомое. Слыш узнал себя. Он узнал свои оттопыренные уши, свои ноги. Ноги были тощие, костлявые, в больших бледно-розовых калошах.

Глава 17

Художник Вермильон знакомится с жабой Розиттой

Облако прилетело домой тихое, присмирившее. Послушно, без всяких капризов улеглось под кроватью.

«Вот всегда так: шумит, а потом самому стыдно. Чувствует, что виновато», – подумала Лоскутик, вспоминая, как разозлилось Облако, подслушав ее разговор с Сажей.

Но Лоскутик не знала, Облако мучило совсем не это.

– На кого ты сегодня похоже, что-то не пойму, – спросила она, свесившись с кровати и приподнимая край одеяла. – Где только ты такие уши раздобыло? Не знаю, с кем сегодня ты виделось, но только сразу скажу: с кем-то очень злым и противным.

Облако не ответило, повернулось к Лоскутику спиной, подтянуло коленки к подбородку.

– Ничего не случилось? – забеспокоилась Лоскутик. – Здорово ли ты? Что-то ты очень розовое?

– Нет, нет, спи, – вздохнуло Облако.

Лоскутик стала уже засыпать, как вдруг в открытое окно влетела летучая мышь. Начала летать по комнате, чертить в воздухе острые треугольники. Поискала, за что бы ухватиться, чтобы повиснуть вниз головой, не нашла ничего подхо-

дящего и вдруг вцепилась Лоскутику в волосы.

Лоскутик осторожно, чтобы не сделать ей больно, разжала холодные лапки, стащила летучую мышь с головы. Летучая мышь перелетела на шкаф, обиженно пискнула – видимо, ей больше нравилось сидеть, вцепившись девочке в волосы.

Облако нехотя вылезло из-под кровати.

«Ни-пи-пи-ти-ти-ти! – тоненько заскрипела летучая мышь, как маленький ящик, который то выдвигают, то за-
двигают. – Ти-пи-пи-пи! Ни-ти-ти-ти!..»

Облако с досады даже беззвучно топнуло ногой в большой калоше.

– Тьфу ты! Ну не жаба, а сыщик. Откуда она узнала?

Летучая мышь покачала головой, слетела со шкафа, на-
чертила в воздухе еще один треугольник и скрылась в окне.

– Что, что узнала? – встревожилась Лоскутик. – Ты о чем?

– Вот пристала, как туман к болоту! – огрызнулось Обла-
ко. – Собирайся, пойдем к жабе Розитте.

Лоскутик и Облако на цыпочках прошли мимо комнаты Барбацуцы. Барбацуца во сне стонала и вскрикивала: «Вул-
кан извергается! Спасайтесь! Бегите! Из него течет манная каша! О!.. Сколько манной каши!.. Она зальет весь город, всю землю!..»

Барбацуце и во сне не давала покоя манная каша.

– Знаешь что, – сказала Облако, когда они очутились на
улице, – давай зайдем за Вермильоном. Он давно просил по-
знакомиться его с жабой Розиттой. – Облако вздохнуло и до-

бавило что-то уже совсем непонятное: – Может, при нем она не будет меня так... Постесняется все-таки...

Лоскутик не стала его расспрашивать. Она и так видела, что Облако чем-то расстроено.

Они подошли к домику Вермильона. Рука Облака начала вытягиваться, удлиняться, без труда дотянулась до окна Вермильона, хотя он жил на самом верхнем этаже, под крышей. Заспанный Вермильон выглянул в окно, увидел Лоскутика и Облако, радостно закивал.

Через минуту он был уже на улице.

Они пошли по пустынным ночным улицам к королевскому парку. Вспугнутая их ногами пыль поднималась столбами, как будто хотела достать до луны.

Бульдоги, сторожившие парк, еще издали заметили Облако. Они низко опустили головы, а задними лапами и хвостами станцевали танец полной покорности. После этого они, скромно глядя в сторону, удалились, делая вид, что ничего не видят и не слышат. Не понадобился даже талантливый носовой платок.

Жаба Розитта, как всегда, сидела на каменной скамейке и тяжело дышала от старости.

«Какая поразительная жаба! – восхитился художник Вермильон. – Какая мудрость, какая сдержанность во всем! Надо обязательно написать ее портрет. Да, да! Я написал бы ее в профиль, освещенную луной. К сожалению, это невозможно. Нет денег, чтобы купить краски...»

Увидев Облако, жаба Розитта сердито затрясла головой и даже выплюнула проглоченного комара. Комар, обрадовавшись неожиданной свободе, запел дрожащую песенку и исчез.

Облако стояло, виновато опустив голову, накручивало платок на палец. Лоскутик к этому времени уже научилась немного понимать жабий язык. Во всяком случае, она разбирала отдельные слова.

Жаба Розитта хрипела, скрипела, каркала и строго стучала сморщенной кривой лапой по каменной скамье:

– Кхи... Кри... Какое... Ква... Ква... Пшш... Легкомысленное... Пуфф... Скрр... Ушш... Напиться пьяным... Кхх... Стыд... Позор... Кхи... Кхи... Кхи!..

Жаба Розитта раскашлялась так сильно, что больше не могла продолжать.

– Подумаешь... – пробурчало Облако. – Один-то раз в жизни. Ну, выпило этой красной воды. Я даже не помню, что со мной потом было...

Но жаба Розитта даже не посмотрела на Облако. Она с важностью, как старая королева, указала лапой художнику Вермильону на место возле себя.

Вермильон почтительно присел на краешек скамьи.

– Кви... Ква... Кхи... Кхи? – любезно проквакала Вермильону жаба Розитта.

Вермильон в растерянности оглянулся на Облако.

– Она спрашивает, как вы поживаете, – неохотно объяс-

нило Облако.

Облако обиженно отвернулось, глядя в темноту. Вид у него был такой, будто оно сейчас улетит куда глаза глядят. Оно уже начало вытягиваться. Это был верный признак, что сейчас оно взлетит кверху. Облако уже протянуло руку к уху.

– Неважно, совсем неважно, дорогая жаба Розитта, – сказал художник, задумчиво глядя ладонями свои колени. – Сижу без денег. Зарабатываю тем, что хожу во дворец и пишу объявления. Правда, бывают очень забавные объявления. Вот вчера, например, я писал такое... – Вермильон наморщил лоб, вспоминая. – Да, да! Очень забавное объявление. Завтра его расклеят по всему городу: «В понедельник, в три часа, во дворце состоится благородное состязание водохлебов. Кто больше всех выпьет воды, получит пять кошельков золота».

– Вот это да!... – тихо и восхищенно воскликнуло Облако. Глаза у него вспыхнули. – Кто больше всех выпьет воды! Это по мне!

– Не пушу, и не думай, – затрясла головой Лоскутик. – Они тебя поймают!

– Не поймают! Я буду ого каким осторожным!

– Знаю я, какое ты осторожное. Поймают, сунут в кастрюлю – и на огонь. – Лоскутик от ужаса даже зажмурилась.

– Пожалуйста, а я испарюсь и опять стану самим собой.

– А они еще что-нибудь...

– Да не выдумывай ты!

– Нет, нет, нет! – твердила Лоскутик.

– Да пойми же ты, глупышка, со мной ничего нельзя сделать! – Облако от нетерпения мягко приплясывало, втягивая в себя сверкающие капли росы. – Меня нельзя ни сжечь, ни убить, ни застрелить, как вас, людей! – Облако взглянуло на девочку, которая стояла с таким видом, как будто зажмурилась на всю жизнь. – Ну ладно уж, слушай. Меня можно погубить только одним: заморозить. Но им-то этого никогда не узнать, пойми. Я же об этом никогда никому не говорило. Только вот вам первым.

Жаба Розитта задумчиво посмотрела на Облако одним глазом. Глаз был выпуклый, прозрачный. Далеко в глубине как будто светила зеленая лампочка.

– Ты только подумай, – с мольбой сказала Облако жабе Розитте, заметив ее колебания, – я уже столько дней не могу пробраться во дворец. Они закрыли все форточки, замазали щелки, залепили воском замочные скважины. Ну почему ты считаешь меня таким несерьезным? Ты даже не знаешь, что я придумало. Они никогда не узнают, что я – это я.

Жаба Розитта медленно кивнула квадратной головой.

– Розитточка! – воскликнуло Облако и бросилось ее обнимать.

На радостях оно высоко взвилось в воздух, перекувырнулось в лунном свете.

Сквозь него, пискнув, пролетела летучая мышь.

Глава 18

Благородное состязание водохлебов

Объявление, написанное художником Вермильоном, висело на ограде парка, и ветер загибал один его уголок.

Тяжелые узорчатые ворота были гостеприимно распахнуты. У ворот стояла толпа. Время от времени от толпы отделялся какой-нибудь человек и робко входил в ворота.

Но таких было немного. Все считали, что от короля все равно ждать ничего хорошего не приходится и лучше держаться от всего этого подальше.

Но все-таки в конце концов желающих набралось не так мало. Тут были и бедняки, которым нечего было терять. Они просто надеялись хоть раз в жизни вдоволь напиться воды.

Конечно же, сюда явились и богачи. Вода была для них не в диковинку. Они привыкли много пить и мечтали завладеть пятью кошельками золота.

У входа в главный зал всех участников состязания встречали два дюжих стражника: Рыжий Верзила и Рыжий Громила в огромных безобразных калошах. Они бесцеремонно ощупывали каждого, кто входил в дверь.

Рыжий Верзила хлопал входящего по плечу. Рыжий Громила хватал участника благородного состязания за руки и держал его, пока Рыжий Верзила, наклонившись, ощупывал его коленки и башмаки.

Если бы кто-нибудь заглянул за тяжелые занавески у дверей, он обнаружил бы там главного советника Слыша. Припав глазом к щели между занавесками, облизывая пересохшие от нетерпения губы, он жадно оглядывал каждого входящего.

– Я все рассчитал... – шептал он еле слышно. – Облако прилетит. Оно не утерпит, не выдержит, знаю я его. Оно может притвориться кем угодно, но все равно его сразу узнаешь на ощупь. Но где же оно? Может, вот это Облако? Нет, это господин главный тюремщик. А это дядюшка Буль. Говорят, он продает разбавленную воду. А чем он ее разбавляет? Воздухом?... И это не Облако. И это не оно... Вот кто явился: продавец придворных калош. Смотрите-ка, даже мастер зонтиков пожаловал! А Облака все нет. Это не оно. И это не оно. И это не оно. Какой-то старикашка с седой бородой, в зеленой засаленной куртке. Вот Рыжий Громила хлопнул его по плечу. Он так и присел, бедняга. А это Один-Единственный Нищий. Притащился воды похлебать. Рыжий Верзила чуть не сбил его с ног. Нет, это человек из плоти и крови. И это не оно. А больше никого нет. Неужели... неужели я просчитался и Облако так и не прилетело?

В разгар этих тревожных мыслей знаменитые дворцовые часы, подумав, пробили три раза. Многие заметили, что на этот раз часы думали особенно долго.

Двенадцать трубачей вскинули золоченые трубы и затрубили. Вернее, затрубили только одиннадцать, из трубы две-

надцатого вылетел фонтан воды.

Король, сидящий на троне, широко зевнул и топнул ногой в золотой калоше. Участников благородного состязания впустили в зал. Богачи расположились поближе к королю, бедняки жались к стенам. Старикашка с седой бородой скромно забился в угол.

Слыш вздохнул и вышел из-за занавески.

– Итак, начнем! – прошептал он. – Кто много пьет – тот истинный друг короля! Начнем же наше благородное состязание!

Вошли слуги, держа на подносах бокалы с водой. Все стали жадно расхватывать бокалы. Как только кто-нибудь ставил пустой бокал на поднос, слуга тут же с почтительным поклоном подавал ему большое деревянное кольцо.

Бедняки, не привыкшие пить, с трудом смогли осушить по пять бокалов. Один-Единственный Нищий еле выпил три бокала. Он с грустью глядел на четвертый и никак не мог заставить себя допить его до дна.

Дубильщик кож так удивительно выдубил кожу на своем животе, что живот его мог растягиваться до невообразимых размеров. Он уже выпил тридцать пять бокалов и с торжеством поглядывал вокруг. На руках и даже на шее у него болтались деревянные кольца.

«Мои милые золотые монетки, – думал он, – цып-цып-цып, мои золотые цыплятки! Я устрою вам славный курятник в моем сундуке!»

Продавец придворных калош выпил десять бокалов, а одиннадцатый незаметно вылил на пол. Но Слыш заметил это, и продавец придворных калош так и не получил одиннадцатого кольца.

Главный тюремщик уговаривал сам себя:

– Ну, мой миленький, любименький! Ну-ка, из любви к себе выпей еще бокальчик! Ну-ка, за мамочку! А это за папочку! Что, больше не можешь? А я-то думал, что ты эгоист и из любви к себе выпьешь больше всех!

Разорившийся продавец зонтиков, костлявый, длинный, сам похожий на нераскрытый зонтик, держал в руке бокал с водой и не мог сделать ни глотка. Он смотрел на него полными слез глазами и думал о своей засохшей маргаритке.

А вокруг звенели бокалы и сухо щелкали деревянные кольца. Дубильщик кож выпил уже семьдесят два бокала, и его камзол разъехался по всем швам.

Многие лежали на полу кверху животами.

У дядюшки Буля, как у утопленника, из носа и изо рта текла вода.

– Что делать, господин советник? Кольца кончаются, – сказал на ухо Слышу главный слуга.

– Не может быть, – прошептал Слыш. – Мы заготовили пять тысяч колец.

Слуга молча показал пальцем куда-то в угол.

– Что это? – бледнея, прошептал Слыш.

Все, кто еще мог повернуть голову, посмотрели в сторону,

куда глядел главный советник.

Дубильщик кож уронил семьдесят третий бокал.

Скромный старичок с белой бородой, сидевший в углу, был весь завален деревянными кольцами. Собственно говоря, старичка вообще не было видно. Вместо него была огромная куча колец, под которой что-то шевелилось, и оттуда слышалось невнятное бормотание. Из груды колец с трудом высунулась рука и взяла еще один бокал.

Кольца разъехались в разные стороны, показалась голова старичка и его борода. Борода растрепалась, распушилась.

– Еще парочку бокалов, и все, – строго сказал сам себе старичок и погладил рукой бороду.

Слыш протер глаза. «Мне кажется, борода этого старикашки растет прямо на глазах... – подумал он. – Нет, поистине я схожу с ума...»

Дубильщик кож в ярости ударил себя кулаком по животу. В его животе гулко плеснулась вода. А старичок, что-то шепча себе под нос, выпил еще пять бокалов, взял шестой и строго сказал сам себе:

– Хватит, хватит! Это последний бокал, даю честное слово!

Он даже не взял протянутые слугой шесть колец. Победа была полной. Перешагивая через лежащих на полу участников благородного состязания, Слыш подошел к старичку.

– Разрешите пожать вашу руку!.. – прошептал

Слыш, пронзительным взглядом впиваясь в лицо старич-

ка.

– Вы очень любезны, – улынулся старичок, отступая в сторону. – Но это совсем не обязательно.

В глазах Слыша вспыхнул подозрительный огонек.

– Для меня это большая честь, – проговорил он, снова приближаясь к старичку, – пожать руку победителю!

– Стоит ли? – возразил старичок, прячась за колонну. – Я такой скромный и стеснительный. Пожалуй, лучше не надо.

– Нет, нет! Не лишайте меня столь редкого удовольствия! – воскликнул Слыш и преградил дорогу старичку в зеленой куртке.

– Ну, раз уж вы так настаиваете, – усмехнулся старичок и крепко пожал Слышу руку.

Слыш помертвел и покачулся.

Под звуки труб старичку торжественно вручили пять кошельков с золотом. Тот преспокойно рассовал их по карманам своей старой зеленой куртки.

Слуги подхватили под руки перепивших, поволокли из зала. От их пяток по полу, залитому водой, разбегались маленькие волны.

Старичок, не без труда перебравшись через гору колец, пошел к двери. Кончик бороды он засунул в карман. За дверь Рыжий Верзила захохотал, разинув пасть, ударил себя по бокам:

– Ха-ха-ха! Эй, Громила, ты видел?

– Видел, Верзила! Вот умора!

– Ну и бороденка у старикашки! Презабавная.

– Не сойти мне с места, Верзила! Старикашка повернет голову, а борода не поспекает, отстает.

– Я сам видел. Громила, старикашкина бороденка залезла в бокал. Раз – и бокал пуст!

– Что?! – прошептал Слыш, появляясь неизвестно откуда. Он, как всегда, слышал все, что говорилось в любом уголке дворца. – Борода пила воду?!

Слыш хлопнул в ладоши. По всему дворцу тревожно за-трещали звонки. Двери сами собой захлопнулись. Стражники скрестили алебарды, преградив выход всем, кто еще не успел уйти.

– Схватить старика с белой бородой! – приказал Слыш. – Задержать его во что бы то ни стало. Он не мог скрыться, он шел последним.

Стражники бросились в толпу. Но старика с белой бородой нигде не было. Был, правда, пожилой человек в зеленой засаленной куртке, но без всякой бороды.

– Оно опять обмануло меня, обхитрило!.. – простонал Слыш. – О, как я его ненавижу!

Нисколько не сомневаюсь, мой дорогой читатель, что ты давно уже догадался, кто был этот странный старичок с седой бородой. Ты совершенно прав! Ну конечно, конечно же, это был художник Вермильон. Ему ничего не стоило нарисовать себе великолепные морщины. А его белая борода – это наш друг, наш общий друг Облако!

Художник Вермильон благополучно выбрался из дворца – никто и не думал его задерживать. Карманы ему оттягивали тяжелые кошельки, но это его не радовало.

«Куда же девалось Облако? Я даже не заметил, как оно слетело с моего подбородка, – думал он в тревоге. – Опять оно что-нибудь натворит. Ведь оно такое легкомысленное, увлекающееся. Можно сказать, у него ветер в голове, вернее, вода...»

Глава 19

Путешествие на блюде манной каши

Итак, кто хочет узнать, что дальше случилось с Облаком, за мной, за мной! А кто не хочет, пусть закроет эту книгу и поставит на полку, только не бросает как попало.

Расставшись с подбородком своего друга, Облако тут же превратилось в большую белую вазу. Ему было просто необходимо хоть немного передохнуть и прийти в себя.

«Теперь я не улечу из дворца, пока хоть что-нибудь не раз-
узнаю о тайном источнике!» – вот о чем думала белая ваза, но этого, конечно, никто не знал.

– Что это? – возмутился главный украшатель дворца, проходя мимо. – Кто и когда без моего ведома поставил сюда эту белую вазу? Она совершенно не в стиле этого зала. Надо хотя бы поставить в нее цветы, чем-то оживить ее. Да, да, букет красных роз, вот что спасет положение!

И он отправился за букетом.

«Не знаю, как другие, но я совсем не люблю, когда в меня ставят букеты красных роз», – обеспокоенно подумало Облако.

Но через зал все время сновали придворные, и перелетать с места на место было небезопасно. Мимо Облака, шаркая ногами и разбрызгивая воду, прошел слуга, держа над головой золотое блюдо с горячей манной кашей.

«Вот уж кем мне никогда не приходилось быть, так это манной кашей», – подумало Облако.

Оно тут же незаметно взлетело кверху и уселось прямо на манную кашу. Это оказалось не очень-то приятным. Манная каша была только что с огня и изрядно припекала ему спину и пятки.

Слуга, который нес блюдо, был очень робкий, можно даже сказать, трусливый человек. Он всего пугался и от страха начинал туго соображать и плохо слышать. Поэтому все приходилось повторять ему несколько раз. Ему постоянно кричали:

«Иди на кухню! Эй, кому говорят, иди на кухню!»

Или:

«Блюдо давай! Кому говорят, блюдо, блюдо давай!»

Или:

«Кому говорят, неси кашу!»

Постепенно все так привыкли кричать ему «Кому говорят!», что это стало его именем, и никто уже иначе его не называл, как Комуговорят.

«Не знаю, достаточно ли это надежное место, – рассуждало Облако, проплывая вместе с манной кашей из зала в зал, – если король зачерпнет меня ложкой и отправит в рот... Не представляю себе, что из этого получится... Нет, надо быстрее что-то придумать...»

Облако перегнулось вниз и страшным голосом прошептало слуге на ухо:

– Сейчас ты споткнешься и уронишь блюдо с манной кашей!

Слуга побледнел, споткнулся, но блюдо все-таки не уронил. Он в испуге огляделся по сторонам, но, конечно же, никого не увидел.

«Похоже, что это привидение, – со страхом подумал слуга. – Я никого не вижу, – значит, никого нет. Но все-таки я кого-то слышу, – значит, кто-то есть. А если никого нет, а вместе с тем кто-то есть, – значит, это типичное привидение!»

– Кому говорят, сейчас же споткнись и урони блюдо! – снова провыло Облако.

«Привидение уже знает мое имя! – ужаснулся слуга. – А если привидение кого-нибудь зовет по имени, тому несдобровать».

Он снова споткнулся, затрясся всем телом и с невероятным трудом удержал блюдо над головой. Шатаясь, он вошел в главный зал, где уже сидел король и в нетерпении крутил головой, в то время как трое слуг, мешая друг другу, завязывали ему белоснежную салфетку вокруг шеи.

– Кому говорят! Сейчас же споткнись и урони манную кашу! – жутким голосом провыло Облако прямо ему в ухо.

Несчастный Комуговорят не выдержал. Носок его левой ноги зацепился за правую пятку. Бедняга споткнулся на ровном месте. Блюдо наклонилось... Короче говоря, произошло следующее: Комуговорят, золотое блюдо и горячая манная

каша – все полетело на пол.

Раздался всеобщий крик. Золотое блюдо загремело и задребезжало. Манная каша грузно шлепнулась на пол, обдав всех тяжелыми белыми брызгами.

Одни загородили лица руками, другие бросились оттирать камзол короля, и никто не заметил, как Облако проплыло над их головами и повисло на окне в виде тончайшей кружевной занавески.

Глава 20

Облако узнает тайну короля, что очень хорошо, и теряет свободу, что очень плохо

Наступила ночь. Не будем скрывать, Облаку было неуютно и даже немного жутко одному в пустом зале.

Иногда к окну подлетали летучие мыши, открытыми ртами на миг прилипали к стеклу, потом отваливались, исчезали в темноте.

Несколько раз ударял крылом о стекло старый филин Ночной Философ, приятель Облака. Что-то пробовал сказать – предостеречь, что ли, – но разобрать было нельзя.

Черный, заплывший жиром королевский кот, который лежал свернувшись клубком в кресле, приоткрывал зеленые щелки глаз, неодобрительно поглядывал на Облако.

«Что я, в самом деле! – рассердилось на себя Облако. – Совсем раскисло. Надо взять себя в руки...»

Облако облетело весь зал. Внимательно оглядело все, каждый угол, каждую щель, заглянуло повсюду. Но нигде не было ни рычага, ни дверцы, ни секретной замочной скважины. Ничего.

«Неужели, неужели я так и не узнаю эту тайну? – с огорчением подумало Облако. – С таким трудом проникнуть во

дворец – и напрасно. А мне все время казалось, он здесь, тайный источник здесь, во дворце. Значит, это ошибка. Нет, никогда не надо верить предчувствиям. Даже облачным...»

Облако сделало еще один круг по залу и повисло над черным котом. Вообще-то повсюду и во все времена кошачье племя терпеть не могло облака, считая их близкими родственниками дождю и лужам. Поэтому Облако никогда не вступало с котами в разговоры. Но это была последняя надежда.

– Эй, кот! – окликнуло Облако черного кота. – Ты ведь здешний. Послушай, может, ты знаешь: откуда берет король столько воды? Нет ли тут тайного источника?

– Может быть, и есть, – фыркнул кот, брезгливо дернув шерстью на спине, когда Облако пролетело над ним.

– Источник? И ты знаешь, где он? – воскликнуло Облако. От волнения оно трижды перевернулось в воздухе.

– Может быть, и знаю. – Кот приоткрыл ослепительные зеленые щелки глаз.

– Тогда будь другом, скажи! – Облако присело на ручку кресла.

– С какой это стати я буду открывать тайны своего хозяина, своего любимого хозяина? Ни за что в жизни! Никогда. Я не предатель, – оскорбленно фыркнул кот и неожиданно добавил: – Давай мышь, тогда скажу!

– Превратись в мышь. Скорее! – шепнуло Облако своему носовому платку.

– Не желаю! – заупрямился носовой платок. – В кошку – с удовольствием.

– Один раз, пожалуйста, – прошептало Облако торопливо. – Это очень важно.

– Ладно уж!.. – буркнул носовой платок.

И тотчас из-под кресла, где мирно лежал кот, выбежала мышь. Вертляво, суетливо побежала по полу.

– Говори, говори, где источник? – закричало Облако. – Сперва скажи!

Но кот и не слушал его. Одним скачком, как будто под шкурой у него была туго сжатая пружина, перелетел половину зала. Еще прыжок. Кот настиг мышь – раздался вопль разочарования.

– Мошенник! – зашипел кот.

Где-то вдалеке слышались шаги. Облако заметалось по залу в растерянности, не зная, куда спрятаться. Шаги приближались.

В углу, на невысокой колонне, стояла белая мраморная русалка с чешуйчатым хвостом. Облако нырнуло в другой угол, превратилось в точно такую же русалку и тоже встало на хвост.

Знаменитые часы под стеклянным колпаком задумались, перестали тикать, наконец печально пробили три раза. Двери распахнулись. Вошли двое. Один нес фонарь, обернув его краем плаща.

Двери за собой закрыли плотно, фонарь поставили на

стол. Теперь Облако могло их хорошенько рассмотреть. Это были король и его главный советник Слыш.

«Интересно, почему это они не спят? – удивилось Облако. – Насколько я знаю людей, их просто невозможно вытащить среди ночи из постели. Будут без конца потягиваться, зевать, охать. Это мы, облака, без отдыха ходим по небу и днем и ночью».

– Итак, дорогой Слыш, Облако опять перехитрило тебя, – сказал король кислым голосом. – К тому же мне пришлось напоить водой кучу оборванцев. Не говоря уже о пяти кошельках золота...

Черный кот, возмущенно и жалобно мяукая, стал тереться о калоши короля. Он указывал мордой на русалку, с ненавистью фыркал и косил в ее сторону зелеными глазами.

Но мысль о пяти потерянных кошельках с золотом приводила короля в такое раздражение, что он, не обратив внимания на своего любимца, отшвырнул его ногой.

Слыш прижал костлявый кулак ко лбу.

– Конечно, старик с бородой было Облако. Это несомненно. Но ведь я пожимал ему руку, вот как вам...

Слыш хотел пожать руку королю, но тот брезгливо оттолкнул его.

– Если ты не изловишь Облако, твоя песенка спета. Запомни это, Слыш!

Король в мрачной задумчивости прислонился к колонне. Перья королевской шляпы почти касались Облака. Испуган-

ное Облако затаило дыхание, стараясь, чтоб ни одна капля воды не упала на короля с его чешуйчатого хвоста.

«Что, если король нечаянно заденет меня рукой или обопрется плечом? – с волнением подумало Облако. – Тогда все пропало...»

– Скажи мне, Слыш, – подозрительно оглядываясь, спросил король, – ты уверен, что никто не прознал о нашей тайне?

– Можете не беспокоиться, ваше величество, – уверенно сказал Слыш. – Никто, кроме этого черного кота, не ведает о бесценном сокровище, что спрятано столь близко, но вместе с тем так надежно.

Облако наострило уши, боясь пропустить хоть словечко. Обиженный кот молча лизал ушибленную лапу.

– Довольно болтовни, Слыш, – нетерпеливо приказал король. – Настал час! Пора пускать воду!

«Воду?! – изумилось Облако. Оно покачнулось на хвосте и чуть не потеряло равновесие. – Как это воду?»

То, что произошло дальше, было совершенно невероятно. Облако решило, что все это просто-напросто облачный сон.

Король и Слыш подошли к трону. Облако как можно шире раскрыло свои русалочьи глаза.

Как ты уже знаешь, на спинке трона был королевский герб – золотое ведро с надписью: «Вода принадлежит королю».

Слыш, встав одним коленом на трон, с трудом, с усилием повернул тяжелое золотое ведро, так что оно встало кверху

донишком.

Послышался скрежет колес какого-то скрытого под полом механизма... Вздохи и скрип насоса. Слыш отскочил в сторону.

Королевский трон вместе с массивной мраморной плитой, на которой он стоял, поднялся вверх и отодвинулся в сторону.

Облако из всех сил вытянуло шею. На том месте, где прежде стоял трон, открылась черная квадратная дыра. Послышался отдаленный грохот, перешедший в плеск и журчание. Король заглянул в черный колодец.

– Сюда, сюда, моя водичка! – пробормотал он, потирая руки. – Иди сюда, мое золотце! Все мечтают о тебе: сухие глотки, пересохшие кишки. Ты снишься всем: людям и птицам, собакам и деревьям. Но ты только моя, только моя!..

– Ваше величество, – озабоченно сказал Слыш, заглядывая в колодец через плечо короля. – Вы не замечаете, что воды с каждым годом становится все меньше? Подземный источник, после того как вы заперли его, роет себе новое русло. Он уходит все глубже и глубже под землю.

– А... – беспечно махнул рукою король. – Лет на сто воды хватит. Для меня и моего сына.

– А после?

– Что мне думать о том, что будет после? Лишь бы сейчас наполнить подвалы золотом.

Внизу в темноте блеснуло что-то похожее на жидкое зер-

кало. Оно поднималось все выше и выше, перелилось через край, волнами побежало по полу. Это была вода.

Она закрутилась водоворотами вокруг черных калош Слыша. Вода по пути сама распахнула двери. Она потекла из зала в зал и дальше, вниз по мраморной лестнице.

И тут Облако не выдержало. Оно забыло об осторожности и благоразумии.

– Вода! Вода! Вода! – закричало Облако и заплясало на своем русалочьем хвосте.

Но если беспечное Облако забыло обо всем на свете, то кое-кто соображал быстро и точно.

– Оно! – шепотом вскрикнул Слыш, указывая на Облако кривым пальцем.

В мгновение ока он дернул какой-то шнурок.

Двери захлопнулись. Задребезжали звонки. Послышался топот ног, лязг оружия.

Облако в растерянности взлетело к потолку и там повисло, обвившись хвостом вокруг люстры.

– Оно узнало мою тайну! – прохрипел король; было видно, что еще немного – и он начнет пускать пузыри.

Слыш быстро повернул золотое ведро на спинке трона. Трон и мраморная плита встали на место.

– Попалось, голубчик! – прошептал Слыш, переводя дух. – Тебе отсюда не выбраться. Превращайся в кого угодно, нас не запугаешь.

– Посмотрим! – воскликнула русалка и вдруг опустилась

вниз густым туманом. Все скрылось из глаз. Туман был густой, как молоко.

– Где я? – блуждая в тумане, закричал король. – Я заблудился! Где мое королевство? Где мой трон? Слыш, ко мне!

– Я тут, ваше величество!

Слыш, вытянув вперед руки, бросился на королевский голос. Но, к сожалению, угодил пальцем прямо в глаз королю.

– Вы еще не знаете, какой я замечательный парикмахер! – гулко захохотал туман. Голос шел сразу со всех сторон – сверху, снизу, из всех углов зала. – Сейчас я вам устрою прелестные прически!

В тот же момент волосы Слыша и короля, потрескивая, встали дыбом. Жирный королевский кот вскочил на спинку кресла. Вся шерсть на нем взъерошилась самым необыкновенным образом. Он превратился в черный пушистый шар с двумя зелеными огнями. Кот жалобно замыкал, пуская во все стороны искры.

– Нет, быть туманом – это не в моем характере! – послышался голос Облака. – Туман – это что-то жидкое, доброе и глупое. А мне хочется быть сейчас кем-нибудь страшным и кусачим...

И тотчас туман стал редеть, как будто молоко разбавили водой. Из тумана проступил трон, золоченые кресла, черные окна. Через мгновение туман исчез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.